

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

86

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

86

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. А. СЕМЕНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБРАЗИВНОЙ ТЕХНИКИ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
В ДРЕВНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

Начиная с эпохи среднего палеолита, которую археологи называют еще и мустьерской эпохой или временем неандертальского человека, возникает способ обработки кости и дерева, занимающий промежуточное положение между строганием и обдиркой или грубой шлифовкой. Этот способ — скобление, снятие материала с обрабатываемого предмета малыми частицами. Хотя скобление не принято считать абразивной работой, существенно отметить, что современное техническое понятие «абразивный инструмент» берет свое начало от латинского слова *abrasio* — соскабливание.

Скобление дерева или кости — наиболее древний способ обработки. Весьма раннее возникновение его объясняется не стремлением первобытного человека к отделке грубых изделий, а трудностью процесса строгания. Изучение каменных орудий мустьерской Волгоградской стоянки показывает очень сильную изношенность рабочей части на массивных отщепях — затупленность лезвия и многочисленные выщербины на обеих его сторонах. Такой характер изнашивания указывает, что орудие в процессе обработки дерева или кости устанавливалось на предмет под большим углом — от 70 до 90°. Это наблюдение подтверждают и часто встречающиеся на мустьерских стоянках скобели с выемкой, служившие для обработки дерева: они устанавливались на материал под тем же углом. Только в одном случае удалось обнаружить среди материалов этой же стоянки отщеп, которым неандерталец работал как строгальным ножом, т. е. устанавливал его под углом 10—25°.

Стружка при скоблении получается очень тонкая, собранная в складки и ломкая. Если же обрабатываемый материал слишком тверд или сух, стружка превращается в грубый порошок.

Таким образом, есть известные основания считать, что в среднем палеолите скобление было преобладающим способом обработки дерева и кости; строгание еще только появилось. Но в следующую эпоху, в позднем палеолите, наряду со скоблением, продолжавшим существовать и даже в некоторых отношениях прогрессировавшим¹, значительно шире развилось строгание, возникла пришлифовка, т. е. зачаточная абразивная обработка кости. На изделиях из рога, кости и бивня мамонта и на каменных предметах встречаются следы трения о песчаниковые плитки — плоские участки

¹ Мы имеем в виду мелковыемчатые орудия для обработки иголок и шильев из кости.

с рядами параллельных царапин, с признаками, свойственными действию кварцевых зерен.

Шлифование каменных орудий в палеолите отмечено в немногих случаях, в частности,— среди материалов стоянки Костенки IV, раскопанной А. Н. Рогачевым². Здесь, на площади круглых жилищ в верхнем горизонте культурного слоя, найдено значительное число каменных отшлифованных предметов в форме линз и долот из зеленоватого сланца. Линзы и близкие по форме сланцевые предметы были определены нами как ретушеры. Назначение второй группы предметов осталось невыясненным.

Большое хозяйственное и культурное значение абразивная техника приобрела только с эпохи неолита, когда основные орудия для обработки дерева — топоры и тѣсла — начали шлифоваться.

Обработка рубящих орудий шлифовкой была завершающей стадией производственного процесса по выделке неолитических топоров и тѣсел, которые предварительно обивались. После шлифования рабочая часть орудия (частичная шлифовка) или все орудие (полная шлифовка) приобретало новые качества, обеспечивающие меньшее сопротивление обрабатываемого материала, в частности, дерева, за счет уменьшения трения.

Принципиальное отличие абразивной обработки каменных орудий от всех других способов состояло в том, что человек шлифованием мог снимать материал малыми равными частицами одновременно на значительной части обрабатываемого предмета; таким образом, создавались орудия правильных геометрических форм, с гладкой поверхностью. Вместе с тем шлифовкой можно было обрабатывать материалы любого строения и твердости, придавая изделиям желаемую конфигурацию. Некоторый недостаток в работе абразивами по камню — это малый внешний эффект в сравнении с обивкой, скалыванием и ретушью. Шлифование требовало от человека терпения и выдержки.

Широкое применение абразивной техники только в конце каменного века не случайно. Именно в эту эпоху общество, благодаря зачаткам земледелия, животноводства и рыболовства, приобрело некоторую устойчивость жизни после продолжительного периода крайне шаткого охотничьего хозяйства и быта. Численное увеличение неолитических обществ и оседлость позволяли их членам отдавать больше времени выделке шлифованных орудий. Кроме того, и самый уровень трудовых навыков в эту эпоху обеспечивал человеку возможность в течение долгих часов производить утомительные и однообразные движения вытачивания на камне необходимой формы рабочей части орудия.

Однако существующее в науке представление о крайней непроизводительности этой работы первобытного человека оказалось чрезвычайно преувеличенным. Известный советский этнограф М. О. Косвен пишет: «Простое копье, а тем более бумеранг, лук со стрелами, шлифованный и просверленный топор — все это требовало напряженного длительного труда. Наблюдатели рассказывают, что у отсталых племен какой-либо мастер затрачивает на приготовление одной вещи иногда несколько месяцев»³. Такая же точка зрения изложена в первом томе «Всемирной истории»: «Для того, чтобы сделать шлифованный каменный топор, необходимо было затратить недели, а то и месяцы напряженного труда»⁴.

Основным качеством абразива, будь то шлифовальная плита, фигурное точило или оселок, является способность к «самозатачиванию», т. е. к выпадению затупившихся зерен и замещению их новыми, ниже лежащими. Самые лучшие песчаники на глинистой или известковой основе все же не могут дать надлежащего эффекта без поливки водой, которая смывает пульпу (продукт

² А. Н. Рогачев. Костенки IV. Поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 58.

³ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 56.

⁴ «Всемирная история», т. I. Госполитиздат, М., 1956, стр. 133.

истирания абразива и обрабатываемого предмета) и обнажает новые зерна кварца или полевого шпата. Наши опыты по шлифованию нефритовых орудий в Ангарской экспедиции в 1957 г. показали эффективность работы с постоянной поливкой абразивной плиты водой. Установлено, что при таком способе нефрит стачивается за час на 20 г веса при большом физическом усилии работающего человека, при среднем усилии — на 10 г. На изготовление нефритового теса или топора среднего веса (400—500 г) требуется 30—35 часов работы при твердости обрабатываемого материала 5,5 по шкале Мооса.

Археология и этнография свидетельствуют, однако, что шлифовка каменных топоров нередко производилась и без поливки водой абразивов. На это указывают следы шлифования топоров на наклонной и даже вертикальной поверхности скал, открытые во многих странах. Например, такие следы известны на песчаниковых скалах в каньоне р. Чака близ древнего поселения Бонито, некогда занимаемого индейцами поэбло. Интересно, что в этом поселении следы шлифования различных орудий археологи обнаружили даже на стенах жилищ, сложенных из песчаниковых плит⁵ (рис. 1—7).

В областях, богатых вулканическими отложениями (Япония, Италия, Кавказ и др.), в качестве абразива широко использовалась с древних эпох пемза — ноздреватая, губчатая порода (лавовая пена). Пемза образуется под действием проникающих в лавовые излияния газов; состав ее — преимущественно риолитовый и трахитовый.

Исследованные нами пемзовые бруски и чашевидные изделия из того же материала, обнаруженные при раскопках К. Х. Кушнаревой на поселении Узерлик-Тепе (Азербайджанская ССР, Агдамский район), оказались абразивными орудиями для обработки предметов из стеатита. Не лишено вероятности, что пемзовые абразивы употреблялись в древности, как и в наше время, для шлифовки дерева, кости и кожи (рис. 2—1—3).

Шлифование и полирование каменных зеркал хорошо известно по этнографическим данным. Гавайцы делали зеркала из базальта. Но полировка камня до степени зеркального блеска — дело трудное, а главное, отражательная способность полированного камня невелика. Гавайцы поэтому клали свои базальтовые зеркала в чаши и заливали их водой, чтобы повысить качество рефлекса⁶.

У некоторых американских племен, стоявших при появлении европейцев на уровне неолитической культуры, абразивные орудия играли в технике главную роль. Археологические материалы из селения Бонито в каньоне р. Чака показывают, что здесь этими орудиями в больших масштабах обрабатывалось дерево. Стругание очень часто заменялось шлифовкой. Отделка древков для стрел, выравнивание потолочных балок (шестов), веретен, мотыг, копалок, досок и самых различных предметов из дерева производилась трением о бруски, плиты, желобчатые и фигурные инструменты из глинистых и известковых песчаников. При этом употреблялось два рода абразивов — «пассивные» и «активные»; первые были неподвижны в процессе работы, двигался обрабатываемый предмет; вторые, наоборот, находились в движении, а предмет был неподвижен.

Обтачивание дерева абразивами имело некоторые преимущества перед строганием его каменными ножами. Поверхность предметов в результате трения оставалась гладкой и ровной, тогда как после строгания на ней выделялись места срезов и ворсистость.

Абразивная обработка древков для стрел и дротиков имела существенное значение для дальности полета и точности попадания, так как эти свойства зависели от прямизны, гладкости поверхности и круглого сечения древка стрелы. Такие качества очень трудно было придать древку строганием. Их

⁵ N. M. Judd. The material culture of Pueblo Bonito. Smithsonian Miscellaneous Collections, v. 24. Washington, 1954, стр. 120.

⁶ E. H. Bryan. Ancient hawaiian life. Honolulu, 1938.

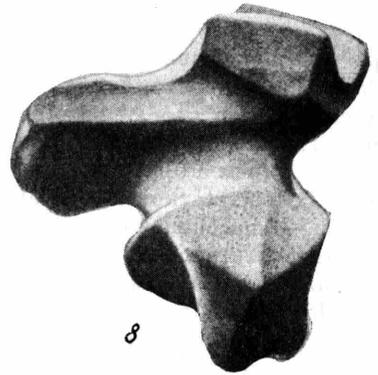
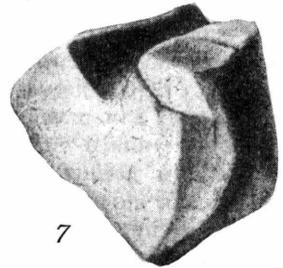
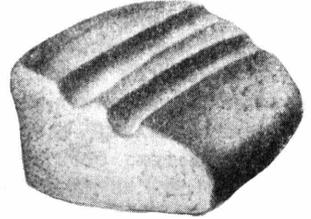
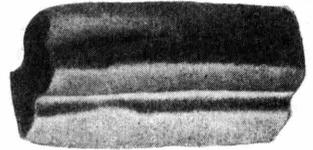
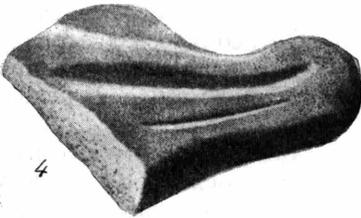
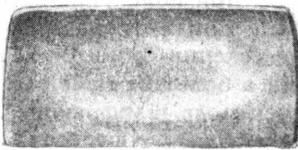
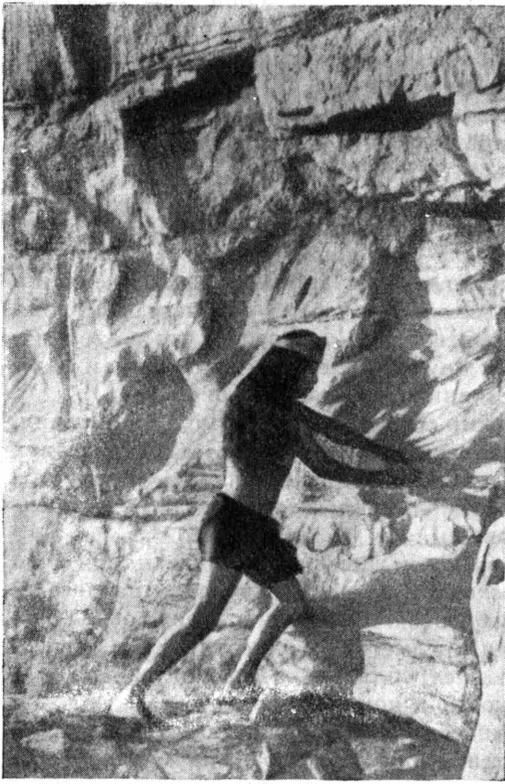

Рис. 1. Абразивная техника индейцев повбло. Северная Америка.

1 — индеец цуни (потомок повбло) демонстрирует древний способ шлифования каменного топора о стенку песчаниковой скалы; 2—4 — «пассивные» абразивные орудия (неподвижны во время работы); 5—7 — «активные» абразивные орудия для обтачивания древков стрел и копий (двигаются во время работы при неподвижности предмета обработки); 8 — универсальный абразив для шлифования предметов разных диаметров и профилей.

можно было получить с помощью абразивного орудия, состоящего из двух плашек или полуцилиндров с желобком строго заданного диаметра на плоской стороне. Подобные орудия применялись во всех странах света в неолите и в эпоху ранних металлов⁷.

Особенно важной в такой обработке древков для стрел была возможность их калибровать, т. е. придавать одинаковое сечение по всей длине, что «на глаз» сделать почти невозможно. Калиброванные стрелы позволяли успешнее производить пристрелку лука и овладевать меткостью стрельбы.

Стандартизация и калибровка в абразивной обработке дерева, кости и камня достигались увеличением контакта рабочих поверхностей. Это можно видеть по абразивным инструментам из Ангарских неолитических погребений (рис. 3—1, 2), по шлифовальному камню для вытачивания костяных кочедыков, применявшихся при плетении лаптей, найденному на Новотроицком городище (рис. 4—2), по орудиям из развалин укрепленных поселений поэбло (рис. 1—4—8).

Калибрование и стандартизация изделий в каменном веке приобретают существенное значение и для производства таких украшений, как бусы. Шлифование бус у индейцев поэбло — боито производилось на песчаниковом абразиве особого типа. На ровной плитке, на ее торцовой поверхности, делалась длинная канавка (или желобок), по которой и велась шлифовка. Правильность этой канавки определялась шириной торца плитки, а размеры и форма изделия — формой канавки. По мере углубления канавки плитка изнашивалась, но сечение канавки оставалось прежним.

Значение абразивных способов обработки камня, кости, рога, раковин и дерева в древности не ограничивалось шлифованием, т. е. изменением поверхности и формы этих материалов. Сверление каменных боевых топоров, булав, бус, пронизок, височных колец, даже изготовление каменных ваз, широко известных в древнем Египте, а также пиление нефрита, диорита, базальта и других пород производились абразивными орудиями из песчаников или с применением речного и морского кварцевого песка.

Пока в руки человека не попали металлы, вызвавшие новые методы обработки (отливки и ковку), абразивная техника оставалась универсальной. С появлением металлов абразивные инструменты сохранили свое значение

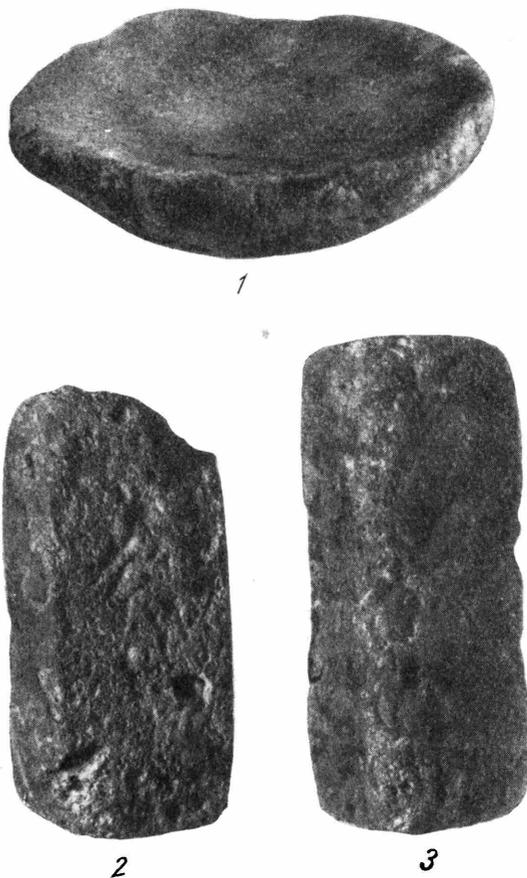

Рис. 2. Чашеобразный (1) и четырехгранные пемзовые абразивы (2, 3) для обработки стеатитовых изделий из Узерлик-Тепе (Азербайджан). Эпоха ранних металлов. Раскопки К. Х. Кушнаревой.

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 170.

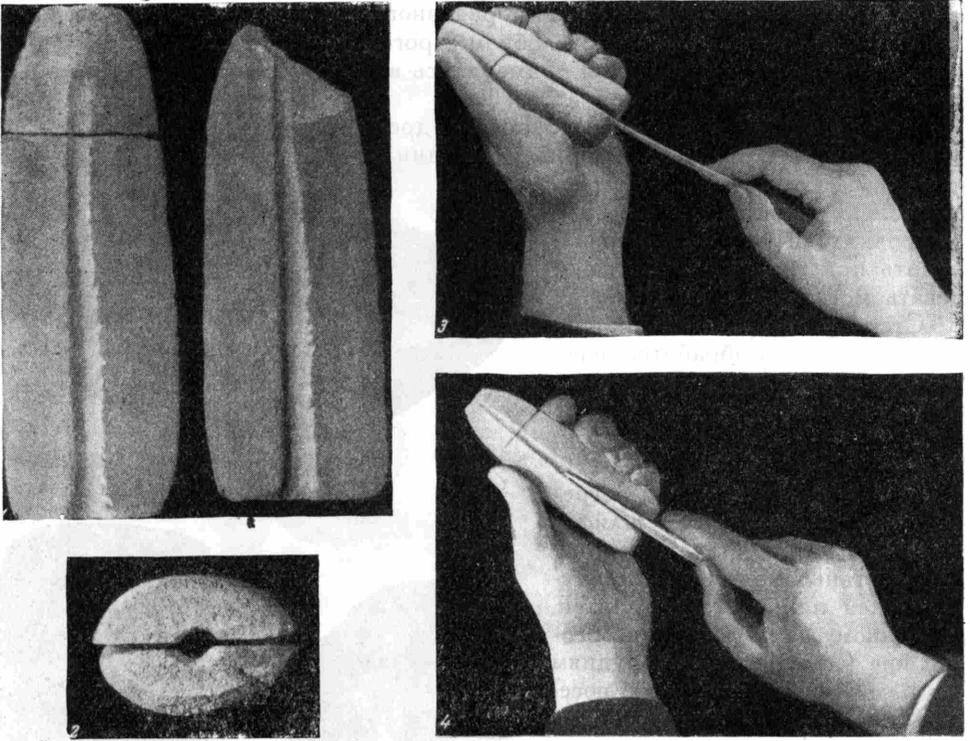

Рис. 3. Абразивный инструмент из двух полуцилиндрических половинок для вытачивания костяных шилев (1, 2). (Ангарские неолитические погребения. Раскопки А. П. Окладникова). Способы работы абразивными инструментами (3, 4).

в обработке кости, дерева, ювелирного и строительного камня и даже прогрессировали в этой отрасли техники благодаря изобретению простейших станков. Но для металлических орудий абразивы применялись только в заточке рабочих участков и полировке поверхности.

Такое положение в технике удерживалось почти до последнего столетия. Лишь в XIX в. произошел крупный сдвиг в связи с возникновением искусственных и очень прочных абразивов (кругов, сегментов), допускающих работу на больших скоростях в специальных станках. С этого времени роль абразивов неизменно возрастала в технике из-за необходимости обрабатывать твердые сплавы и доводить ответственные детали до высоких степеней точности с отделкой их до зеркального блеска.

В заключение хотелось бы отметить ту роль, благодаря которой абразивная техника способствовала освоению человеком различных областей земного шара в неолитическую эпоху.

Некоторые западные археологи, в частности,— Г. Чайлд, крупные достижения неолитической эпохи оценивают преимущественно по земледелию и животноводству, возникших в то время. Они недооценивают значение орудий труда новокаменного века. «Каменным топором,— пишет Г. Чайлд,— можно даже срубить дерево, но едва ли он достаточно прочен для вырубki большой площади леса в умеренном поясе». Через несколько строк Г. Чайлд добавляет: «Но едва ли кельт имеет настолько большое значение, что по нему можно определить целую фазу развития, которая гораздо лучше характеризуется коренными переменами в производстве продуктов питания...»⁸.

⁸ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 63.

Опыты датских археологов⁹, а также наши эксперименты под Каунасом (1956 г.) и на р. Ангаре (1957 г.) показали, что шлифованным топором можно за 15 минут срубить сосну 25 см в диаметре без каких-либо следов повреждения орудия. При умелом обращении каменный топор, особенно из таких материалов, как нефрит, диорит, базальт, способен служить человеку в течение многих лет, потому что степень изнашивания его о древесину очень мала.

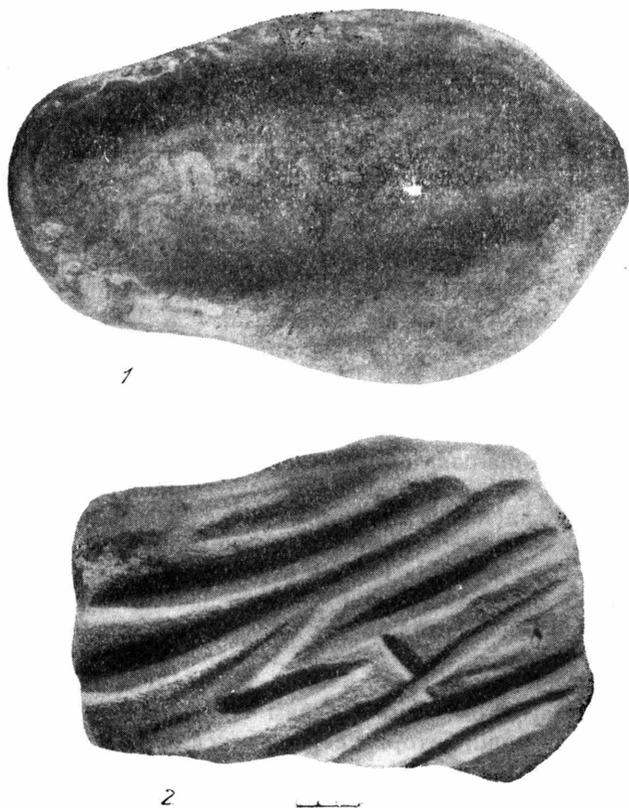

Рис. 4. Плоский валун из мелкозернистого песчаника с выемкой посередине от шлифования каменных топоров (1). (Неолит Сахалина. Раскопки Р. В. Чубаровой). Кусок песчаника с продольными следами обработки костяных кочедыков — инструментов для плетения лаптей (2). (Новотроицкое городище IX в. Раскопки И. И. Ляпушкина).

Исключительно важное значение абразивной обработки рубящих орудий в новую эпоху состояло не только в том, что шлифованная поверхность топора или тесла делала эти орудия более эффективными в работе, так как понижалось сопротивление обрабатываемого материала — уменьшалось трение. Шлифование позволило использовать для выделки орудий такие породы камня (диорит, базальт, сланцы, нефрит, змеевик и т. д.), которые не играли существенной роли в хозяйстве и технике предшествующих эпох, когда применялись обивка и расщепление кремня или близких ему по строению горных пород и минералов (обсидиана, агата, халцедона, кварцита, кварца и т. п.).

⁹ Sven Jørgensen. 'Skovrydning med Flitøkse'. Fra Nationalmuseets Arbejds-mark, 1953, стр. 36—43.

Кремневый нешлифованный топор, обработанный обивкой и ретушью, еще можно было использовать, хотя и с меньшим успехом, чем шлифованный. Кремневые нешлифованные топоры широко применялись в эпоху мезолита на территории Западной Европы. Они существовали некоторое время в неолите, потому что кремний — материал очень твердый — трудно было шлифовать. Но работать базальтовым или диоритовым топором или теслом без шлифовки было очень трудно, даже невозможно при неровной и шероховатой поверхности в изломе. Тесло, сделанное из базальта или диорита обивкой и ретушью, оставалось лишь заготовкой (болванкой) орудия.

На некоторых территориях Европы, Азии и Африки кремний встречался редко. В северной половине Восточной Европы не было даже отложений диорита, базальта, риолита, не говоря уже о нефрите или обсидиане. Заселить эти лесные области, богатые рыбой и зверем, человек не был бы в состоянии без знания способа абразивной обработки камня. Шлифованные тесла и топоры даже из мягких пород сланца позволили ему изготавливать долбленые лодки, необходимые в качестве транспорта и для рыбной ловли на многочисленных реках и озерах таежного севера. Шлифованные орудия были необходимы в строительстве жилищ, а в дальнейшем позволили вести подсечное земледелие. Одним из важных последствий новой техники было возникновение свайных поселений в различных областях земного шара.

Еще большие трудности для заселения представляли области тропического пояса и острова морей и океанов без долбленной лодки и возможности рубить деревья на значительных площадях. В тропических лесах возобновление растительного покрова протекает в бурных темпах. Только благодаря подсечному земледелию человек был способен пробиваться в чашу тропических джунглей и овладевать этой территорией.

Важнейшими каменными орудиями полинезийцев были тесла и топоры из тонкозернистого базальта. На Гавайях перед шлифованием базальт вымачивали в жидкости, содержащей сок местного растения (wai-laa) ¹⁰. Шлифование производилось на песчаных плитах, заточка — на оселке с мелким песком и водой, причем тесла и топоры делались прямоугольными в сечении и разных размеров — от долот в 5—6 см до тесел в 0,3—0,4 м длиной и в 4—5 кг весом. Благодаря этим орудиям создавались лодки (двойные и с ауригером), при помощи которых совершались большие плавания и был заселен весь островной мир Океании.

Таким образом, усовершенствования в технике оказывали решающее влияние на общий прогресс древнего человечества.

---

¹⁰ Е. Н. В г у а н. Указ. соч., стр. 37—40.

П. А. РАППОРТ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ТОРОПЦА¹

Маленький городок Торопец, районный центр Великолукской области, в прошлом играл немаловажную роль в русской истории. В летописях Торопец впервые начинает упоминаться лишь с XII в., однако в Печерском материале отмечено, что монах Исакий по прозвищу Чернь «в мирьстемь житии богат бе купець родом Торопчанин»². Исакий пришел в монастырь еще в первой половине XI в.; таким образом, первое упоминание о Торопце в письменных источниках свидетельствует о том, что город этот существовал, по крайней мере, с первой половины XI в.³

В XII в. Торопец был уже, по-видимому, большим и довольно важным городом, входившим в состав Смоленского княжества. На значение этого города указывает, в частности, размер дани, взимавшейся с Торопца смоленскими князьями⁴.

По-видимому, уже в середине XII в. Торопецкая земля выделилась в самостоятельный удел в составе Смоленского княжества. В начале XIII в. торопецким князем был знаменитый Мстислав Удалой. Став в 1210 г. князем човгородским, а позднее занявшись делами далекой Галицкой земли, Мстислав оставил торопецким князем сперва брата Владимира, а затем двоюродного брата Давида. Однако в летописях Мстислав продолжает называться торопецким князем вплоть до самой своей смерти в 1228 г.: «Преставися Мъстислав Мстиславичъ, князь Торопецкый, княжив в Галичи...»⁵.

После Мстислава Торопец попадает в сферу влияния владимиросуздальских князей; возможно, он был приданным дочери Мстислава, выданной замуж за Ярослава Всеволодовича. Известно внимание, уделявшееся Торопцу Александром Невским, который даже венчался здесь в 1239 г.⁶

Важная стратегическая роль Торопца как города, расположенного на литовском рубеже, особенно ясно проявилась к середине XIII в. в связи с усилением воинственного Литовского государства. С 1223 до 1253 г. в летописи пять раз отмечены бои с литовцами в районе Торопца, причем один раз литовцам удалось даже ворваться в самый город⁷.

Монгольское нашествие, видимо, не задело Торопца, но литовская угроза все более и более усиливалась, пока город не перешел в состав

¹ Доклад на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИИМК 15 апреля 1957 г.

² Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 128. То же — в «Повести временных лет» под 1074 г. (см. «Повесть временных лет», серия «Литературные памятники», часть 1. М.—Л., 1950, стр. 127).

³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1955, стр. 360.

⁴ Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. «Дополнения к Актам историческим», т. I. СПб., 1846, стр. 6.

⁵ Московский летописный свод. ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949, стр. 122.

⁶ Новгородская I летопись, 6747 г. (1240 г.).

⁷ Новгородская I летопись, 6753 г. (1245 г.).

Литовского государства. Произошло это, вероятно, в середине XIV в., после того как литовские князья овладели Витебской и Полоцкой землями. В «Списке русских городов», составленном в конце XIV в., Торопец числится уже среди городов литовских⁸. В составе Литовского государства Торопец продолжает оставаться весь XV в.

В конце XV в., в связи с усилением мощи Московского государства, вновь разгорается борьба Руси с Литвой за район Торопца⁹. Борьба эта закончилась взятием города русскими войсками в 1500 г.: «Посылал князь великой воевод своих в Литовскую землю... а московские воеводы литовских воевод побили и воевод поймали, а Торопец взяли»¹⁰. Но, входя уже в Московское государство, Торопец не потерял значения пограничного города. В течение всего XVI и начала XVII в. район Торопца был постоянно тревожим военными действиями. Даже в 1632 г. в царском указе воеводам, назначенным в поход на Смоленск, говорится о том, что литовские войска «и в Торопце... и в иных в украинских городех многие неправды и задоры учинили»¹¹.

Лишь к середине XVII в. постепенно начинает уменьшаться стратегическая роль Торопца как порубежной крепости, а к началу XVIII в. город окончательно теряет всякое военное значение. В XVIII в. Торопец продолжает, однако, оставаться довольно развитым в экономическом отношении городом, с широко распространенной торговлей, но в XIX в. и эта сторона жизни приходит в упадок. Торопец становится мало примечательным захолустным городком.

Памятников древнейшей архитектуры в Торопце не сохранилось; наиболее ранние здания относятся к концу XVII в. Но остатки древних оборонительных сооружений видны и сейчас: это — Малое городище, расположенное в южной части современного города на берегу озера; линия обороны Большого городища, защищающая значительно большую территорию вокруг Малого городища; остатки Торопецкого кремля на острове — так называемый Красный вал (рис. 5).

Бурное историческое прошлое Торопца давно привлекало внимание историков. Уже начиная с XVIII в. появляются специальные сочинения, посвященные истории города¹². Лучшее из них, несомненно, — работа И. Побойнина «Торопецкая старина» — прекрасная сводка по истории города, в которой использовано большое количество литературы и неизданных архивных материалов¹³. Был опубликован также сборник архивных документов XVII и XVIII вв.¹⁴. Наконец, в 1938—1939 гг. Н. П. Милонов произвел в Торопце небольшие раскопки, результат которых, к сожалению, остался неопубликованным¹⁵.

Однако, несмотря на то, что Торопец не был обойден вниманием исследователей, замечательные памятники военного зодчества города до сих пор оставались неизученными. В 1956 г. в Торопце были проведены разведоч-

⁸ М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки, т. 40. М., 1952, стр. 238, 239.

⁹ См., например, документы в Сборнике Русского исторического общества, т. 35. СПб., 1892, стр. 21, 35, 64 и др.

¹⁰ Псковская III летопись, 7008 г. Псковские летописи, вып. II, М., 1955, стр. 252.

¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией, т. 3, СПб., 1836, стр. 293.

¹² П. Иродионов. Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся. СПб., 1788; М. И. Семевский. Торопец, уездный город Псковской губернии. СПб., 1864; П. Петров. История гор. Торопца в конспективном изложении. Отчетные материалы Торопецкого отделения Псковского общества краеведения. Торопец, 1926, № 3.

¹³ И. Побойнин. Торопецкая старина. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1897 кн. 1—3 и отдельное издание — М., 1902. Об архитектуре Торопца см. В. В. Косточкин. Архитектурные памятники Торопца. Сб. «Памятники культуры», т. I, М., 1959, стр. 5.

¹⁴ «Торопец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий». М., 1883.

¹⁵ Отчеты Н. П. Милонова — в Ленинградском отделении Архива ИИМК: отчет за 1938 г. — ф. 35, д. № 45 за 1938 г.; отчет за 1939 г. — ф. 35, д. № 39 за 1939 г.

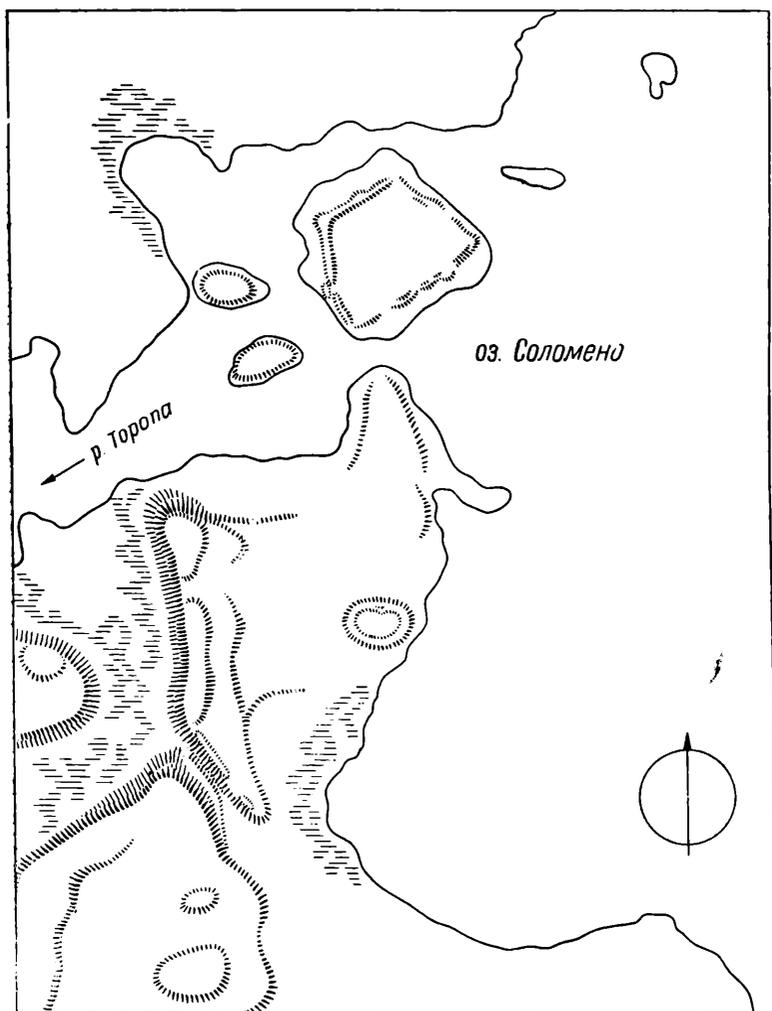

Рис. 5. Схема расположения оборонительных сооружений Торопца.

ные археологические исследования отрядом по изучению крепостей, работавшим в составе Среднерусской археологической экспедиции¹⁶. Эти работы, хотя пока еще лишь в самой общей и предварительной форме, позволяют осветить вопрос о значении и месте оборонительных сооружений древнего Торопца в истории русского военно-инженерного искусства.

* * *

Малое городище или, как его называют документы XVII в., Высокое малое городище расположено на плоской болотистой равнине на берегу озера Соломено (рис. 6)¹⁷. С трех сторон городище было окружено рвом, слабые следы которого сохранились до настоящего времени, причем ров этот,

¹⁶ Работа отряда велась на средства ИИМК и Великолукского областного музея. В ней, под руководством автора настоящей статьи, принимали участие М. Д. Штанько и А. Ф. Невзоров (Ленинград) и Е. А. Боровикова и М. А. Протасова (Москва).

¹⁷ Название озера происходит от древнерусского *солома* — проток, пролив. См. И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 3, СПб., 1912, стб. 461. Озеро это, действительно, проточное, через него протекает р. Торопа.

на низменной местности, несомненно, был наполнен водой. С четвертой стороны вал почти вплотную подходит к берегу озера. Шурф, заложенный на берегу у основания вала, показал, что верхний слой земли здесь образовался в значительной степени вследствие оползания вала, а в древности берег был еще более низменным, и вода озера подходила к самому подножию городища. Таким образом, в древности все укрепление оказывалось полностью окруженным водой.

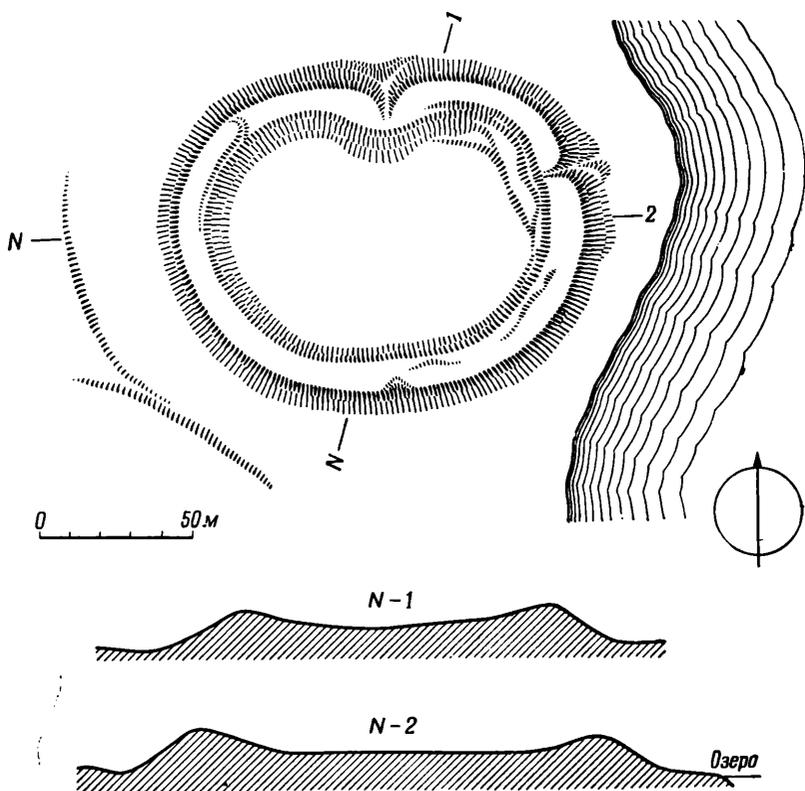

Рис. 6. Торопец. Малое городище.

Городище в плане — приблизительно овальной формы и сравнительно небольших размеров; его площадка равна 95×60 м. По периметру оно окружено мощным валом. Наружные склоны вала до сего времени сохраняют крутизну не менее 35° к горизонту; внутренние склоны более пологие.

На городище ведет въезд — с северной стороны; он очень неглубоко врезается в вал, т. е. проходит выше уровня площадки городища, которая сама лежит на высоте около 6,5—7 м над окружающей низиной. Шурфы, заложенные на городище, показали, что толщина культурного слоя достигает здесь более 2,5 м. Следовательно, в то время, когда эта территория первоначально заселялась, площадка возвышалась над окружающей местностью в виде бурга высотой всего около 4 м.

Культурный слой, благодаря его капиллярности, сильно насыщен влагой¹⁸. Уровень воды стоит на отметке — 0,7 м от материка (в средней части площадки). Постоянная влажность культурного слоя обеспечила совершенно исключительную сохранность органических остатков (дерева, кожи, навоза и пр.). Хорошо сохранившиеся бревна нижних венцов срубов древних

¹⁸ В данном случае это, по-видимому, подвешенная капиллярная вода.

жилищ были обнаружены на городище и разведкой 1956 г., и в раскопках Н. П. Милонова в 1938 г.¹⁹ В 1957 и 1958 гг. здесь проводились систематические раскопки, возглавляемые Я. В. Станкевич, а с 1960 г.— под руководством Г. Ф. Корзухиной.

Судя по находкам в нижних частях культурного слоя, время первоначального заселения городища — вторая половина X в. или первая половина XI в.²⁰ Вероятно, поселение с самого начала было укрепленным; об этом свидетельствует его расположение на возвышенном месте посреди болотистой низины.

Прорезка вала показала, что в насыпи в незначительном количестве встречаются культурные остатки, в том числе фрагменты керамики, относящейся к XII—XIII вв. Таким образом, сохранившийся до наших дней вал, окружающий городище, был сооружен, видимо, в XII в. или, что более вероятно, в XIII в. Это усиление торопецких укреплений естественнее всего связывать со временем Мстислава Удалого, когда значение города сильно возросло.

Валы городища целиком земляные, без всяких внутренних деревянных конструкций, насыпанные из слоев песка различного цвета. В верхней части насыпи, кроме песка, в засыпке заметны прослойки темной земли и глины, а близ поверхности — два слоя глины со значительным количеством кусков угля и обожженной глины.

В месте прорезки высота насыпи от основания оказалась более 7 м, но на других участках городища, где вал несколько выше, первоначальная его высота была, по-видимому, не менее 8—9 м²¹.

Материал культурного слоя городища показывает, что жизнь здесь протекала в основном в XI—XIII вв. и, частично, в XIV в. В верхней части слоя Н. П. Милонов обнаружил сыродутные металлургические горны, относящиеся, вероятно, к XV—XVI вв. Очевидно, в это более позднее время территория городища, уже не имевшего значения крепости, была занята металлургическими мастерскими.

После насыпки в XII—XIII вв. мощных валов принцип организации обороны Малого городища коренным образом изменился. Если до этого оборонительная система строилась по типу островного укрепления, использующего защитные свойства естественного (хотя и очень незначительного) рельефа местности, то после реконструкции вся система стала строиться исключительно на искусственных укреплениях. С этим связана и округлая форма городища, столь характерная для крепостей XII—XIII вв.²² При этом по высоте валов Торопец — одна из наиболее мощных крепостей среди всех укреплений подобного типа.

* * *

Второй укрепленный центр древнего Торопца — кремль или Красный вал — расположен примерно в 0,5 км к северу от Малого городища, на острове, образуемом двумя рукавами р. Торопы в том месте, где она выходит из озера. Здесь река очень редко замерзает даже в суровые зимы, и, таким образом, крепость обычно круглый год окружена водой. Вал обходит по

¹⁹ Раскопками Н. П. Милонова было вскрыто жилище XII—XIII вв.— изба-пятистенка (5,5×5,5 м), с глинобитной печью на каменном фундаменте. От постройки сохранился нижний венец сруба, углы которого опирались на большие камни. В жилище найдены керамика, железные изделия, стеклянные браслеты и пр.

²⁰ П. А. Раппопорт. Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 88.

²¹ При раскопках 1938 г. Н. П. Милонов обнаружил в валу остатки деревянной конструкции. Судя по месту, где проводились раскопки (почти в самом северном въезде на городище), можно предположить, что эта конструкция — часть воротного сооружения.

²² См. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 47; его же. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси. СА, 1959, № 1, стр. 120.

всему периметру крепости, однако не совпадая с естественным очертанием острова, а образуя в плане более или менее правильный четырехугольник (рис. 7).

В настоящее время валы кое-где сильно разрушены, а местами и совсем срыты. Высота наиболее сохранившихся валов (в северо-западной части городища) достигает 2,5 м. Рвов перед валами нет, так как основание их лицевого склона расположено в непосредственной близости от береговой линии.

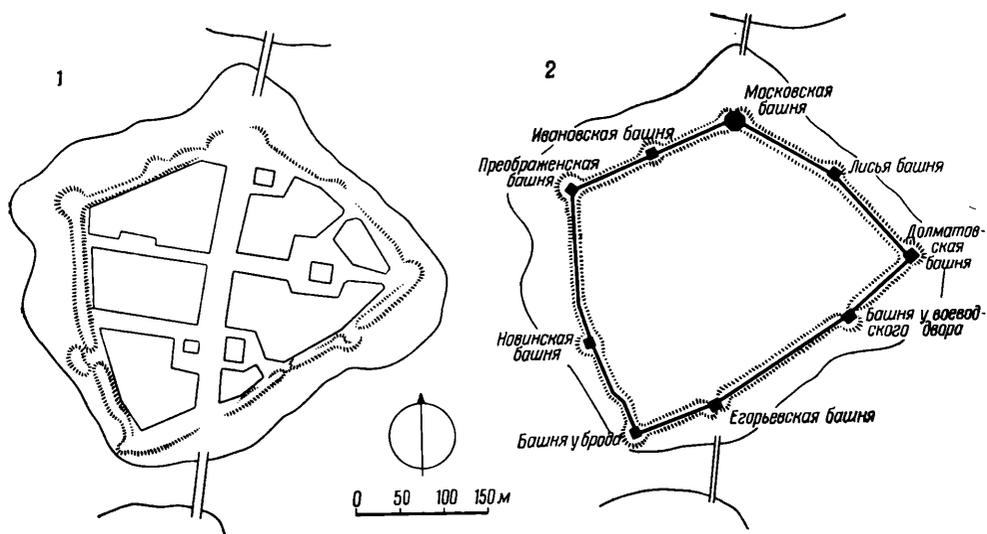

Рис. 7. Торопецкий кремль.

1 — современное состояние; 2 — реконструкция.

Прорезка вала в восточной части кремля показала, что вал целиком насыпан из песка, который кое-где перемежается небольшими прослойками гальки, глины и темной земли. В насыпи встречаются доски (главным образом, в лицевой части), лежащие вдоль оси вала, но не соединенные, по-видимому, в какую-либо связную конструкцию. Вал насыпан на материковом песке, уровень которого понижается в сторону озера. Поверх песка лежит тонкий культурный слой (10—12 см), где обнаружены фрагменты керамики, относящейся, видимо, ко времени от XI до XIV в. или, быть может, даже до XV в.

Таким образом, вал кремля насыпан, во всяком случае, не раньше XIV или XV вв. Сейчас трудно судить о первоначальной организации обороны Торопецкого кремля, поскольку укрепление неоднократно перестраивалось в более позднее время — в XVII в., а все сохранившиеся описания крепости относятся как раз к XVII в. Поэтому не исключена возможность, что часть башен была добавлена позднее, а конфигурация валов несколько изменена. Однако общая система планировки при этом вряд ли претерпела существенные изменения. Между тем именно основная схема планировки крепости позволяет уточнить время ее сооружения. Прямолинейные отрезки вала между башенными выступами, общая почти строго четырехугольная форма плана с равномерным распределением башен по периметру, безусловно, свидетельствуют о том, что Торопецкий кремль — памятник не древнее конца XV или начала XVI в.

Наиболее правдоподобно, что крепость была построена довольно скоро после взятия Торопца московскими войсками и передачи его по договору 1503 г. в состав Московского государства. Напряженная обстановка, сло-

жившаяся в это время на литовской границе, несомненно, требовала создания здесь достаточно мощных и современных крепостей.

Сравнение плановой структуры и расположения на местности Малого городища и кремля позволяет понять причину, вызвавшую перенос укрепленного центра города на новое место. Действительно, для XII—XIII вв. Малое городище было чрезвычайно мощной крепостью, само местоположение которой идеально отвечало требованиям обороны в условиях тактических приемов того времени. Крепость была окружена открытой болотистой низиной, полностью исключавшей возможность неожиданного захвата города «изгоном». Высокие крутые валы надежно прикрывали защищаемую площадку, а близость горизонта грунтовых вод давала возможность легко обеспечивать крепость водой на случай длительной осады.

Однако с изменением тактики и появлением новых видов оружия — сперва камнеметных машин, а затем и пушек — основные достоинства Малого городища были сведены почти к нулю. Штурм, поддерживаемый камнеметными машинами — пороками или пушками, был возможен со всех сторон кроме прикрытой озером восточной. Между тем крепость на острове отвечала новым требованиям обороны. С западной и восточной сторон здесь вообще нельзя было поставить пушки, иначе как на кораблях; с севера и юга пушки могли быть установлены, но должны были стрелять через реку на сравнительно большое расстояние. Незамерзающие рукава реки еще больше затрудняли здесь действия осаждающих при подготовке к штурму.

Более или менее подробных описаний крепости XVI в. не сохранилось. В переписной книге 1540—1541 гг. упомянуто только о крепостных стенах, а также названы Егорьевские ворота и Наугольная стрельня²³. В документе 1630 г. крепость описана уже несколько подробнее: здесь отмечены деревянные стены, башня над Никольскими воротами, наугольная башня за Долматовым двором, башня с водяными воротами, Егорьевская и Преображенская башни²⁴.

В 1634 г. во время большого пожара Торопецкий кремль сгорел. Военная обстановка в этом районе была напряженной, и поэтому за восстановление крепости взялись сразу же после пожара. В первое время ограничились установкой на земляном валу деревянного тына, а в 1650 г. началось строительство новой деревянной крепости, законченное в 1653 г.

К 70-м годам XVII в. крепость обветшала и была отстроена заново. От этого времени до нас дошли наиболее подробные описи, позволяющие судить о внешнем виде и устройстве укреплений. Сопоставление описи 1680 г. с сохранившимися остатками земляного вала показывает их полное совпадение и дает возможность восстановить, хотя бы в самых общих чертах, план укреплений Торопецкого кремля (см. рис. 7)²⁵.

С северной стороны крепости была расположена Московская проезжая башня, по-видимому, та самая, которая в документе 1630 г. была названа башней над Никольскими воротами; с южной стороны находились две проезжие башни — Егорьевская и «башня проезжая у воеводского двора», названная в 1630 г. башней с водяными воротами. Угловые башни носили наименования Долматовской, башни у брода и Преображенской. Кроме того, имелись еще глухие башни — Лисья, Новинская и Ивановская.

За исключением Московской, все они более или менее однотипны: цокольная часть, расположенная в валу, была рублена в виде многоугольника — на 12, 13 или 14 стен. Выше башни были четырехугольными, размером в плане приблизительно 5 × 5 сажен. Несколько меньше была лишь башня у брода, построенная в цокольной части на 6 стен, а выше достигавшая раз-

²³ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 56, 57.

²⁴ И. Побойнин. Указ. соч., стр. 107.

²⁵ Опись 1680 г.— см. «Торопец. Материалы для истории...», стр. 211.

мера $4\frac{7}{8} \times 3\frac{7}{8}$ сажени. Четырехугольный сруб башен был высотой в 30—36 венцов, а над ним располагались обламы еще в 8—9 венцов.

Среди всех башен формой и размерами ($11 \times 10,5$ сажени в плане) выделялась Московская, рубленая на высоту 10 венцов многоугольной «на 12 стен», а выше — еще на 31 венец («на 8 стен круглик»).

Все башни были покрыты шатровыми крышами, причем над проезжими и угловыми были еще «сторожевые чердаки». В Преображенской башне был сделан «земляной проруб», в котором расположен «тайник для воды». Отдельно в описи отмечено, что «колодезей в городе нет, а водою в осадное время скудно не будет».

«Городовая стена» крепости была в нижней части («от земли, от вала») на высоту 3 венцов рублена «в 3 стены», а выше — на 9 венцов «в 2 стены». Выше, еще на 3 венца, шли обламы, за которыми был боевой проход — «мост» и 5 венцов стены «с перерубами».

Башни и сама стена были «побиты тесом» и «по швам прибivano-дранью». Для подъема на «мосты» сделаны лестницы. Количество амбразур («боев») в описях не отмечено, но известно, что были бои нижние, средние и верхние, причем двух типов — мушкетные и пушечные. Общий периметр «города» по описи 1680 г. — 461,5 сажени.

В XVII в. оборонительные сооружения Торопца не ограничивались одним лишь кремлем. Правда, старое укрепление (Малое городище) было в это время уже заброшено, однако создана новая, дополнительная линия обороны — острог вокруг посада, который к этому времени разросся уже к северу от кремля. Трудно определить, когда именно сооружена внешняя линия обороны; по-видимому, в XVI в. ее еще не существовало, поскольку даже в 1580 г. при подходе неприятеля торопчане «по своему обыкновению сожгли город и, взяв с собою все имущество, удалились в крепость»²⁶. Можно предположить, что острог сперва был сооружен в начале XVII в. в связи с бурными событиями «смуты» и польской интервенции. Во всяком случае, первое упоминание об остроге относится к 1614 г.²⁷ В 1619 г. он был перестроен, причем в это время занимал уже несколько меньшую площадь, чем раньше. При пожаре 1634 г. было отмечено, что сгорели стены не только кремля, но и острога. В середине XVII в. вместе с возобновлением кремля заново построен и острог; однако уже в описи 1680 г. указано, что «около малого посаду острог рубленой был городовою стеною, и та стена и башни все огнили и развалились и бои засыпались и ныне около посаду острогу и башень нет». Ров, окружавший острог, к этому времени уже засыпался землей. В настоящее время никаких остатков острога вообще не сохранилось.

Общая протяженность линии острога, согласно описи 1680 г., была равна $428\frac{3}{4}$ сажени, причем стена шла от р. Торопы до озера. Поскольку острог защищал территорию посада лишь с напольной стороны, т. е. с севера и запада, со стороны реки и озера крепостных стен не было. Здесь в зимнее время по льду ставили временный острог.

Вооружение крепости составляли 32 медных и железных пищали, главным образом «полковые» и «полоторные». Распределялись эти орудия по башням очень неравномерно — в Московской башне было 10 пищалей, Егорьевской — 7, в Преображенской, в башне у брода и башне у воеводского двора, — по 4 пищали, в Долматовской — 2 и в Лисей — 1 пищаль. В Новинской и Ивановской башнях пищалей не было. Кроме того, в кремле хранились еще 5 пищалей и 2 тюфяка, перевезенные с разрушившихся башен острога. Существенную роль в защитном вооружении крепости, кроме пищалей, играли также деревянные бревна-катки: «и катки во всее городовую стену над верхними боями под кровлею на сваях положены»²⁸.

²⁶ «Рейнгольда Гейденштейна записки о Московской войне». СПб., 1889, стр. 144.

²⁷ И. Пойкин. Указ. соч., стр. 152.

²⁸ Там же, стр. 212.

Гарнизон Торопца в начале XVII в. состоял из 300 стрельцов, 40—60 пушкарей и воротников, а также примерно из 250—300 дворян и детей боярских. В середине и второй половине XVII в. количество стрельцов еще увеличилось, но значительная часть их в это время находилась на службе в других городах²⁹. Известно, что в 1683 г. стрелецкий караул в крепости состоял одновременно из 51 человека³⁰.

В 1683 г. новый крупный пожар опять уничтожил крепостные стены Торопца. В 1685—1686 гг. велось строительство новой крепости, однако оно не было полностью завершено, и вскоре укрепления были заброшены. В 1704 г. донесение воеводы фиксирует уже полуразвалившиеся стены и рассыпающиеся валы, а к середине XVIII в. от укреплений остались только жалкие следы³¹.

* * *

Кроме Малого городища и кремля, в Торопце существуют остатки еще одной, третьей оборонительной системы. Это линия обороны, ограждающая с юго-запада значительную территорию в южной части города, между р. Торопой и озером. Начинаясь от берега реки, близ места, называемого Лодейницей, линия обороны идет почти прямо к югу³². Этот оборонительный рубеж представляет собой естественную гряду холмов, подрезанную и подправленную с западной стороны так, что создается сплошная линия крутого склона, как бы мощный естественный вал. Роль рва перед этим валом играет довольно широкая заболоченная долина — Броснинское болото, пересохший рукав р. Торопы. Южнее, там, где естественная гряда холмов прерывается, она продолжена линией искусственного вала, перед которым вырыт ров. Далее оборонительная линия обрывается. Несомненно, что здесь она круто сворачивала к востоку и подходила к берегу озера.

В документах XVII в. эта оборонительная система поименована как «Старое Большое городище Кривитеск», а местные жители называют эту территорию более коротко — Кривит³³. Само название городища заставляло исследователей связывать его с первоначальным заселением района Торопца славянским племенем кривичей. Однако подобные предположения очень мало обоснованы. Известно, что в письменных источниках город с самого своего основания (или, во всяком случае, с первой половины XI в.) называется Торопцом. Название Кривит (Кривитеск, Кривитепск и т. д.) появляется впервые в письменных источниках XVII в. и то не по отношению ко всему городу, а лишь к Большому городищу.

Когда была построена оборонительная линия Старого Большого городища, — пока неизвестно; она может относиться к XI—XIII вв. и представлять собой окольный город древнейшего поселения, но может относиться и к XIV в., ко времени литовского владычества³⁴. Но когда бы эта оборонительная линия ни была сооружена, ясно, что в XIV—XV вв. она должна была служить основной оборонительной линией Торопца. Малое городище было крепостью главным образом в XII—XIII вв., а кремль основан, по видимому, уже в начале XVI в. Между тем в XIV и XV вв. Торопец продолжал оставаться укрепленным городом и, следовательно, должен был

²⁹ И. Побойнин. Указ. соч., стр. 153 и 186.

³⁰ Там же, стр. 190.

³¹ Там же, стр. 109.

³² «Лодейница» упоминается уже в писцовой книге 1540—1541 гг.; см. И. Побойнин. Указ. соч., стр. 24. Очень вероятно, что здесь находилась древняя пристань.

³³ Например, в писцовой книге 1628—1629 гг.: «...Кругом Старово Большово Городища Кривитеска...»; см. И. Побойнин. Указ. соч., стр. 18. Сама линия обороны Большого городища называется местными жителями Привальем.

³⁴ В 1939 г. при раскопках Н. П. Милонова в районе Привалья вскрыты остатки жилища XI—XII вв. Культурный слой этого времени прослеживается на территории Большого городища во многих местах.

иметь в это время какую-то систему оборонительных сооружений. В документах конца XV в. есть упоминания о торопецких укреплениях, причем они всюду называются «городом»³⁵. Согласно польско-литовской терминологии того времени, Малое городище, т. е. небольшая по площади цитадель, несомненно, была бы названа не *городом*, а *замком*. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что в «Списке русских городов» Торопец упомянут с добавлением слова «древян»³⁶. Между тем о материале, из которого сооружались укрепления, в этом списке говорится только в отношении нескольких наиболее крупных городов.

Таким образом, письменные источники этого времени, по-видимому, отмечают в Торопце не детинец, а другую линию обороны, окружающую сам город, т. е. Большое городище.

Следует отметить, что линия валов Большого городища, с точки зрения тактических принципов XIV в.—первой половины XV в., расположена чрезвычайно удачно. Основным приемом в то время для захвата городов был штурм, поддерживаемый камнеметными машинами — пороками³⁷. Однако ни с востока, ни с севера пороки нельзя было установить, поскольку с этих сторон город был защищен водой. С запада широкая полоса Броснинского болота, бывшего в то время, вероятно, еще речным рукавом, также делала штурм почти невозможным. Единственный уязвимый участок — это южная сторона, где находились искусственные вал и ров. Но этот участок очень невелик по протяжению, и поэтому во время осады здесь всегда можно было сконцентрировать достаточное количество защитников города и средств обороны.

Изучение оборонительных сооружений древнего Торопца приводит нас, таким образом, к выводу о том, что здесь существуют остатки трех различных оборонительных систем, характеризующих три последовательных этапа в развитии русского военно-инженерного искусства.

³⁵ См., например, И. Побойнин. Указ. соч., стр. 107, примеч. 24.

³⁶ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 239.

³⁷ П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, № 2.

Ю. Д. БАРУЗДИН и А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИНКА ИЗ КАРА-БУЛАКСКОГО МОГИЛЬНИКА

Начиная с 1954 г., экспедициями Краеведческого музея г. Оша и Института истории АН Киргизской ССР исследуется обширный курганный могильник, находящийся вблизи селения Кара-Булак, Баккенского района, Ошской области¹. Могильник расположен в урочище Кара-Таш на окраине обширной равнины у самого подножия Туркестанского хребта. Насчитывает могильник более 900 различных насыпей. Из раскопанных за прошедшие годы 136 курганов в подавляющем большинстве (126) вскрыты захоронения в подбойных и катакомбных камерах. Аналогичного типа курганные могильники широко распространены на территории Средней Азии. Такая конструкция погребальных сооружений хорошо известна по могильникам Ферганской долины (Исфара), Тянь-Шаня, Алайской и Таласской долин, Ташкентского и Бухарского оазисов. За пределами Средней Азии этот тип погребения широко представлен памятниками сарматско-аланского времени в Поволжье.

В Кара-Булакском могильнике встречен чрезвычайно обильный и разнообразный материал, отличающийся исключительно хорошей сохранностью. В частности, среди находок много предметов из органических материалов, которые в других аналогичных захоронениях отсутствуют, например, — большое количество деревянных изделий и тканей. Изучение материала, хотя окончательно и не завершено, позволяет датировать основную часть могильника II—IV вв. н. э.

Курган № 60, где обнаружена бронзовая пластинка, которой посвящена настоящая заметка, наиболее характерен для могильника. Насыпь его щебенчато-земляная. Высота — 1,64 м, диаметр — 12 м. Погребальное сооружение состоит из входной могильной ямы (глубиной 5,2 м), ориентированной с севера на юг, и подбоя под ее западной стеной. Яма заложена крупным булыжником; вход в подбой, где находился дощатый гроб на 4 угловых стойках, загорожен каменными плитами. Перед гробом — деревянный предмет неизвестного назначения, типа подставки; на нем — деревянная чаша с бронзовыми заклепками. За подставкой, под гробом, находился деревянный столик на 4 ножках. В южной части подбоя, около гроба, найдены 2 глиняных кувшина станковой работы (один — на конической полой ножке с прорезанным орнаментом), деревянное блюдо на 3 ножках, прямоугольная плетеная корзина с остатками меха (?), круглая плетеная корзина с костями барана, грецкими орехами и двумя деревянными сосудами; один из них

¹ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. 2, 1956, стр. 17—38.

с внутренней стороны покрыт красным лаком. На крышке корзины лежало деревянное блюдо, перевернутое вверх дном.

В гробу находился скелет женщины в вытянутом положении, на спине, головой на юг. На костях сохранились остатки ткани. Лицо было покрыто красным шелковым платком, на котором черными нитками, стебельчатым швом, вышиты две женские фигуры, держащие в руках драконов (?). Шелковая ткань с вышивкой уцелела также на обоих запястьях и плечах. Около черепа лежали 2 бронзовые серьги, на груди — ожерелье из каменных и стеклянных (?) бус. На левой половине грудной клетки оказались зеркало из белого сплава и железный нож в кожаных ножнах. На среднем пальце левой руки — перстень.

Перед черепом находился деревянный бочонковидный расписной предмет с деревянным веретеном. В ногах, у левой угловой стойки гроба, обнаружена плетеная корзинка, в которой лежали деревянные гребешок, два маленьких сосуда, палочка, а также кусочек графита для подкраски бровей. На черепе, под шелковым платком, — повязка из узкой полоски шелковой (?) ткани, сшитой из 4 кусочков (рис. 8). На ткань были нашиты восемь бронзовых полусферических бляшек (типичных для женских погребений могильника), пять позолоченных шестилепестковых розеток и пластинка с изображением бога луны и солнца.

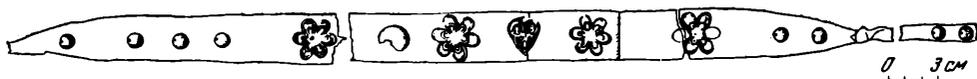

Рис. 8. Кара-Булакский могильник. Головная повязка.

Среди перечисленных вещей, найденных в кургане № 60, повязка и в особенности пластинка с изображениями божеств солнца и луны уникальны и чрезвычайно интересны.

Пластинка — простой листовидной, подтреугольной формы; размер — 25 мм в высоту при ширине 20 мм. Сверху в середине широкой части пластинки — специальная, предусмотренная при изготовлении, петелька для подвешивания. Два других отверстия пробиты в нижней части уже впоследствии, для пришивки к повязке.

Поверхность пластинки украшена рельефным штампованным изображением двух человеческих головок в верхней широкой части и линейно выполненным изображением пальметки черешком кверху. Головки и пальметка оконтурены сплошной линией перлов, образующих вокруг головок почти замкнутые ободки (рис. 9—1). Параллельно ободку перлов шла рельефная каёмка, которая в большей части оказалась, однако, за линией обреза пластинки. Человеческие головки, выполненные в профиль, обращены друг к другу: левая, мужская — вправо, женская — влево.

Учитывая небольшие размеры изображений, технику изготовления (штампом) и материал (бронза), следует признать качество изделия достаточно высоким. Едва ли его можно назвать первоклассным, но перед нами, безусловно, — работа очень умелого мастера-ремесленника. Сохранность изображений вполне удовлетворительная. Черты лица у обоих персонажей — правильные. Мужское лицо — безусое, безбородое; нос крупный, с едва заметной горбинкой, верхняя губа и подбородок четко оформлены, глаз и ухо намечены слабо. Волосы повязаны диадемой, украшенной перлами. Особенность прически состоит в том, что волосы на затылке образуют правильный шаровидный пучок — буклю. Характерна и передача верхней части груди и плеч в виде четырехдольной выпуклости. Никаких украшений — ни на шейных, ни в ушах — нет. Над головой — специальный атрибут персонажа — сияние в виде радиально расположенных лучей, идущих от лба к затылку. Перед лицом у ободка перлов заметны несколько мелких выпукло-

стей, вероятно, имитирующих надпись. У женщины — прямой нос, слабо обозначенные рот и подбородок, гладко зачесанные назад волосы, собранные на затылке в узел; лишь несколько ниже виска намечены две отдельные пряди. Очень четко передана четырехдольная выпуклость, образующая плечи и верхнюю часть груди. В качестве эмблемы перпендикулярно подлобному валику (видимо, передающему гладкую начальную повязку — диадему) расположен полумесяц.

Два главных атрибута — лучистый венец и полумесяц — свидетельствуют о том, что это изображения культовые — солнечного и лунного божеств,

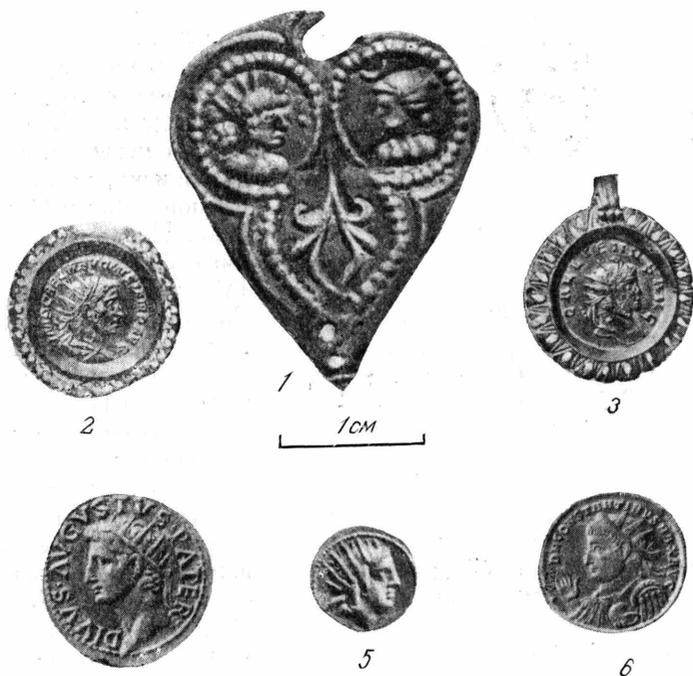

Рис. 9. Бронзовая пластинка с головной повязки и некоторые изображения на ювелирных изделиях и монетах.

1 — бронзовая пластинка (Кара-Булакский могильник); 2, 3 — ювелирные изделия римской эпохи; 4—6 — римские монеты (4—74 г. до н. э.; 5 — Августа; 6 — Константина).

В искусстве древности и раннего средневековья известно бесконечное количество памятников, на которых представлены антропоморфные изображения главных небесных светил, культ которых в той или иной форме был одним из наиболее распространенных. Он был известен и в Средней Азии. В этом отношении находку пластинки в Фергане нельзя назвать неожиданной; тем не менее она приобретает большое значение как наиболее ранняя из известных находок и уникальная для искусства этого рода.

Могильник в целом датируется II—IV вв. н. э. Насколько же эта датировка подтверждается итогами анализа публикуемой пластинки? Уже при первом взгляде становится очевидным, что мастер, изготовивший штамп для нее, подражал монетным образцам. Об этом свидетельствуют ободки перлов, окружающие головки, и имитация надписи перед лицом мужчины.

То, что ювелиры при изготовлении украшений подражали монетным образцам, — факт, столь же хорошо известный, как и то, что сами монеты применялись в качестве украшений. Достаточно указать на брактеаты, для которых монеты, как правило, служили прообразом². Известны и массивные

² См. А. К. Марков. Древняя нумизматика. СПб., 1901, стр. 220.

украшения с изображениями, имитировавшие монеты³ (рис. 9—2, 3). Во многих случаях удается установить и оригиналы таких подражаний. К сожалению, для кара-булакской пластинки мы это сделать не можем. И все же в нумизматическом материале мы находим необходимые данные для выяснения происхождения изображений на пластинке и определенные указания на их датировку.

Рассмотрим главные эмблемы, благодаря которым изображения на пластинке определяются как олицетворения солнечного и лунного божеств,— лучистый венец над мужской головой и полумесяц — над женской.

Рис. 10. Иранские и среднеазиатские монеты.

1 — из Персии; 2 — Soter Megas; 3 — парфянская;
4 — Санабара; 5 — вфталитская; 6 — Уррода.

ства Митры), очевидно, можно видеть определенную связь с интересующей нас эмблемой.

Исключительно обилен материал в римской нумизматике. Лучистый венец встречается уже на монетах республиканского времени, датированных около 74 г. до н. э.⁸ (рис. 9—4). Отметим, что I в. н. э. датируется и интересный тип монет из Пантикапея в Северном Причерноморье, с изображением бюста царя Асандра, голова которого окружена лучистым венцом⁹.

Непрерывная серия монет с изображением в профиль головы очередного императора, увенчанной лучистой короной, чеканится в императорскую эпоху, начиная от Августа (рис. 9—5) и до Константина Великого¹⁰ (рис. 9—6). Прекращение выпуска монет Константина в 324 г.— шаг, воспринятый как отказ от языческой эмблематики¹¹. Монеты императорской эпохи

³ F. H. Marshall. Catalogue of the jewellery... in the British Museum, t. L, 1911, табл. LXVIII, 2937—43.

⁴ Ch. Seltman. Greek coins. London, 1955, табл. LVIII, 10.

⁵ Y. de Morgan. Manuel de numismatique orientale. Paris, 1923—1936, t. I, стр. 120, фиг. 132, 2.

⁶ Ch. Seltman. Указ. соч., табл. LIV, 3; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XIV, 7, 10.

⁷ Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 285, фиг. 364.

⁸ E. A. Sydenham. The coinage of the Roman Republic. London, 1952, табл. 22, 783.

⁹ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XLIV, 20.

¹⁰ См. Н. Cohen. Description historique des monnaies, frappées sous l'Empire Romain, tt. 1—7. Paris, 1859—62; Н. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, voll. 5, London, 1923—1930.

¹¹ Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Stuttgart, 1936, XVII, 2, стб. 616.

следует особо отметить ввиду того, что именно они имели широкое хождение на Востоке, вплоть до Индии¹², известны также на территории Средней Азии¹³ и были излюбленным объектом для подражания, как и монеты греческого образца, чеканенные в греко-бактрийское время. В Средней Азии на рубеже и в первые века нашей эры получили распространение две категории монет, которые необходимо выделить: монеты так называемого безымянного царя с титулом *Soter Megas* (I в. н. э.)¹⁴, голова которого увенчана лучистым венцом (рис. 10—2)¹⁵, и кушанских царей. На реверсах ряда монет кушанских царей изображена фигура стоящего в полный рост божества (в профиль); голова его окружена лучистым венцом или, вернее, нимбом¹⁶. Надпись, сопровождающая изображение, называет божество или по-гречески — *Helios*, или по-ирански — *MiRO* (Митра). Точная дата прекращения выпуска монет этих категорий до сих пор не установлена; однако, очевидно, позже конца III или начала IV в. их уже не чеканили.

Важные опорные даты мы получаем при изучении другой особенности в трактовке солнечного божества — своеобразной детали прически, шаровидного пучка волос на затылке — букли. Такая прическа появляется впервые на монетах парфянских царей Осроя (106—130 гг.) и Вологеза IV; эти монеты датируются также началом II в. н. э.¹⁷ (рис. 10—3). Большое значение для нас приобретает эта деталь на монетах парфянского царя Санабара (рис. 10—4). В. М. Массон в специальной статье, посвященной монетам этого правителя, убедительно доказывает, что они, вероятнее всего, чеканились в Маргиане, в ведущей области владений Санабара¹⁸. Касаясь детали прически, В. М. Массон пишет, что эта новая мода зародилась на востоке парфянских владений и затем распространилась среди государей главной линии аршакидов¹⁹. Время правления Санабара относится исследователями к последней четверти или трети I в. н. э.²⁰

Такая прическа, как об этом можно судить по монетам, а также по множеству других разнообразных памятников искусства, особенно была распространена в сасанидскую эпоху и просуществовала до самого ее конца, т. е. до VI—VII вв. н. э.²¹ Столь же важная деталь в трактовке фигуры мужского божества на пластинке, характерная и для женского изображения, — это передача плеч и верхней части груди в виде четырехдольной выпуклости. Однако эта особенность засвидетельствована ограниченным числом памятников. К ним относятся монеты некоторых сасанидских царей, например, Варахрана II, правившего с 276 по 293 г.²², Варахрана IV (388—399 гг.)²³, монеты эфталитов, принадлежащие, очевидно, концу V и началу VI в. н. э.²⁴ (рис. 10—5). К ним следует добавить некоторые резные камни с тохарской надписью, тамгой и изображениями мужских голов

¹² M. Wheeler. *Rome beyond the imperial frontiers*. London, 1955, стр. 138, фиг. 16 (Map of Roman coins in India).

¹³ М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР. Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, вып. 2, 1948, стр. 141 и др.

¹⁴ Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 384, фиг. 486; М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя». Труды САГУ, вып. XI, 1950, стр. 18.

¹⁵ Л. Стефани. Нимб и лучезарный венец... СПб., 1863, табл. IV, П.

¹⁶ P. Gardner. *The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India*. London, 1886, табл. XXVI, 2, 10 и др.

¹⁷ Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 166, фиг. 177; стр. 169, фиг. 181.

¹⁸ В. М. Массон. Восточнопарфянский правитель Санабар. Труды ГИМ, вып. 26, М., 1957, стр. 39.

¹⁹ Там же, стр. 37.

²⁰ Там же, стр. 38 и др.; ср. Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 386, фиг. 490.

²¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М., 1935, табл. 1, 2, 6, 7 и др.; ср. «Survey of Persian art» (SPA), v. IV, табл. 251—254 и др.

²² Там же, табл. 251, Y.

²³ Там же, табл. 252, A.

²⁴ R. Ghirshman. *Les Chionites-Hephtalites*. Le Caire, 1948, стр. 10, фиг. 7; стр. 19, фиг. 17; стр. 20, фиг. 18 и др.; Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 450, фиг. 589, 590; стр. 451, фиг. 594.

(в профиль), причем верхняя часть груди и плечи переданы в виде трех или четырех долек. Резные камни датируются IV—V в. н. э., а местом их изготовления считается территория эфталитского государства, в состав которого входило Среднеазиатское междуречье²⁵.

В нумизматике мало сравнительного материала для эмблемы женского божества — полумесяца, в той его трактовке, которую мы видим на кара-булакской пластинке. Такой полумесяц изображен над женской головой (в профиль) на реверсах монет Нервы и Суллы, найденных в Боспоре (первая половина I в. до н. э.)²⁶.

Женское лунное божество часто фигурирует на реверсах монет Великих Кушанов, где оно сопровождается надписью *Selena* или *Maō*²⁷, обозначающей соответственно на греческом и персидском языке луну. Но так же, как и при изображении солнечного божества, божество луны дано здесь в полный рост, причем полумесяц помещен не над головой, а за плечами.

Изображения полумесяца часто встречаются на монетах так называемой группы Уркуда, признаваемых исследователями согдийскими и датированных III—IV вв. н. э.²⁸ (рис. 10—6), и на монетах эфталитов. В качестве параллели отметим также сасанидский резной камень III—IV вв. н. э., с погрудным изображением женщины в профиль, над лбом которой помещен полумесяц²⁹.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что лучистый венец на монетах засвидетельствован с III—II вв. до н. э. по III—IV вв. н. э., букля в мужской прическе — с I по VII в. н. э., четырехдольная трактовка верхней части груди и плеч — в IV—V вв. н. э., полумесяц над лбом — с I в. до н. э. по III—IV вв. н. э.

Таким образом, сопоставление хронологических показателей позволяет сделать вывод, что рассмотренные детали могли встретиться в одном памятнике, очевидно, лишь в III—IV вв. н. э. Можно предположить, что мастер — резчик штампа кара-булакской пластинки или сам создал стилистически и иконографически синтетический образ, или же он подражал уже существовавшему в это время произведениям искусства. Но, как указывалось выше, мы пока не знаем другого памятника, в котором встречаются эти детали. Следует еще раз подчеркнуть, что вывод сделан лишь на основе нумизматических параллелей. Мы воздержались от привлечения других памятников изобразительного искусства, однако необходимо отметить, что и они, насколько нам известно, не противоречат сделанному заключению.

Установленная дата подвески относится, естественно, ко времени ее изготовления. Как скоро после этого вещь была помещена в могилу, — сказать трудно. Но, очевидно, подвеска не слишком долго служила владельцам; она прекрасно сохранилась, хотя сама пластинка, из которой сделана подвеска, сравнительно тонкая и, следовательно, недолговечная. Изготовленная из дешевого материала, она едва ли передавалась по наследству из поколения в поколение. Дешевизна материала может, вероятно, свидетельствовать и о том, что подвеска не привозная, а местного производства.

Несколько слов о назначении кара-булакской пластинки. На повязке она оказалась в результате вторичного использования: отверстия для прошивки пробиты в нижней ее части не профессиональным, а каким-то подручным инструментом, в отличие от верхнего отверстия, специально предусмотренного при изготовлении. Кажется бесспорным, что пластинка первоначально употреблялась в качестве подвески-украшения и одновременно считалась амулетом.

²⁵ Б. Я. Ставиский. Хионитская гемма-печать в собрании Эрмитажа. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 19, 1960.

²⁶ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XX, 18, 20.

²⁷ P. Gardner. Указ. соч., табл. XXVI, 1; табл. XXVII, 3 и др.

²⁸ Y. de Morgan. Указ. соч., стр. 425, фиг. 544.

²⁹ «Survey of Persian art» (SPA), v. I, стр. 785, фиг. 269.

Вместе с тем подвеска пришта к начальной повязке не случайно. Об этом свидетельствуют другие украшающие ее бляшки. В них следует видеть символическое изображение планет или звезд. Быть может, этим объясняется и число розеток — пять. В качестве подтверждения сказанному можно привести изображения звезд на некоторых среднеазиатских оссуариях³⁰ и памятниках из Пянджикента. Если это так, то помещение в середине повязки пластинки с изображением солнца и луны становится вполне понятным. В целом повязка могла служить эмблемой неба с его главными светилами, планетами и звездами. О поклонении среднеазиатских народов небесным светилам и небу вполне определенно говорят письменные источники³¹. Для Ферганы нам представляется важным свидетельство историка религий XI в. Шахрастани, хорасанца по происхождению: «К ним (древним храмам) относится храм Каусан, построил его царь Каус. Постройка эта была удивительная. [Храм был] посвящен солнцу [и находился он] в столице Ферганы. Его разрушил ал-Му'тасим»³².

Последнее замечание о разрушении храма халифом ал-Му'тасимом (правил с 833 по 842 г.) свидетельствует о том, что Шахрастани использовал вполне достоверный источник, восходивший к первой половине IX в. Что касается легендарной части заметки, то и она представляет определенное историческое значение. Название храма «Каусан» связывается с именем легендарного царя Ирана Кауса. Однако в данном случае имя это, вероятнее всего, следует связывать с названием ферганского города (столицы) — «Касан», которое в свою очередь, как и название другого известного древнего города Средней Азии — «Кушания», несомненно, восходит к имени «Кушан»³³. В целом речь идет о реально существовавшем в Фергане храме, вероятно, построенном в кушанское время и посвященном дневному небесному светилу. Находился ли он в Касане, или в другом месте в Фергане, — сказать трудно. Однако вполне возможно, что при таком храме могли производиться амулеты с соответствующими эмблемами.

В заключение отметим, что значение рассматриваемой пластинки далеко не исчерпывается сказанным. Изображения на ней связаны со многими произведениями искусства Средней Азии последующих веков, в частности — стенными росписями Пянджикента³⁴ и некоторыми художественными серебряными чашами³⁵, на которых помещены антропоморфные или символические изображения солнечного и лунного божеств. Но эта тема требует особого рассмотрения.

---

³⁰ Н. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВО РАО, т. XVIII, 1907, стр. 178, табл. VII, 5. Об астральном (астрологическом) характере изображений на этом оссуарии см. А. Я. Борисов. К проблеме согдийского искусства. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 3, 1945, стр. 10.

³¹ Геродот, I, 215; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.—Л., 1950, т. II, стр. 313.

³² Al-Shahrastani. Kitab al millal wa al nihal, t. I, ed. Cureton, London, 1846, стр. 431.

³³ Об этимологии этих терминов см. А. Н. Бернштам. К вопросу Усунь-кушан и тахарах. СЭ, 1947, № 3, стр. 41—47.

³⁴ «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 53 и др., табл. XX—XXII.

³⁵ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVIII и XIX.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПОД ОДЕССОЙ
(Раскопки 1959 года)

До недавнего времени на всей обширной территории Одесской, Николаевской и Херсонской областей не были известны позднепалеолитические памятники. Только в 1955 г. В. И. Красковскому удалось открыть близ Одессы позднепалеолитическую стоянку Большая Аккаржа¹, где в 1959 г. Одесским археологическим музеем, при участии Института археологии АН СССР, были организованы небольшие раскопки².

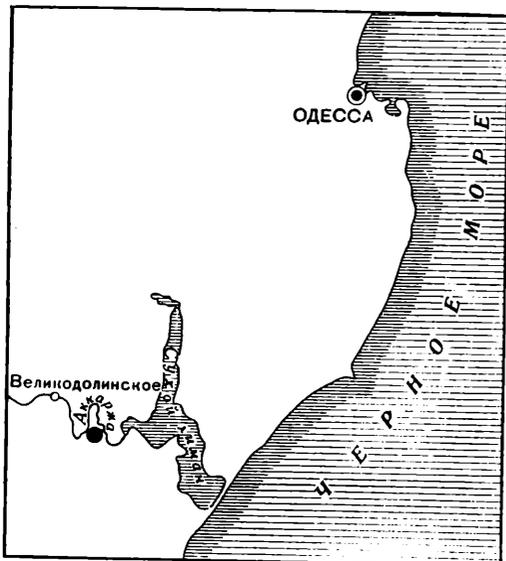

Рис. 11. Схема местоположения позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа (стоянка обозначена на карте черным кружком).

Стоянка Большая Аккаржа находится на территории Овидиопольского района, примерно в 16 км к юго-юго-западу от Одессы и в 7—8 км от берега Черного моря (рис. 11). Стоянка расположена в 1,5 км к юго-востоку от с. Великодолинское (бывшее с. Большая Аккаржа), на правом берегу небольшой, почти пересохшей речки Аккаржи, впадающей в Сухой лиман. Правый склон берега, на котором находится стоянка, возвышается над руслом на 11—12 м. Он обращен к юго-западу — западу и прорезан небольшим, изгибающимся под прямым углом, овражком, впадающим в речку.

Палеолитические кремни распространены на поверхности склона, примыкающей к овражку, и в осыпях. Зона распространения подъемного материала тянется примерно на 300 м в направлении с северо-запада

¹ В. И. Красковский. Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957.

² В раскопках, производившихся под руководством автора, принимали участие В. И. Красковский, Г. В. Григорьева, В. Н. Рассказов, А. М. Крамер и научные сотрудники Одесского археологического музея В. П. Цыбесков, Э. А. Ашрафян, Э. И. Диамант, Э. Ф. Патокова, А. П. Кравченко, И. Т. Черняков, В. Н. Станко и А. Г. Загинало.

на юго-восток и на 40—50 м в направлении с северо-востока на юго-запад, занимая, таким образом, площадь около 15 000 кв. м. Здесь палеолитические кремни были обнаружены В. И. Красковским и собирались им в 1955—1958 гг. В верховьях овражка В. И. Красковский сделал небольшую зачистку, позволившую выяснить стратиграфию стоянки³.

Основной раскоп 1959 г., площадью несколько более 50 кв. м, заложен близ зачистки В. И. Красковского, на правом, обращенном к юго-западу — западу, склоне овражка. Выявлена следующая стратиграфия:

Глубина залегания от поверхности (в метрах)

1. Черный почвенный слой. Во многих местах прорезан кротовинами. Содержит значительное количество расколотых палеолитических кремней	0—0,5—0,6
2. Серовато-желтый переходный слой. Во многих местах прорезан кротовинами. Содержит большое количество расколотых палеолитических кремней и осколки ископаемых костей. Постепенно, без резких, отчетливых границ, переходит в вышележащий и подстилающий слой	0,5—0,6—0,8—1,05
3. Плотный желтый суглинок с частыми вкраплениями глины-белоглазки. Кое-где прорезан кротовинами. В верхней части содержит палеолитические кремни и осколки ископаемых костей. Постепенно, без резких границ, переходит в вышележащий переходный слой	0,8—1,05—1,2—1,3
4. Красноватая глина, содержащая еще больше, чем в третьем слое, вкраплений глины-белоглазки. Палеолитических культурных остатков нет. Прокопана до глубины 1,8 м от поверхности	—

Поверхность стоянки на участке, занятом раскопом, слегка понижается в направлении с северо-востока на юго-запад, т. е. к овражку, под углом около 1,5°. Таково же примерно падение и перечисленных выше слоев.

Верхний, почвенный слой на всей его глубине насыщен палеолитическими кремнями. Но ископаемые кости и другие культурные остатки почти отсутствуют. Состав кремневого инвентаря, залегающего в почвенном слое, такой же, как в серовато-желтом переходном слое и в верхней части желтого суглинка. Но многие кремни, найденные в почвенном слое на поверхности, окатаны; в культурном же слое стоянки, связанном с серовато-желтым переходным слоем и с верхней частью желтого суглинка, окатанные кремни встречаются в виде редкого исключения. Кремни, залегавшие в почвенном слое и на поверхности, все, за редкими исключениями, — без известкового натека, тогда как среди найденных в культурном слое очень многие экземпляры покрыты известковым натеком; при этом к нижней, более глубокой части слоя процент таких кремней заметно увеличивается. Кремни, обнаруженные в культурном слое, отличаются от найденных выше свежестью, остротой граней. Вероятно, в почвенный слой и на поверхность кремни попали не столько в результате деятельности землероющих животных (для такого предположения количество залегающих здесь кремней слишком велико), сколько в результате частичного разрушения культурного слоя, его размывания.

Палеолитический культурный слой стоянки связан, как мы уже указали, с серовато-желтым переходным слоем и с верхней частью подстилающего его желтого суглинка и насыщен большим количеством палеолитических культурных остатков, в первую очередь — обработанных кремней; очаги, ямы, жилые сооружения, скопления костей отсутствуют. Нет отчетливо выраженного «пола» — древней дневной поверхности, на которой жили палеолитические люди и ниже которой находки сразу же прекращаются. Культурный слой не окрашен, не прослеживается по стенкам раскопа в виде выделяющейся по цвету ленты с четкими верхней и нижней границами. Это просто горизонт залегания обработанных кремней и ископаемых костей, количество которых, если идти сверху вниз, сначала постепенно увеличива-

³ В. И. Красковский. Указ. соч., стр. 5.

ется, а затем уменьшается и сходит на нет. Толщина слоя — 0,35—0,5 м. Эта цифра представляет собой разницу высотных отметок залегающих по соседству друг с другом самых верхних и самых нижних культурных остатков. Горизонт находок находится в среднем на глубине 0,55—1,05 м от поверхности.

Осколков трубчатых костей на вскрытой площади раскопа (60 кв. м) собрано около 1700 экземпляров. Некоторые из кремней и костей располагались вертикально, на ребре. Обращает на себя внимание полное отсутствие целых костей; встречались только сравнительно небольшие осколки, без эпифизов, явно расколотые в древности человеком, а также немногочисленные зубы. В небольшом количестве попадались кусочки пережженных костей и мелкие угольки. Найдены несколько крупинок красной охры на разных участках и один обломок кости со следами красной краски. Находки на площади раскопа распространены равномерно. Лишь кое-где встречались небольшие кучки кремней и осколков костей.

Коллекция кремней, полученная в результате работ на Большой Аккарже в 1959 г., насчитывает 9600 экземпляров. Из этого количества 700 кремней относятся к подъемному материалу, 2500 — из почвенного слоя, а основная масса — 6400 — из культурного слоя. По технике обработки и по морфологии все 3 группы однородны и будут рассматриваться нами вместе.

Сырьем обитателям стоянки служили небольшие гальки серого мелкозернистого прозрачного мелового кремня, приносившиеся за несколько десятков километров, с Днестра. Куски кремня и нуклеусы, найденные при раскопках, не превышают 5—6 см в поперечнике; они нередко сохраняют на поверхности участки, покрытые коркой. Таким образом, можно утверждать, что кремневые гальки, использовавшиеся обитателями стоянки при изготовлении орудий, в общем не превосходили 6 см в поперечнике. Кремни покрыты — целиком или частично — довольно густой белой патиной. Степень патинизации несколько различается, но вовсе непатинизированные кремни отсутствуют. Кремни, найденные в культурном слое, в общем столько же сильно патинизированы, как и происходящие из чернозема и с поверхности; это, так же как и морфологическое сходство, свидетельствует об единстве и одновременности всех 3 групп кремня. Единичные экземпляры среди обнаруженных в культурном слое несут следы пребывания в костре.

Из общего числа кремней (9600) орудий — 270 экземпляров (2,8%) нуклеусов — 230 экземпляров (2,4%); остальное — пластины, отщеп, осколки, чешуйки без ретуши. Такой относительно малый процент законченных орудий и сравнительно большой процент нуклеусов свидетельствуют о том, что кремневое сырье было легко доступно, не экономилось, а также о том, что первичное раскалывание кремневых галек, изготовление орудий широко практиковались на территории стоянки. Но вместе с тем следует отметить, что типичные, хорошо выраженные отбойники отсутствуют, хотя на ряде нуклеусов есть следы кратковременного использования в качестве отбойников. Сходное явление наблюдалось на стоянке Пушкари I, где при огромном количестве нуклеусов, отщепов и осколков найдено крайне мало отбойников. Можно предположить, что сработанные нуклеусы употреблялись в Большой Аккарже в качестве отбойников; таких нуклеусов было много, и поэтому можно было ограничиться кратковременным, спорадическим использованием каждого экземпляра.

Нуклеусы Большой Аккаржи — типичные, призматические (рис. 12); среди них отсутствуют дисковидные и поздние, карандашевидные, которые напоминали бы материалы из Гребеников. Отсутствуют и нуклеусы, превышающие 6 см в длину, а экземпляры в 5—6 см попадают в виде редкого исключения; в подавляющем большинстве они достигают лишь 3—5 см длины. Преобладают одноплощадочные нуклеусы, хотя встречаются и двухплощадочные. У большинства экземпляров площадка расположена под острым углом к плоскости, с которой скалывались пластины.

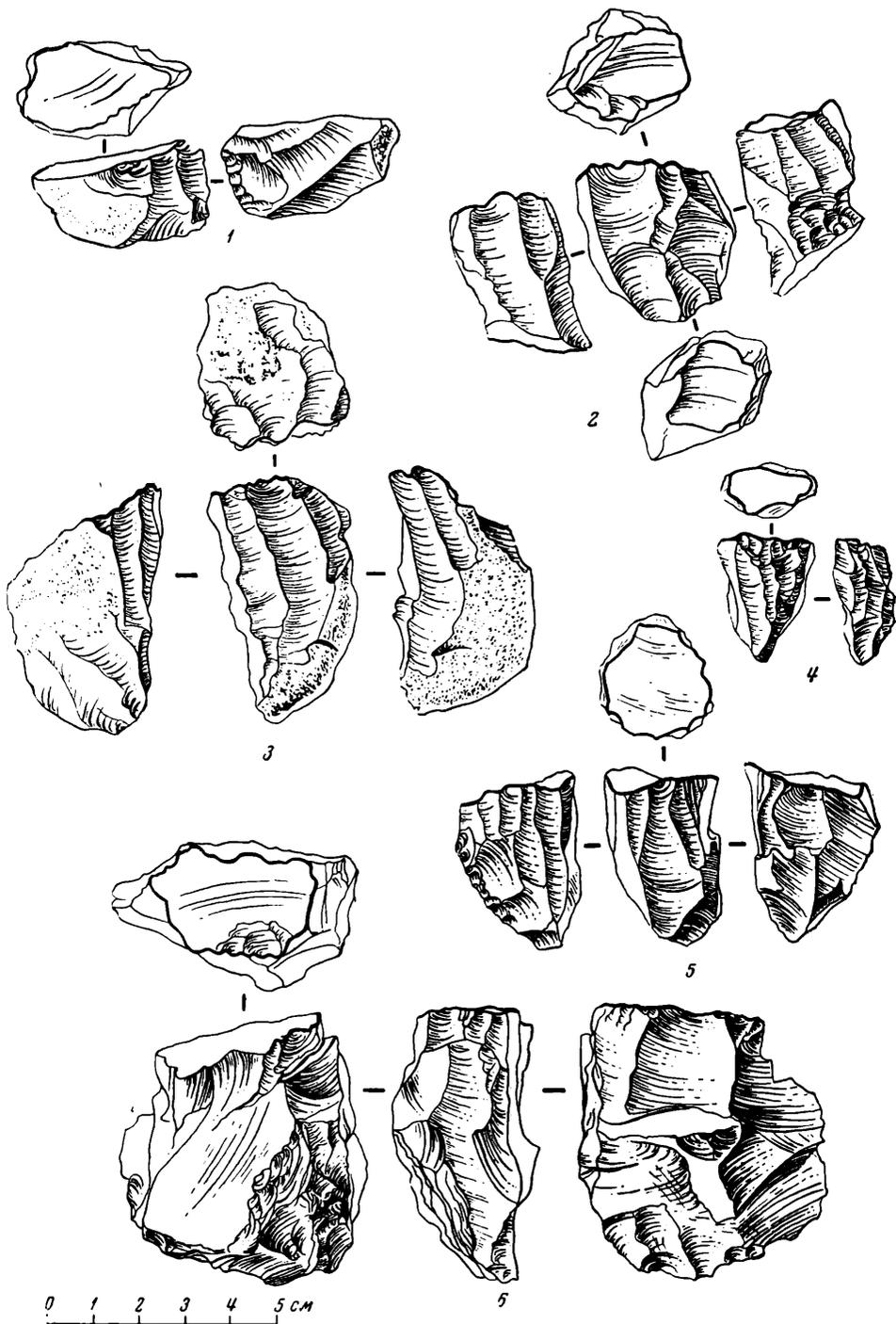

Рис. 12. Большая Аккаржа. Кремневые нуклеусы (1—6).

Встречаются среди нуклеусов и лучше выраженные, носящие следы скалывания параллельными ударами значительного числа узких пластинок с правильным, параллельным ограничением; есть и такие, от которых отколо-то меньше пластинок, притом широких, неправильных очертаний.

Кремневые орудия Большой Аккаржи довольно своеобразны. Они представлены лишь тремя отчетливо выраженными группами — 1) скребками, 2) резцами, 3) миниатюрными пластинками и остриями с затупленным краем.

Скребки (34 экземпляра; рис. 13—24—31) — правильных очертаний, приготовлены на концах коротких пластинок и сечений пластинок длиной 2,5—4 см. Лезвие полукруглое, тщательно обработанное мелкой плоской ретушью со сливающимися друг с другом фасетками. Двойных концевых скребков — только 2 экземпляра: Интересно, что у нескольких скребков полукруглое, отретушированное рабочее лезвие покрыто гораздо более слабой патиной, чем вся остальная поверхность орудия.

Резцов — 33 экземпляра (рис. 14—1—11). Как и скребки, они имеют небольшие размеры (2—5 см длины), лишь один экземпляр достигает 5,5 см; но пластинки и обломки пластинок, на которых изготовлены резцы, — менее правильных очертаний, чем те, на которых сделаны скребки. Встречаются резцы и на более толстых, хотя и небольших отщепках. Среди резцов — срединные, многофасеточные, боковые и резцы на углу сломанной пластинки, но ни одна из этих групп не преобладает. Единичны нуклевидные многофасеточные резцы на небольших кусках и осколках кремня. Некоторые орудия носят следы неоднократного оживления, но таких очень мало. Возможно, с этим связано почти полное отсутствие в Большой Аккарже типичных краевых отщепов резцов — они представлены единицами. Быть может, в дальнейшем они будут обнаружены в другой части поселения; на некоторых позднепалеолитических стоянках (например, Боршево II, нижний культурный слой) отмечена преимущественная концентрация краевых отщепов — резцов лишь в определенных частях поселения.

Миниатюрные пластинки и острия с затупленным краем образуют наиболее многочисленную группу — около 150 экземпляров (рис. 13—1—22, 32—36). Они представлены целыми экземплярами и обломками и не превышают 3 см в длину и 0,8 см в ширину. В большинстве это узкие, тонкие острия с прямым или выпуклым затупленным краем. Затупляющая ретушь, которой отделан край, формирует и тонкое острие на конце; нередко острие слегка обработано мелкой ретушью и с противоположного края. Встречаются пластинки с затупленным краем без острия на конце. Все орудия этой группы миниатюрны, тщательно отретушированы, но в остальном они сильно различаются между собой, не образуют одной устойчивой серии повторяющихся друг друга экземпляров, как в Амвросиевке. Они, бесспорно, употреблялись в качестве вкладышей.

К орудиям этой группы примыкают единичные тонкие миниатюрные проколки (рис. 13—23) и такие же острия со скошенным концом (рис. 13—16, 17, 35).

Этим исчерпывается перечень законченных кремневых орудий Большой Аккаржи. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие нуклевидных орудий, если не считать нескольких нуклевидных резцов. Нуклеусы, найденные здесь в очень большом количестве, не носят следов превращения их, с помощью мелкой ретуши по краям площадки, в скребки и скобели. Следует упомянуть еще несколько десятков пластинок и отщепов с легкой ретушью по отдельным участкам края, а также несколько десятков пластинок и отщепов со следами использования в виде мелких выщербинок, которые заметны по краям.

По определению Н. К. Верещагина, осколки трубчатых костей, найденные в культурном слое Большой Аккаржи, принадлежат первобытным быкам или зубрам. Зубы, встреченные в количестве 15 экземпляров, как

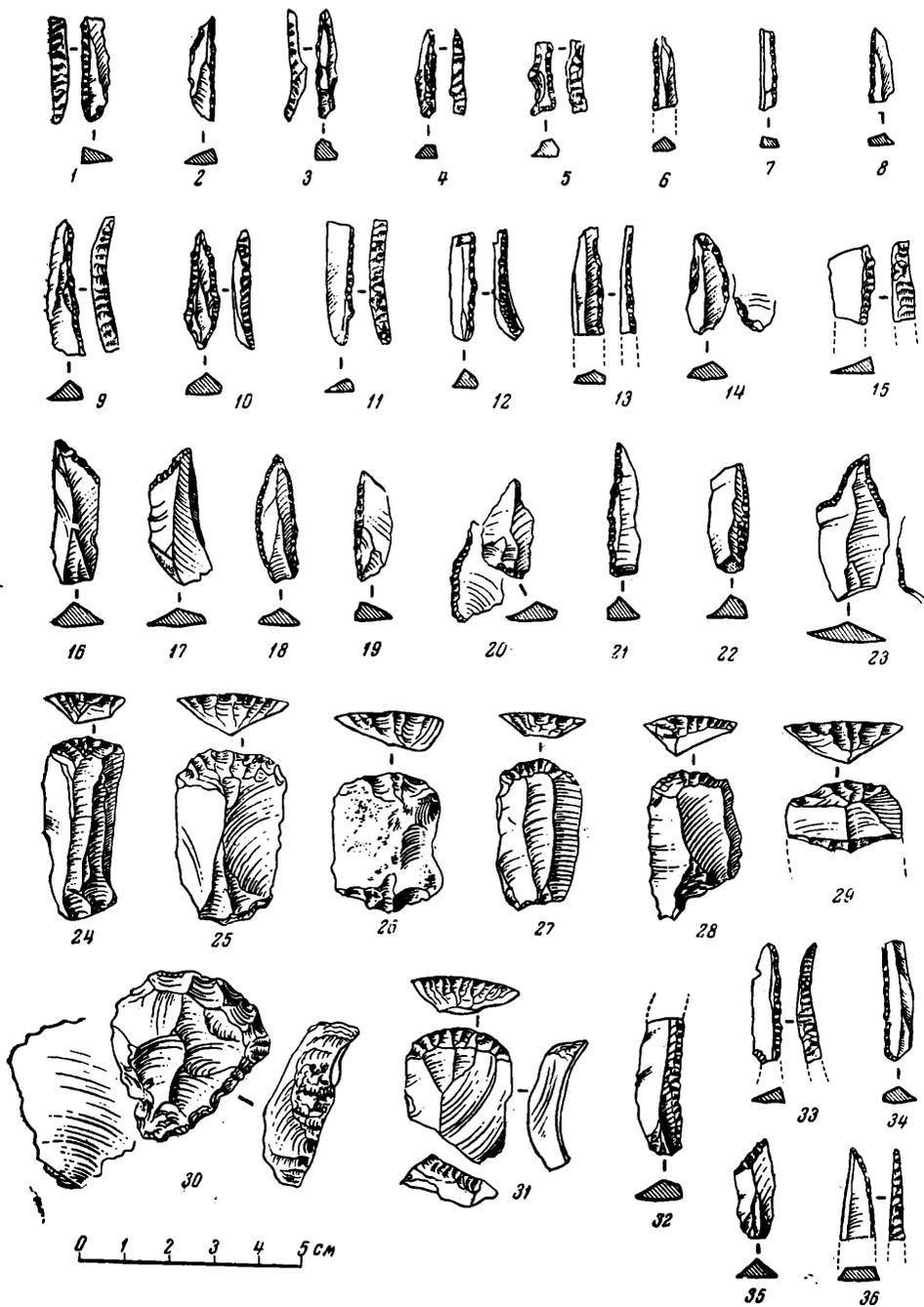

Рис. 13. Большая Аккаржа. Кремневые орудия.

1—15. 18—22. 32—34, 36 — пластинки и острья с затупленным краем; 16, 17, 35 — острья со скошенным концом; 23 — проколака; 24—31 — скребки.

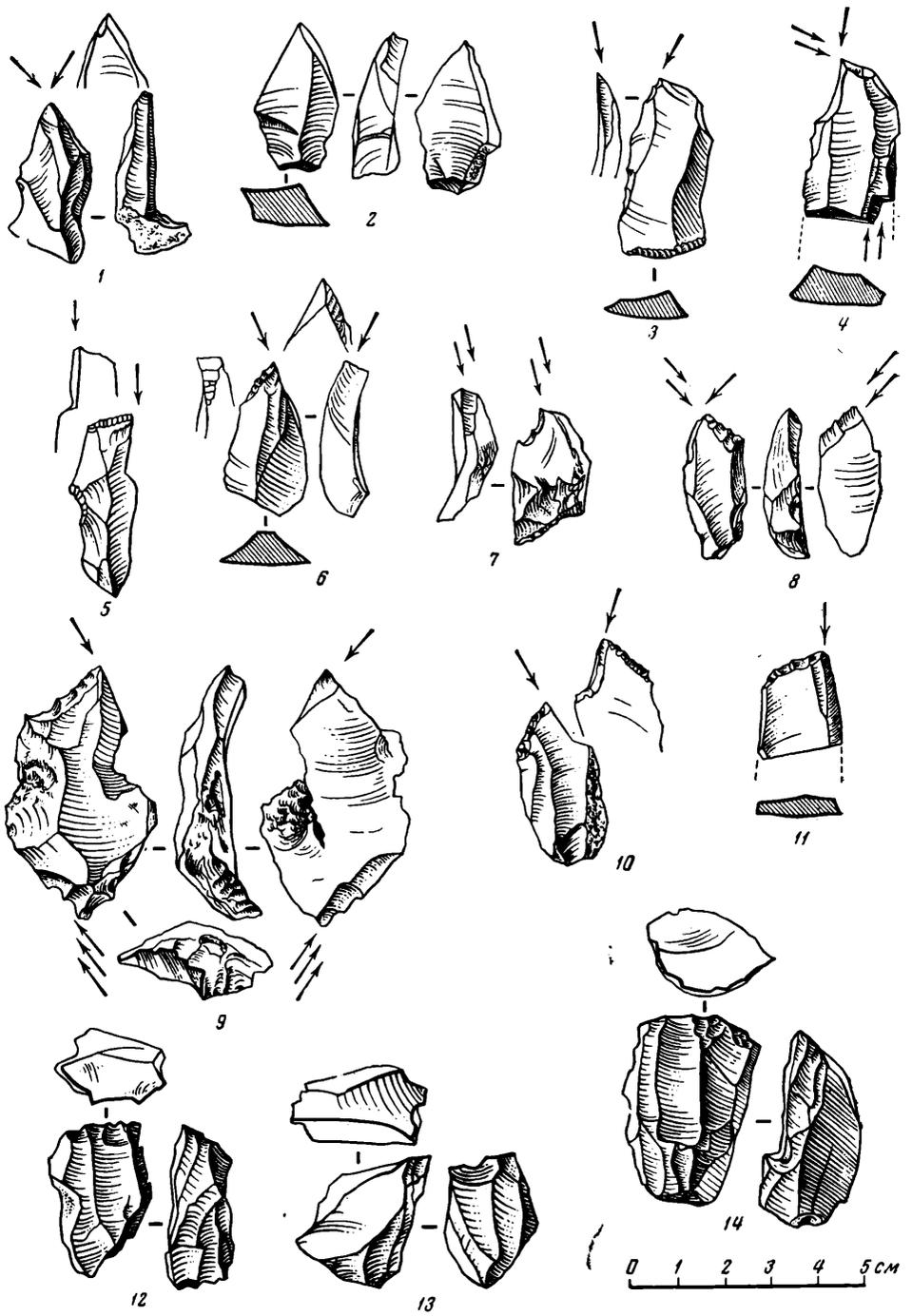

Рис. 14. Большая Аккаржа. Кремневые изделия.

1—11 — резцы; 12—14 — пулаусы.

указывает Н. К. Верещагин, возможно, принадлежат, судя по их большим размерам, не зубру, а туру (первобытному быку, *Bos primigenius*), который не подвергся в позднем палеолите такому измельчанию, как зубр. Таким образом, обитатели стоянки охотились на туров или зубров.

Большая Аккаржа по расположению, характеру культурного слоя, составу фауны и кремневому инвентарю близко напоминает Амвросиевскую палеолитическую стоянку в Приазовье, находящуюся в 200 м от известного Амвросиевского костяка⁴. На Амвросиевской стоянке, тоже расположенной в приморских степях, культурный слой, как и в Аккарже, по существу представляет горизонт залегания культурных остатков и содержит большое число осколков костей зубров и палеолитических кремней; при этом кремневый инвентарь состоит почти исключительно из призматических нуклеусов, концевых скребков, резцов и миниатюрных острий с затупленным краем. Но в Амвросиевке последние образуют более устойчивую серию. Кроме того, в Амвросиевке найдено много нуклеидных орудий, отсутствующих в Большой Аккарже.

Большое сходство обнаруживается и с позднепалеолитическими стоянками в окрестностях Ростова-на-Дону (Чулеская стоянка, Каменная Балка I, Каменная Балка II), исследованными за последние годы И. С. Каменецким и М. Д. Гвоздовер⁵, хотя с Амвросиевской стоянкой у Большой Аккаржи общих черт гораздо больше.

Материалы всех этих сходных между собой позднепалеолитических поселений юга Русской равнины позволяют поставить вопрос об особой степной области развития позднепалеолитической культуры, промежуточной между европейской приледниковой и африкано-средиземноморской. Быть может, прав был М. Я. Рудинский, выделяя такую область⁶, хотя с отнесением к ней Поднестровья я не могу согласиться. Вероятнее всего, такая область охватывала лишь степи Северного Причерноморья и Приазовья.

Стратиграфия Большой Аккаржи, как и ее кремневый инвентарь, позволяют датировать стоянку поздним палеолитом. Видимо, это конец позднего палеолита, хотя мезолитические элементы здесь еще четко не представлены и кремневый инвентарь еще остается в пределах позднепалеолитических форм и техники.

Не исключена возможность, что нашими раскопками в 1959 г. вскрыта лишь периферийная, менее интересная часть стоянки. На многих позднепалеолитических поселениях (Пушкари I, Амвросиевка, Костенки XIX и т. д.) со сравнительно бедными участками культурного слоя, напоминающими участок, вскрытый на Большой Аккарже, соседят не сразу обнаруженные, весьма выразительные, уникальные палеолитические культурные комплексы.

Большая Аккаржа исключительно интересна не только как единственное позднепалеолитическое поселение во всем Северо-Западном Причерноморье. Близкое ее сходство с Амвросиевкой и Каменной Балкой, находящимися на расстоянии свыше 600 км к востоку, позволяет ставить большие историко-археологические проблемы, связанные с выделением крупных локальных групп в развитии европейского палеолита.

⁴ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953, стр. 352—362.

⁵ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957—1958 годах. Известия Ростовского областного музея краеведения, № 1 (3), 1959.

⁶ М. Я. Рудинський. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. «Археологія», т. I, Київ, 1947; его же. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р. АП УРСР, т. II, Київ, 1949.

А. П. ОКЛАДНИКОВ и Н. И. ЛЕОНОВ

ПЕРВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ФЕРГАНЕ

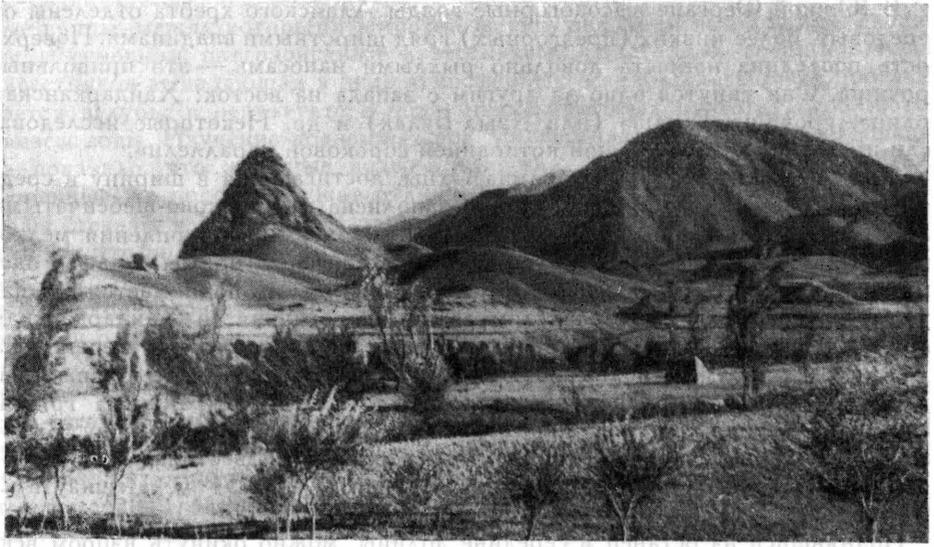
Обширная Ферганская котловина — одна из самых богатых и живописных областей Средней Азии — полна памятниками древней жизни. Здесь повсюду рассеяны высокие холмы — тепе, курганы и могильники; на скалах во многих местах известны писаницы. Все эти археологические памятники принадлежат эпохе металла.

Бесспорные следы деятельности людей более раннего периода — каменного века — в Фергане до недавнего времени не были обнаружены. Занимаясь систематическим исследованием древностей Ферганы, А. Н. Бернштам еще в 1951 г. справедливо выразил надежду на то, что «первоначальные истоки человеческой жизни в Фергане будут скоро открыты». Тогда же им были названы и те районы Ферганской котловины, где, всего вероятнее, могут быть обнаружены древнейшие следы жизни и хозяйственной деятельности людей каменного века. В числе этих районов А. Н. Бернштамом были названы: 1) «средиземноморский» уголок Восточной Ферганы, т. е. долины р. Арсланбоб с ее многочисленными, еще не обследованными пещерами; 2) пещеры в бассейне р. Сох, близ Хайдаркана; 3) каньон р. Нарын близ слияния его с р. Кашкаджол; 4) Охнинская межгорная впадина. Указывалось также и на пещеры в горах Сулеймантау близ г. Оша, в районе которого встречены случайные находки микролитических орудий¹.

Первой «ласточкой» в поисках следов каменного века на территории Ферганы послужило одно бесспорно обработанное человеческой рукой каменное изделие в Охнинской долине, обнаруженное летом 1952 г. ферганским краеведом П. Т. Коноплей. В 1955 г. в Охнинской долине на месте этой находки побывали А. П. Окладников, П. Т. Конопля, Н. Г. Горбунова, В. А. Ранов, В. Е. Ларичев. При этом здесь вновь были обнаружены каменные изделия, но уже иного облика и в других пунктах (рис. 15). В связи с этим интересно рассмотреть физико-географические условия Охнинской долины и соседних с ней районов Ферганы, благоприятствовавшие поселению здесь первобытного человека.

Ферганская котловина или, как ее чаще называют, Ферганская долина обрамлена почти со всех сторон высокими хребтами. Горную «раму» Ферганы образуют хребты Чаткальский (на севере), Ферганский (на северо-востоке и востоке), Алайский и Туркестанский (на юге). Горное обрамление центральной равнинной части Ферганы поднимается над котловиной; по образному выражению геологов, тремя «кулисами»: первая — адыры (до 1000—1200 м на уровне моря), вторая — предгорья (2000—3000 м) и третья — высокие горные хребты (до 5000—6000 м). Предгорья, т. е.

¹ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 4, 5.

1

2

Рис. 15. Общий вид долины Ожны.

1 — у подножия этой конической скалы расположено местонахождение остатков каменного века; 2 — холм — скалистый останец Ак-Тепе с остатками поселения каменного века.

предгорные известняковые гряды, отделены от высокогорных гряд и от полосы адыроз межгорными впадинами тектонического происхождения. «Кулисы», обрамляющие Фергану, образовались в разное время: наиболее древние поднятия — гряды высокогорные, наиболее молодые — адыры.

В Южной Фергане высокогорные гряды Алайского хребта отделены от передовых, более низких (предгорных) гряд широтными впадинами. Поверхность последних покрыта довольно рыхлыми наносами, — это привольные урочища. Они тянутся одно за другим с запада на восток: Хайдарканская долина, урочище Тамаша (или Кзыл-Булак) и др. Некоторые исследователи именуют их «продольной котловиной сороковой параллели».

Одно из таких урочищ — долина Охны, достигающая в ширину в среднем около 3 км. Ее обширная лощина заполнена галечниково-щебенчатыми наносами; в пониженных местах известны значительные скопления мелкозема. Для Охнинской лощины характерны также предгорные шельфы, одеваемые довольно мощными толщами лёсса. Равнина полого поднимается к западу, где за невысоким водоразделом лежит аналогичная ей Хайдарканская широтная впадина. Предгорья, прикрытые лёссом, расчленены эрозией на ряд пологих холмов, возвышающихся над пониженной частью впадины, куда стекают ручьи родниковых вод. С юга лощина ограничена грядой Пешкаута, которая по своему характеру аналогична гряде Катрантау. Высота обеих гряд, сложенных в основном палеозойскими известняками, примерно одна и та же (наивысшая точка Катрантау — 3251 м, Пешкаута — 3099 м).

Поднявшись на останец в середине долины, можно окинуть взором всю Охнинскую лощину. На востоке — там, где р. Охна сливается с р. Шахмардансай, — лощина упирается в теснину, отделяющую Катрантау от гор Битау. К югу, перед серой стеной скалистого Пешкаута, поднимается невысокая, более мягкая по очертаниям гряда Тамчи. Перед ней лежит слабо расчлененный террасовидный уступ — «прилавок», на котором ныне расположены усадьбы кишлака Охна, а в далекие времена были стоянки первобытных охотников. Из-под возвышенности Тамчи выбиваются источники, водой которых орошаются поля и сады кишлака.

Едва ли можно сомневаться в том, что 10—20—50 тыс. лет тому назад пологие холмы Охнинской впадины были покрыты сочными травами, а северные склоны хребта Пешкаут — арчевыми лесами. И во времена первого путешествия в Фергану А. П. Федченко (1871 г.), и в настоящее время в Охнинской лощине пшеницу возделывают на неполивных участках (ляльми). В силу особенностей экспозиции лощины и расположения обступающих ее гор количество осадков, выпадающих в этом районе, может быть, несколько выше, чем в соседних долинах. В этом отношении интересно свидетельство геолога В. Н. Вебера, одного из лучших знатоков Южной Ферганы. «Эта часть долины (речь идет об Охнинской долине), — писал он, — была бы очень приветлива со своими урюковыми садами и хорошими кормами, если бы не постоянные дожди. Мы были в Пешкауте четыре раза и не только каждый раз нас мочил необычный в Фергане дождь, но, находясь вне долины (Пешкаут-сая), мы издали видели всегда над Пешкаутом синцовые тучи». Если даже мы и возьмем под некоторое сомнение слова «постоянный» и «всегда», то и в таком случае все же должны принять во внимание непосредственные впечатления ученого, работавшего в течение длительного времени в районе Охны. Если это так, то Охнинское урочище и особенно долина Пешкаутская, не говоря уже о более высоких ярусах северного склона Пешкаута, могли привлекать травоядных животных сочными кормами, а первобытных охотников — возможностью добыть мясо и ценные для них шкуры.

Горные леса северных склонов, до сих пор еще уцелевшие к западу от Охны и Соха на Туркестанском хребте, состояли, как и ныне, из пяти различных видов арчи — кара-арчи, кзыл-арчи, сары-арчи, урюк-арчи и саур-

арчи, с подлеском из шиповника, лоницеры, спиреи. Ниже зеленели кустарниковые заросли и участки, горной злаково-ковыльно-попынной степи. В зарослях арчи и кустарников животные без труда могли укрываться, а степные травы служили для них пищей.

Особого внимания заслуживает и гидрогеология района. Окрестные горные гряды, между которыми широтно вытянута Охнинская лощина, сложены в основном палеозойскими известняками. Благодаря трещиноватости известняков выпадающая в виде атмосферных осадков влага легко просачивается вглубь; в результате в подземных карстовых пустотах скопляются запасы воды. Изучение подземных вод в известняках Катрантау и Пешкаута показало, что жильные воды в трещинах отличаются устойчивостью. Коренные же породы служат отличным водоупорным ложем, по которому воды стекают к лощине, а затем выходят наружу в толщах рыхлого делювия. Эти-то родниковые воды, которыми богата Охнинская лощина, и обусловили особо благоприятные условия для жизни древнего человека. Здесь, у родников, бьющих из-под земли, скрытых зарослями кустарников, первобытный охотник мог, укрывшись, подкарауливать дичь, идущую и летящую на водопой. Кроме того, люди каменного века могли найти здесь и нужный им материал для выделки каменных орудий. В предгорной гряде Катрантау, которая поднимается с севера над долиной Охны, среди палеозойских известняков, слагающих эту гряду, нередко выходы эффузивов (кислых и основных). Среди них — альбитовые туфы, альбитодиабазовые порфириды, эмевики, кварцевые диориты. Все эти горные породы, наряду с кремнистыми сланцами, могли быть с успехом использованы первобытными людьми для изготовления примитивных орудий.

Если же прибавить к этому, что в горах Катрантау и Пешкаута немало пещер и гротов, которые могли служить готовыми жилищами, то станет ясным, что географическая среда в районе Охны была весьма благоприятной для обитания первобытных людей. Неудивительно поэтому, что именно здесь, в долине Охны, и были обнаружены первые в Фергане следы деятельности людей каменного века.

Первая такая находка, как уже сказано, принадлежит П. Т. Конопле: это — изделие из твердой и плотной кремнистой породы светло-коричневого цвета. Одна сторона изделия, его площадка, с которой наносились удары, сохранила отчасти желвачную поверхность, а отчасти отесана или, точнее, подправлена вдоль краев (для удобства нанесения ударов) рядом сколов. Противоположная сторона сплошь покрыта сравнительно узкими и плоскими фасетками сколов. Они направлены радиально, т. е. от краев к центру, где и сходятся вместе. Сбоку изделие имеет характерный вид довольно массивной линзы — чечевицы с зигзагообразно-волнистыми краями. Диаметр диска равен 6 см, толщина — 3 см. Это классический дисковидный нуклеус мустьерского облика, несомненно, использованный почти до предела (рис. 16 — 1).

Нуклеус был поднят П. Т. Коноплей в яме на краю террасовидного уступа в кишлаке Охна, неподалеку от скалистого останца, Ак-Тепе (рис. 15 — 2). Яма была вырыта в лёссовидной толще уступа на глубину около 2 м. Очень вероятно, что здесь же может быть обнаружен древний культурный слой. В 1955 г. при осмотре скалистого останца Ак-Тепе, возвышающегося над окружающей местностью на 5—6 м, на нем найдены отдельные отщепы и в том числе — торчавший из лёссовидного покрова на склоне останца крупный отщеп, широкий и плоский, изготовленный из буровато-коричневой плотной породы изверженного происхождения. Очертания его треугольные. Отбивная поверхность плоская; ударный бугорок обычного рода отсутствует, заметна лишь легкая, почти коническая по форме выпуклость. При взгляде сбоку на отбивной поверхности отщепа видна поперечная волнистость; волны эти широкие и плоские, они — «убывающие» по направлению от верхнего конца к нижнему. Противоположная сторона

отщеп выпуклая. На ней есть следы предшествующих широких сколов, нанесенных на нуклеусе до отделания отщепа. Два скола продольные, один — поперечный. Длина отщепа — 7 см, ширина 8,3 см (рис. 16—2).

Следующий, третий, пункт находок каменного века зарегистрирован у подножия конической возвышенности (рис. 15—1). Здесь, около живописных скалистых выходов, на склоне оказалось древнее поселение, где

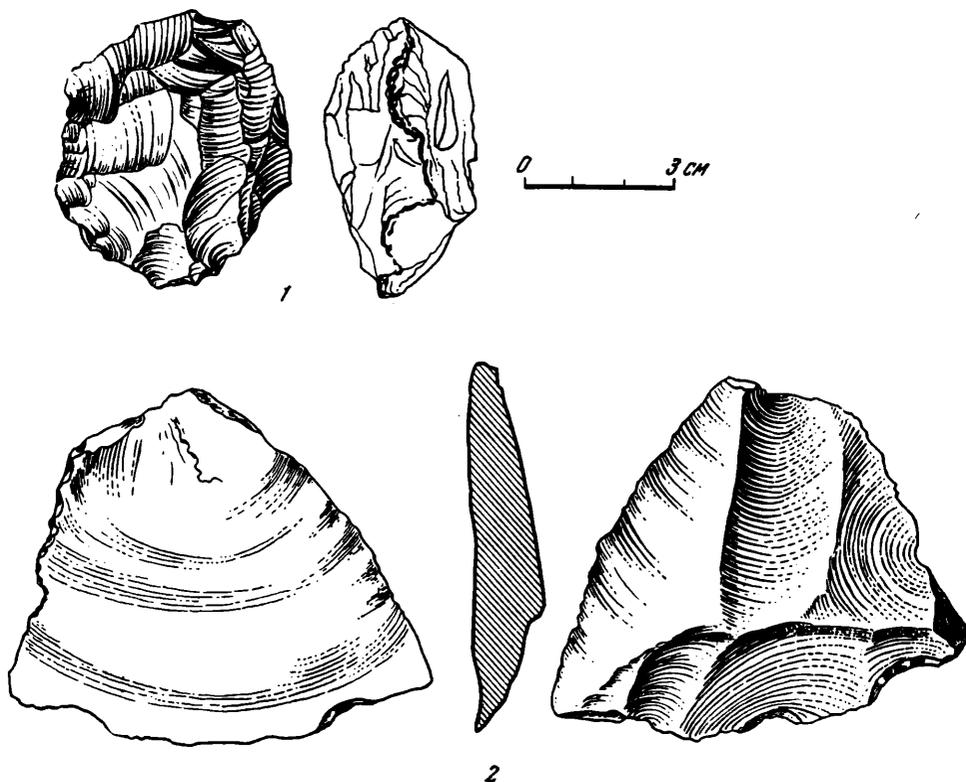

Рис. 16. Находки в долине Охны.

1 — мустьевский нуклеус (находка П. Т. Ковопан); 2 — отщеп (Ак-Теле).

собрано значительное количество образцов камня, обработанного рукой древнего человека. Среди них могут быть отмечены следующие изделия:

1. Массивный нуклеус из куска крупной речной гальки светло-коричневого цвета. Исходная галька была хорошо окатана и отшлифована, о чем свидетельствуют уцелевшие остатки галечной корки. По очертаниям нуклеус приближается к прямоугольнику. Одна широкая сторона его — гладкая плоскость раскалывания, другая — выпуклая и покрытая коркой. Длинные боковые края гальки оформлены широкими продольными сколами; поперечные края также обиты. Очевидно, от этого галечного нуклеуса отделяли довольно широкие длинные (вдоль продольных краев) и короткие пластинчатые отщепы. Длина изделия — 9,2 см, наибольшая ширина — 7,4 см (рис. 17—1).

2. Широкий массивный отщеп овальных очертаний, снятый с хорошо отшлифованной гальки той же породы, как и описанная выше. Одна сторона отщепа выпуклая, другая — плоская; выпуклая сплошь покрыта коркой, на гладкой — метка от удара, нанесенного с большой силой. Ударный бугор, однако, выражен слабо. На изделии ясно видна характерная волнистость. Длина отщепа — 8,2 см, ширина — 6,8 см (рис. 17—2).

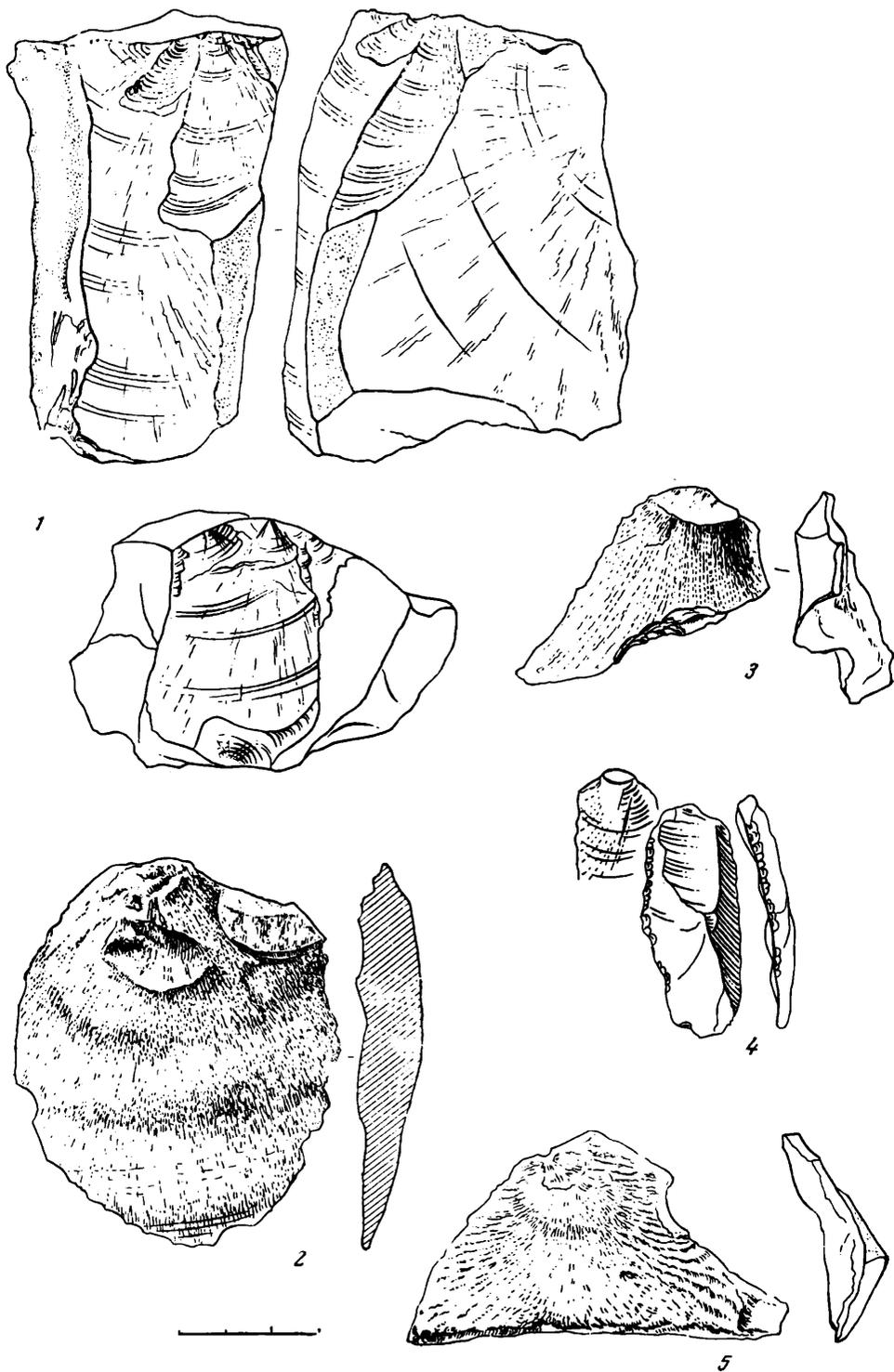

Рис. 17. Находки в долине Охны.

1 — нуклеус-галька; 2, 3, 5 — отщепы; 4 — пластина.

3. Широкий отщеп треугольных очертаний снят с края такой же гальки, предварительно расколотой. На одной стороне, выпуклой,— остатки корки, на другой, вогнутой,— лучистость и метка от удара. Длина предмета — 8,5 см, ширина — 4,2 см (рис. 17—5).

4. Небольшой отщеп из той же породы. Очертания его удлиненно-треугольные. Отщеп в поперечнике сильно изогнут; сохранились остатки площадки, с которой он был отделен,— на этот раз, судя по шероховатости, не от гальки, а от куска неокатанного камня. Длина отщепа — 6 см, ширина — 2,8 см (рис. 17—3).

Кроме того, найдены нуклевидный обломок из черной плотной кремнистой породы и несколько хорошо выраженных небольших тонких отщепов из зеленоватой кремнистой породы.

Особо должна быть отмечена еще одна находка. При осмотре изолированного останца, сложенного остатками древних пролювиальных отложений в виде слоистой толщи и грубого суглинка с щебнем, в нем была замечена торчавшая одним концом наружу пластина из зеленоватой кремнистой породы. На брюшке — хорошо выраженный ударный бугорок, расположенный по длинной оси пластины; на спинке — продольное ребро и одна широкая продольная фасетка (рис. 17—4). По общему облику пластина может быть отнесена, скорее всего, к верхнему палеолиту или мезолиту. Наличие ее в толще останца свидетельствует о большой силе и масштабах происшедших здесь с тех пор эрозионных процессов. Это станет особенно ясным, если принять во внимание, что сначала были накоплены толщи пролювия, которые затем почти целиком,— если не считать этого останца,— уничтожены размывом.

В итоге мы можем констатировать, что в долине Охны обнаружены следы нескольких этапов каменного века. Первый из них представлен нуклеусом мустьерского облика, который дал право ожидать, что в Фергане будут найдены и другие следы деятельности людей мустьерской эпохи. Второй этап, возможно, относится к мезолиту или верхнему палеолиту, на что указывают облик и условия залегания пластины, встреченной в останце пролювиальных отложений. Третий этап, о котором свидетельствуют все остальные находки, по-видимому, относится к той, пока еще загадочной, культуре горного неолита Средней Азии, которая лучше всего и богаче всего представлена сейчас находками в древних поселениях на юге Таджикистана, а также в Киргизии.

Таковы первые сведения о памятниках каменного века в Фергане. Нет сомнений, что дальнейшие целеустремленные поиски приведут к новым открытиям, весьма важным для древнейшей истории Средней Азии. Это тем более вероятно, что поблизости от Ферганы, в долине Исфары и особенно на Сыр-Дарье, между Наукатом и Канибадамом за последние годы встречены многочисленные яркие следы каменного века — мустьерской эпохи и, по-видимому, даже более ранние.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ДАЛЬВЕРЗИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
(Раскопки 1959 года)

Основные работы в 1959 г. проводились в центральной части поселения, к востоку от раскопа 1956 и 1958 гг.¹ Здесь вскрыты полностью культурные наслоения на участке размером 20×20 м (400 кв. м). Южный край раскопа проходит по северной границе современного кладбища, западный — в 7 м от восточной стенки раскопа 1956 г. Поверхность площадки до начала работ была горизонтально ровной. Падение с востока на запад на расстоянии 20 м не превышало 20 см. В южной части культурный слой нарушен могилами для скота.

В пределах вскрытой площади обнаружены строительные остатки трех горизонтов.

Верхний горизонт. В южной половине расчищен участок утрамбованной глинобитной платформы (размером $20 \times 7-8$ м) на глубине 0,2—0,5 м. Она сложена из желтоватого лёссовидного суглинка и хорошо отделялась в песчано-золистом культурном слое. К северу от платформы располагались остатки двух глинобитных стен, проходивших в направлении запад—восток. Длина одной из них — приблизительно 9 м. Расстояние между ними — около 5 м. Стены плохо сохранились, и границы их точно проследить не удалось.

У восточного края стен на глубине 0,5 м обнаружены участки пола с хозяйственными ямами (рис. 18—1). Здесь расчищено 5 круглых ям разного размера — в среднем до 1,5 м в диаметре и глубиной до 0,8 м. Подобные ямы в верхнем горизонте впервые открыты на поселениях чувстской культуры. На остальной площади строительные остатки не сохранились, и на этом уровне залегал рыхлый песчано-золистый культурный слой со скоплениями битой керамики, очажным пятном, зернотерками и другими изделиями из камня. В восточной стенке раскопа обнаружена глиняная трубка с ошлакованным концом, очевидно, — сопло.

Средний горизонт. Остатки большого помещения (размеры сохранившейся части — $8 \times 5,4$ м) найдены в южной части раскопа (рис. 18—2). Длинной осью помещение вытянуто с севера на юг. Южная стена его находится за пределами раскопа. Стены, сохранившиеся на высоту 0,5—0,6 м, сложены из сильно разрушенного сырцового кирпича, размеры которого не установлены. Северо-восточный угол занимает овальная яма ($4 \times 4,8$ м), а за стеной помещения в юго-западном углу раскопа вскрыты три хозяйственные ямы и скопления керамики. К северу от

¹ Описание поселения содержится в статье Ю. А. Заднепровского «Дальверзинское селище» — КСИИМК, вып. 69, 1957. Работы проводились автором в составе Ферганского отряда Узбекстанской археологической экспедиции (начальник — Я. Г. Гулямов). В раскопках принимали участие Е. И. Рожков и Л. В. Чернобылкина.

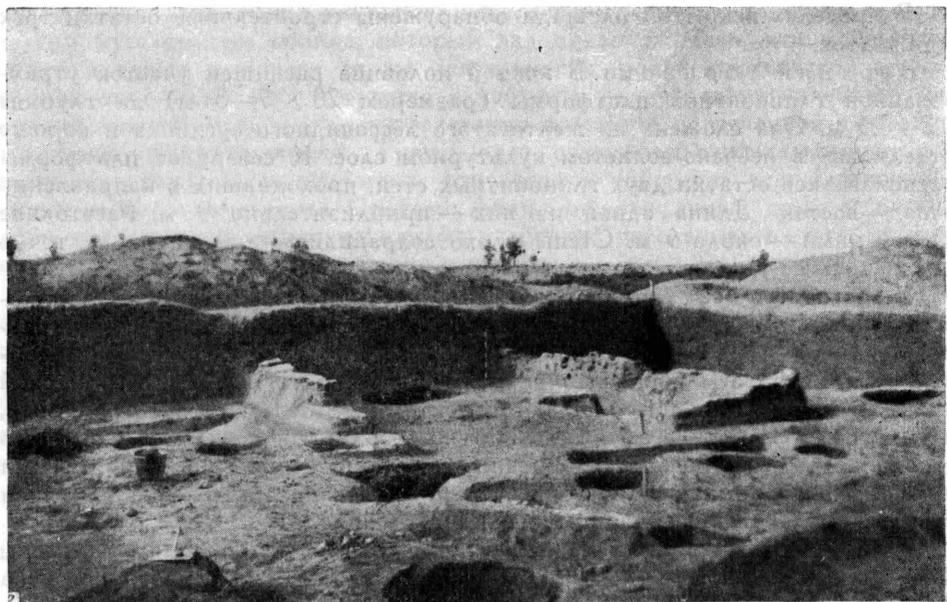
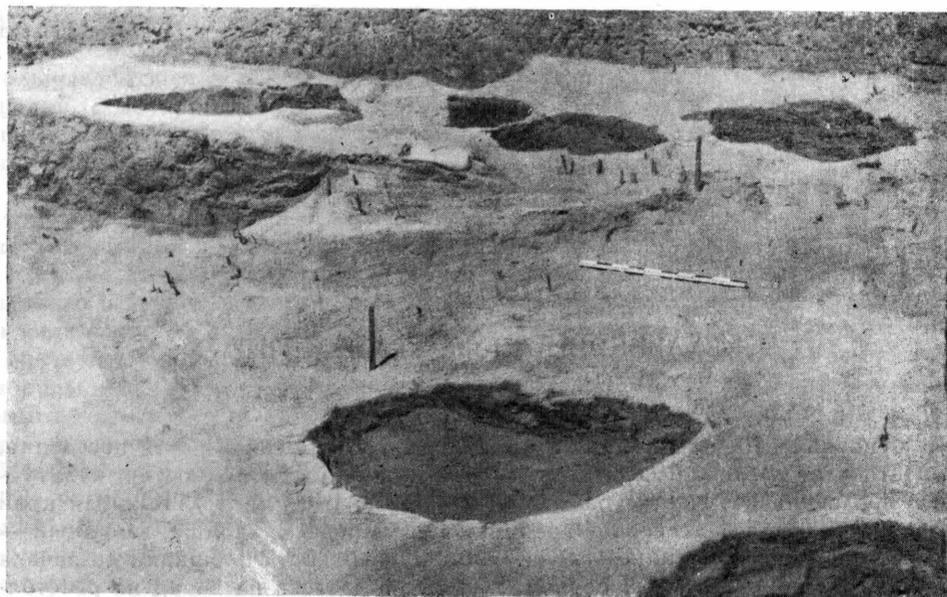

Рис. 18. Дальверзинское поселение. Раскоп 1959 г.

1 — участок пола верхнего горизонта с ямами; 2 — помещение, открытое в среднем горизонте.

помещения обнаружен разрушенный очаг, в котором стоял кухонный котел. На остальной площади в полу расчищено около 35 хозяйственных ям (диаметром 1,5 м и глубиной 0,5—0,8 м; 3 ямы были диаметром более 2 м). Пол среднего горизонта залегал на разной глубине: у южной стенки раскопа и в центре — на отметке 1,2 м, в западной и северной частях — 1—1,2 м. Восточный участок с ямами верхнего горизонта на глубине 0,7 м был оставлен для контроля.

В одной яме в северо-западном углу оказались остатки трех человеческих костяков: несколько костей и обломков черепа женщины 18—20 лет, нижняя челюсть мужчины зрелого возраста и части детского черепа. Обломки человеческого черепа найдены также у северной стенки раскопа и в южной части его.

В центре раскопа вскрыто скопление черепков разбитой крупной корчаги. На этом месте, на 0,4 м ниже, обнаружен целый кувшин, находившийся на полу нижнего горизонта. На полу лежали несколько зернотерок.

Нижний горизонт. Строительные остатки найдены только в юго-западной части, где сохранилась кладка в один ряд сырцовых кирпичей из зеленой болотной глины (размером 44 × 30 см; 40 × 25 см). Кирпичи уходят в южную стенку раскопа. Здесь вскрыт лишь небольшой угол комнаты. На всей остальной площади строительных остатков не оказалось. Пол неровный и залегал в северо-восточной половине на отметке 1,6 м; в наиболее приподнятой центральной части он находился на отметке 1,2 м, а в юго-западной — 1,7—2,1 м.

Вдоль восточного края раскопа обнаружены остатки 3 очагов почти точно по линии север — юг, на расстоянии 5 и 6 м один от другого. Такое расположение их не случайно, а представляет определенную закономерность. У западной стенки раскопа находился в овальной яме (280 × 215 × 50—65 см) еще один очаг. В северной части его *in situ* стоял раздавленный котел диаметром 62 см.

Особенно интересен прямоугольный очаг в северной стенке раскопа, на полу нижнего горизонта. Он вылеплен из глины с примесью мелкого галечника и шамота; под его (размером 0,5 × 0,35 м) составлял одно целое со стенками. Северная и южная части не сохранились, восточная стенка возвышалась на 0,5 м. Рядом с очагом в стенке раскопа находилась часть обугленного дерева диаметром 12 см (рис. 19—2). Отсюда был взят уголь для радиоуглеродного определения абсолютного возраста. Обугленное бревно лежало выше пола на 0,25—0,3 м; следовательно, оно попало в слой не в начале жизни поселения, а относится к концу существования нижнего горизонта.

В северо-западном углу четко о контурена зольная площадка с вкопанным в пол кухонным котлом. На этом участке зольный слой перекрывал две хозяйственные ямы. В самом углу стояли два разбитых сосуда.

В 4 м западнее очагов обнаружено несколько сосудов, расположенных цепочкой с севера на юг (рис. 19—1). Среди них — миска с перегибом бортика, полусферические открытые чаши с уплощенным и плоским донцами (рис. 20—2), кувшин с выпуклым туловом; на некотором расстоянии к югу в полу была вкопана корчага диаметром 0,52 м. Эти находки позволяют определить и восстановить формы посуды, характерные для нижнего горизонта. Две корчаги обнаружены в юго-западной части раскопа. В северо-восточном углу, у края ямы, среди слоя плотной белой золы стоял горшок без дна.

Всего в полу нижнего горизонта расчищено около 50 ям. Они отличаются большой глубиной по сравнению с ямами верхнего и среднего горизонтов, особенно четыре из них, достигавшие 2 м и более в диаметре. Ямы вырыты в разное время; так, например, яма № 84 выкопана позднее двух соседних (№ 83 и 85), которые она прорезала.

Очень интересно погребение подростка 12—13 лет (мужского пола?),

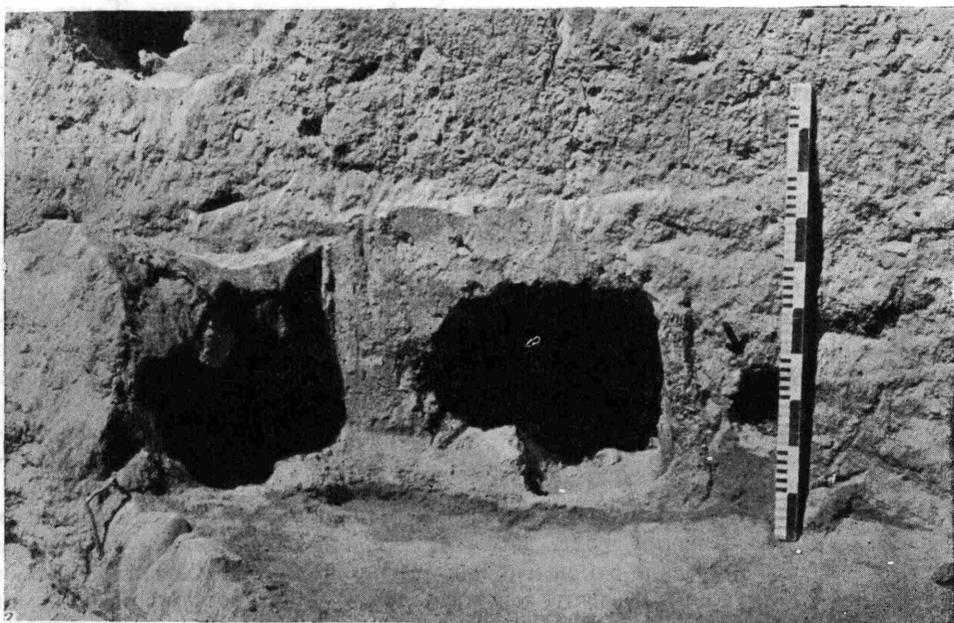

Рис. 19. Дальверзинское поселение. Раскоп 1959 г.

1 — нижний горизонт, скопление сосудов; 2 — нижний горизонт, очаг в северной стенке раскопа (стрелкой обозначено место, откуда взят уголь для анализа).

Рис. 20. Керамика Дальверзина и Ашкал-Тепе.

1—4 — с красной облицовкой; 5 — черволазная миска; 6 — росписной сосуд из Ашкал-Тепе; 7 — чаша с росписью из погребения в нижнем горизонте.

вскрытое в юго-западном углу. Костяк положен на материковый лёсс (на отметке 1,7 м). Погребенный лежал на правом боку, скорченно, головой на восток — юго-восток. Ноги согнуты, руки скрещены перед грудью, голова повернута в сторону севера. Кости плохо сохранились, но череп удалось взять для антропологического изучения. По определению В. В. Гинзбурга, череп относится к европеоидному долихокранному средиземноморскому типу. Перед лицом стояла глубокая чаша с плоским дном и загнутыми внутрь стенками. Чаша расписана черной краской: 3 пары вытянутых треугольников в виде узких клиньев опускаются с верха почти до самого дна; один из них заштрихован сеткой, а другой — ромбами. Высота чаши — 15 см, диаметр венчика — 14 см (рис. 20—7). Эта находка уникальна. Захоронения людей на Чустском и Дальверзинском поселениях встречались и в предшествующие годы работ, но без сопровождающего инвентаря. Расписная чаша позволяет отнести погребение к основному периоду существования поселения.

Распределение керамики из раскопа

Горизонты	I тип (с красной облицовкой)							II тип
	фрагменты	венчики	грушки	заготовки груши- ков	с отпечат- ками ткань	крышки	носки и ручки	расписная
Верхний	7965	1233	29	93	25	13	—	43
Средний	4475	918	19	102	31	5	8	71
Средний-нижний **	3419	715	2	59	20	2	7	140
Нижний	2489	500	14	56	14	1	9	97
Керамика из разных горизонтов	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	18 348	3366	64	310	90	21	24	351
%	63,75	11,69	0,22	1,07	0,31	0,07	0,07	1,21

* IV тип — керамика без облицовки, немногочисленная; до выделения в самостоятельный тип ее обычно относили к I и III типам; IV тип выделен в конце работ 1959 г. и поэтому в таблице не представлен.

** На восточном участке раскопа слои среднего и нижнего горизонтов не были разделены.

В одной из соседних ям нижнего горизонта находились сильно разрушенные остатки скелета человека.

Стратиграфия поселения. Несмотря на то, что поверхность участка ровная, толщина культурного слоя в раскопе была разной: она увеличивалась с запада (толщина — 1,6 м) на восток, где равнялась 2,1 м, и с севера на юг. В центральной части толщина слоя не превышала 1,2—1,3 м. Строительные горизонты выделены по уровню полов с хозяйственными ямами и постройками: верхний — на отметке 0,5—0,7 м, средний — 1—1,2 м и нижний — 1,6—2,1 м. Важное значение для стратиграфии имеет то, что помещение среднего горизонта перекрывало строительные остатки нижнего горизонта. Постройки различались по планировке и типу сырцового кирпича.

Важны для изучения стратиграфии и наблюдения над ямами. В пределах вскрытой площади расчищено около 100 ям, вырытых в полах. Весьма показательны, например, положение ям в юго-восточном углу. Здесь яма верхнего горизонта начиналась на отметке 0,5 м, среднего — на глубине 1,1 м, а горловина ямы, относившейся к нижнему горизонту, — на отметке 2,1 м.

Четко прослежена стратиграфия слоев на восточной стенке раскопа, где ясно видны зольные прослойки, связанные с полами среднего и нижнего горизонтов.

В ходе раскопок было замечено различие в облике материальной культуры нижнего и вышележащих горизонтов. Оно проявлялось главным образом в составе и характере керамики.

Находки. Основное место, как обычно, занимает керамика. Анализ многочисленного материала позволил уточнить классификацию керамики Дальневосточного поселения. Она состоит из следующих типов: 1) керамика с красной облицовкой; 2) с красной облицовкой и росписным орнаментом; 3) с белой облицовкой; 4) керамика без ангоба (необлицованная); 5) черно — сероошечная; 6) сероглиняная кухонная; 7) толстостенная. Распределение керамики по типам и горизонтам показано выше в таблице I.

Основную массу находок, как и в материалах раскопок предшествующих лет, составляет керамика I типа — 75%, затем следует кухонная — 17%.

III тип	V тип *	VI тип (сероглиняная, кухонная)						VII тип	Итого	
		фрагменты	венчики	грузики	заготовки грузиков	с отпечатками ткани	жаровня			
с белой облицовкой	черно-серо-лощеная									
45	—	1838	242	3	3	2	20	418	11 972	
132	—	1196	192	8	5	6	13	213	7 394	
52	—	626	108	4	6	7	5	139	5 311	
55	—	611	113	5	—	4	18	62	4 048	
—	56	—	—	—	—	—	—	—	56	
284	56	4271	655	20	14	19	56	832	28 781	
0,93	0,19	14,83	2,27	0,06	0,04	0,06	0,19	2,89	99,90	
		17,45								

Все остальные типы представлены в небольшом количестве. Расписная керамика составляет только 1,2% всех находок. Возможно, в употреблении ее было несколько больше. Росписью обычно покрывали только верхнюю часть сосуда, поэтому обломки нижних частей (без росписи) попадают в состав керамики I типа.

Остановимся подробнее на новых для нас типах. Керамика с беловатой облицовкой (III тип) в небольшом количестве встречалась также в предыдущие годы и рассматривалась тогда как один из вариантов керамики I типа. В 1959 г. пришлось выделить ее в самостоятельную группу. Она отличается составом глины и цветом облицовки. Керамика без ангоба (IV тип) представлена единичными находками. Она предназначалась для каких-то хозяйственных нужд; малочисленность находок не позволяет охарактеризовать ее с достаточной полнотой. К VII типу относятся толсто-стенные сосуды и корчаги, которые отличаются по составу глины, формам и назначению. Они служили, как правило, для хранения жидких и сыпучих запасов.

Особенно интересна черно-серо-лощеная керамика (V тип), ранее не встречавшаяся на Дальверзинском и неизвестная на других поселениях чувшской культуры. Посуда этого типа резко выделяется среди всего комплекса по составу глины, цвету и характеру обработки поверхности. У этих сосудов поверхность серая или черноватая, с полосчатым лощением. Удалось восстановить полностью форму открытой миски с округлым дном и слегка отогнутыми краями; диаметр ее — около 40 см (рис. 20—5). Из других форм отметим кувшин с отогнутым венчиком, бокал конической формы, низкий горшочек, полусферическую чашу, чашу с перегибом бортика. Керамика этого типа встречена преимущественно в нижнем и среднем горизонтах.

Серо-лощеная посуда Дальверзина сходна с подобной керамикой Южной Туркмении, где она употреблялась издавна и известна в материалах периода Намазга VI (вторая половина II тысячелетия до н. э.)², в памятниках архаического Дахистана³, а также в Шах-Тепе⁴ и других памятниках

² В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 308.

³ В. М. М а с с о н. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Там же, стр. 409.

⁴ Т. J. А г н е. Excavations at Shah-Tepé. Iran. The Sino-Swedish expedition, VII, «Archaeology», N 5, 1945, стр. 235 и сл.

Северного Ирана. Дальверзинская керамика по ряду признаков близка керамике древней Маргианы периода Яз-Депе I; здесь есть сходные формы сосудов — миска, горшочек⁵; в других районах Средней Азии аналогий она не встречает. Следует обратить внимание на распространение подобной керамики в Китае, где она удерживается вплоть до начала династии Чжоу⁶. Керамика этого типа находит, следовательно, аналогии в областях, расположенных от Ферганы на юго-запад и юго-восток, где она прошла длительный путь развития.

Перечисленные типы керамики встречались во всех горизонтах. Количественные изменения по горизонтам мало заметны, хотя можно указать на увеличение расписной керамики в нижнем и среднем горизонтах по сравнению с верхним. В верхнем горизонте оказалось больше толстостенных сосудов, чем в нижележащих.

Из новых форм отметим сосуд с выпуклым туловом, узкой и высокой горловиной (рис. 20—3), а также овальную плоску с низким бортом и жаровню прямоугольной формы. Обращает на себя внимание очажная массивная подставка конической формы, круглая в сечении и с ложбинкой наверху. К керамическим изделиям относятся также круглое чечевицеобразное пряслице и многочисленные заготовки из обломков сосудов с нарезками на поверхности.

Изделия из металла представлены 3 шильями обычной формы, бронзовым стержнем и обломком ножа с узкой рукоятью, заканчивающейся круглым навершием; встречено украшение в виде кованого стержня с круглой головкой, на котором был кружок — розетка (рис. 21). Найдена также полусферическая бляшка. Отметим астрагал с бронзовой вставкой.

Обнаружены отдельные кусочки бронзы, много шлаков, несколько обломков глиняных сосудов с ошлакованной внутренней поверхностью. На одном из них — слой шлака толщиной более 1 см. Следовательно, при плавке бронзы применялись обычные сосуды. Вместе с тем на поселении найдены и специальные сосуды — тигли с ошлакованной поверхностью. Из верхнего слоя происходит глиняная трубка, служившая, очевидно, в качестве сопла (рис. 21). Встречен обломок литейной формы из песчаника, но какой предмет отливали в ней, — установить невозможно. Все эти находки позволяют утверждать, что процессы вторичной плавки и обработки металла происходили в пределах поселения. Однако следует подчеркнуть малочисленность литейных форм на Дальверзине по сравнению с Чустским поселением.

Анализ металлических изделий Дальверзина, проведенный в лаборатории археологической технологии ЛОИА, дает основание выделять группу оловянистых бронзовых изделий с содержанием олова 3—7% и группу мышьяковистой бронзы с количеством мышьяка свыше 5% и небольшой примесью олова.

Изделия из камня разнообразны. В большом количестве встречены каменные серповидные ножи (рис. 22—6, 7), грузила с боковыми выемками, грузила с центральным отверстием, конические предметы (рис. 22—8—11), точильные камни (рис. 22—1, 5), отбойники, терочники, песты, а также мотыги (рис. 22—2, 4), колотушки, пуговицевидные предметы и др.

Наиболее интересны своеобразные серповидные ножи. Вместе с находками 1959 г. коллекция их насчитывает более 180 экземпляров. Они различаются по форме, размерам и породе камня. Есть заготовки и ножи на разной стадии изготовления, что позволяет говорить о производстве их на поселении. Каменные ножи встречаются и на прочих поселениях чустской

⁵ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 36, табл. XXI, 14, 15.

⁶ Li Chi. Chêng-tz -yai. The Black pottery culture Site at Lung-shan-chên in Li-ch'eng-hsien. Shantung province. Yale University. Publications in anthropology, N 52, 1956, стр. 61, 68.

культуры в Ферганской долине⁷, но они неизвестны в других областях Средней Азии. Единственные и полные аналогии они находят в Восточном Туркестане и памятниках эпохи бронзы Северного Китая⁸. Из этого можно заключить, учитывая раннее появление и длительное развитие этих орудий в Китае, о возникновении их в результате связей с населением бронзового века Северного Китая и Синьцзяна.

Рис. 21. Дальверзинское поселение. Глиняная трубка (сопло) и изделия из бронзы.

Среди поделок из кости обращают на себя внимание костяные гребенки для прибавания утка на ткацком станке. Они изготовлены из узких прямоугольных пластинок, зубья расположены с обеих сторон. Эти находки аналогичны костяным гребням из Чустского поселения⁹. Кроме того, найдены костяные трубки и кружки, зуб с просверленным отверстием. В двух случаях обнаружены скопления астрагалов в количестве 23 и 30 экземпля-

⁷ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 48, рис. 14—1, 2.

⁸ P. Teilhard de Chardin and C. C. Young. On some neolithic (and possibly palaeolithic) finds in Mongolia, Sinkiang and West China. Bull. Geological Society of China, XII, N 1, 1932, стр. 96, рис. 17—19; J. Andersson. Researches into the pre-history of the Chinese. BMFEA, № 15, стр. 226, табл. 165, 9, 70; ср. Li Chi. Preliminary reports of excavations at Anyang. Academia Sinica, pt. II, Peiping, 1929, стр. 248; «Kaory Сюэбао», т. 9, 1955 (на китайском языке).

⁹ В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. СА, 1958. № 3, рис. 3.

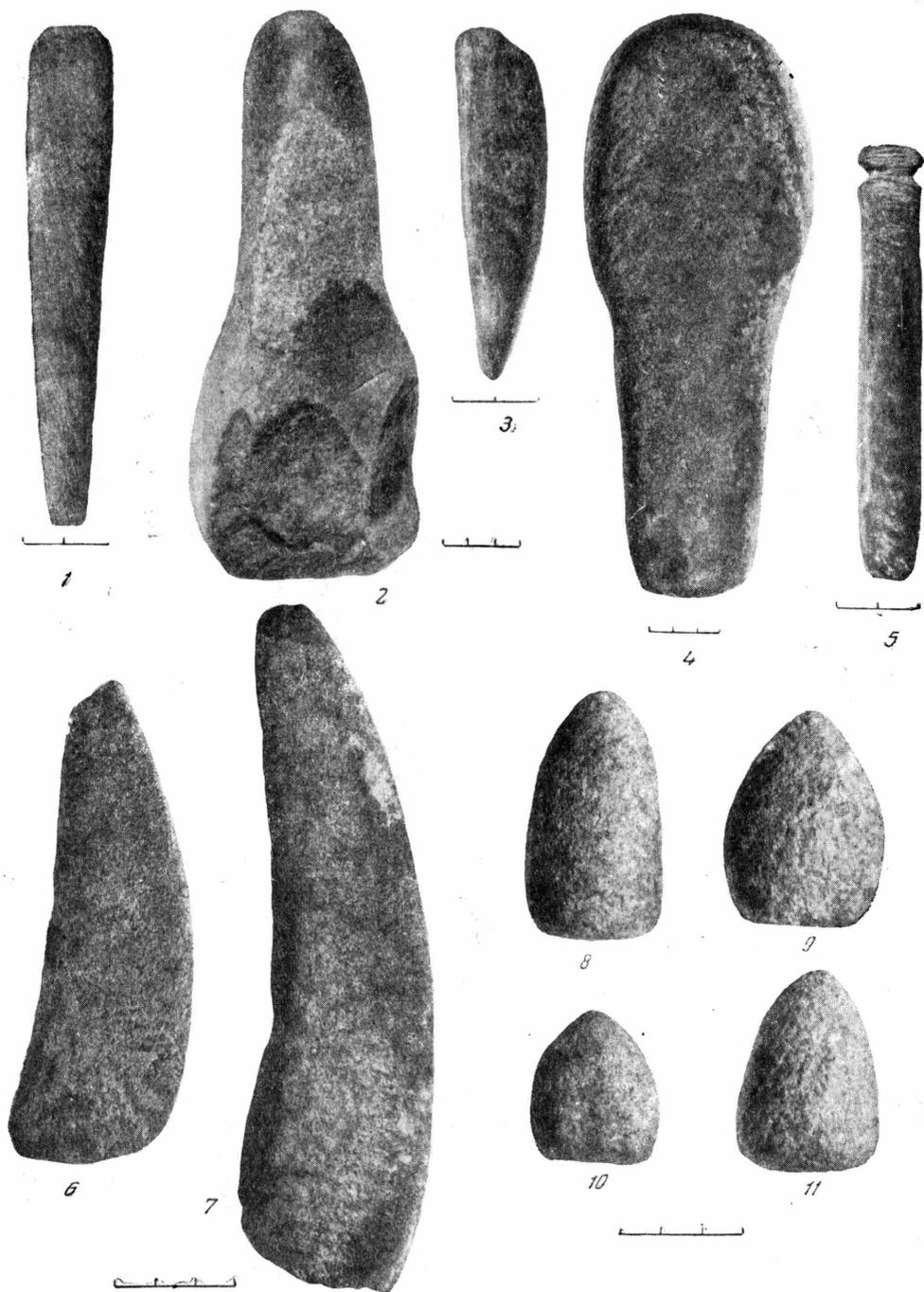

Рис. 22. Дальверзинское поселение. Изделия из камня.

1, 5 — точильные бруски; 3 — «сверло»; 2, 4 — мотыги; 6, 7 — серповидные ножи; 8—11 — концевые предметы.

ров. В наборах выделяется несколько обработанных астрагалов с зашлифованными поверхностями, с нарезками и отверстием для вставок; остальные — без следов обработки.

В целом находки 1959 г. расширили набор известных на Дальверзинском поселении изделий из глины, бронзы, камня и кости. Полученные материалы позволяют охарактеризовать некоторые особенности хозяйства и домашнего производства населения Ферганы эпохи поздней бронзы.

В 1959 г. продолжено изучение оборонительных укреплений городища, начатое в 1956 г.¹⁰ По краю поселения с восточной, юго-восточной и северной сторон проходит низкий земляной вал — остатки оборонительной стены. Западный край холма разрушен и распахан, но можно предполагать, что и с этой стороны поселение было огорожено стеной.

В предшествующие годы на восточном валу, на участке длиной более 100 м, была вскрыта оборонительная стена толщиной 4—6 м и высотой до 2,5 м; изучено ее устройство и выявлено, что стена построена на культурном слое.

В 1959 г. обнаружена вторая оборонительная стена к востоку от первой, на расстоянии около 200 м, где по краю низкой площадки проходит слегка возвышающийся земляной вал. Для выяснения происхождения его заложена траншея длиной 20 м, шириной 2 м. В западной и восточной частях углубились до материкового грунта, который залегал на одном уровне — 3 м от вершины вала и 2 м от поверхности площадки. Посередине вала в траншее, пересекавшей его, найдены остатки массивной стены с пристройкой с внутренней стороны. Толщина ее — 7,25 м. Сверху стена выложена сырцовым кирпичом; основание лежит на культурном слое мощностью 0,7 м, выходы которого зафиксированы в обоих концах траншеи. По внешнему виду и стратиграфическому положению эта стена сходна с первой.

В западной половине траншеи найдено довольно много керамики из перекрывающего и из нижнего культурных слоев, причем представлены основные типы сосудов, встреченные на поселении. На основании этого материала обе стены можно отнести к одному (в широких хронологических рамках) периоду. Пока остается неясным, построены ли стены одновременно, или в разное время. На эти вопросы можно получить ответ только при дальнейших работах. Вне зависимости от этого, сам факт наличия двух стен на восточном краю поселения свидетельствует о высоком развитии строительной техники и фортификации в эпоху поздней бронзы. Судя по рельефу местности, возможность существования дополнительных укреплений с других сторон исключена. По всей вероятности, большая забота об укреплении поселения с востока объясняется тем, что в этой части находился основной вход.

Зачистка второй стены и изучение площадки между стенами показали, что весь этот участок был обжит в основной период существования Дальверзина. Таким образом, работы 1959 г. внесли существенные дополнения в наши представления о размерах поселения.

Время постройки и функционирования оборонительных укреплений Дальверзина определяется стратиграфическим положением их и всем комплексом находок, который тождествен материалам из центральной части поселения.

Как уже было сказано, из основного раскопа был взят уголь для радиуглеродного определения возраста. По анализу лаборатории ЛОИА возраст этого образца составляет 2720 ± 120 лет, что примерно соответствует IX—VIII вв. до н. э. Эта дата определяет время конца существования нижнего горизонта и достаточно согласуется с хронологией, устанавливае-

¹⁰ Ю. А. Заднепровский. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа). «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959, стр. 151.

мой по археологическим материалам. Дальверзинское поселение и время функционирования его укреплений можно датировать последними веками II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э.

В 1959 г., помимо работ на Дальверзине, были осуществлены небольшие раскопки на соседнем поселении Ашкал-Тепе¹¹. В нижнем слое его вскрыты хорошо сохранившееся, небольшое помещение и остатки двух других помещений. Найдено значительное количество расписной керамики. При земляных работах обнаружена своеобразная расписная чаша, которая приближается по цветовой гамме к расписной посуде Актамского могильника (рис. 20—6).

---

¹¹ Ю. А. Заднепровский. Ашкал-Тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане. СА, 1959, № 3.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАСКОПКИ В КЕПАХ В 1959 ГОДУ

Исследования городища, отождествляемого с остатками боспорского города Кепы и расположенного у восточной оконечности Таманского залива, были начаты в 1957 г.¹ Работы 1959 г. велись Таманским отрядом Института археологии АН СССР в трех направлениях: 1) продолжение исследования внутригородской территории (раскоп Западный); 2) охранные раскопки с целью установить топографию города (раскопы Юго-Западный и Юго-Восточный); 3) исследование открытого в 1958 г. колодца (раскоп Приколодежный). Общая площадь, вскрытая в 1959 г., составила 250 кв. м.

Раскоп Западный. В 1959 г. этот раскоп был главным объектом работ (рис. 23). Здесь вскрыта площадь размером 175 кв. м, т. е. 7 квадратов (VIII—XIV) по 25 кв. м каждый. Зафиксировано 8 культурно-исторических напластований в среднем общей мощностью 2—2,2 м. Отдельные напластования, особенно ранние, вследствие перепланировок и перекопов не сохранились или сохранились лишь пятнами. Материалы раскопок 1959 г. позволили внести ряд уточнений в определение и датировку некоторых слоев, выделенных ранее.

Первый слой (нижний). Относится к IV в. до н. э. Уцелел на квадратах VIII, IX и XIII в виде пластов коричневого суглинка толщиной 0,1—0,4 м, с разного рода мелкими мусорными включениями. Строительных остатков не обнаружено, но находок керамики довольно много; среди них — большое количество обломков амфор различных центров (в том числе — синопских, фасосских). Заметим, что амфор с клеймами в этом слое мало. Есть фрагменты открытых светильников, красноглиняной гончарной и сероглиняной лепной кухонной посуды, небольшие пирамидальные грузила. Лучше других групп представлена чернолаковая посуда IV в. до н. э. (килики, канфары, блюдечки и др.). Встречены также фрагменты пантикапейских окрашенных черепиц (в том числе — с клеймами).

На ограниченном участке в пределах VIII и IX квадратов в толще двух нижних слоев обнаружено около десятка терракот; среди них — несколько изящных женских головок (рис. 24—5—7) и обломки протомы. Здесь же собрано наибольшее количество чернолаковых черепков IV в. до н. э., причем многие из них — с граффити (рис. 24—8—11), из которых два возбуждают большой интерес. Первое граффити — на краю канфара (рис. 24—8), второе — на краю блюдца (рис. 24—9). Оба граффити идентичны; у второго сколота верхняя часть — буква Р. Нужно

¹ Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1957 г. КСИИМК, вып. 72, 1958; е го же. Раскопки в Кепях. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961. В 1959 г. отряд Государственного исторического музея под руководством Н. П. Сорокиной начал раскопки разрушаемого пескокарьером грунтового некрополя Кеп.

полагать, что они обозначают сокращение имени Афродиты. Укажем, что в 1957 г. на этом же участке, но в пределах квадрата III, были также найдены терракоты² и лучшие чернолаковые фрагменты сосудов IV в. до н. э. По-видимому, эти находки нужно рассматривать как остатки посвящений в храме или святилище Афродиты, находившемся в районе раскопа Западного. Подобные посвящения Зевсу, Афине и Аполлону Дельфинию, связанные с храмами этих божеств, хорошо засвидетельствованы в Оливии³.

Закljučая характеристику нижнего слоя, отметим, что в нем, а также в тех позднейших слоях, которые спускаются до материкового песка, среди находок составляют очень большой процент фрагменты керамики VI и V вв. до н. э. (рис. 24—1—4). Так, на квадрате XII в слое I—II вв. н. э. лежащем на материке, архаических находок значительно больше, чем поздних. Такого количества ранних находок на раскопе Западном в предыдущие 2 года не было встречено. Они свидетельствуют об интенсивной жизни города уже с середины VI в. до н. э.

Второй слой (III—II вв. до н. э.). Обнаружен приблизительно на тех же участках, что и предыдущий. Достигает мощности от 0,2 до 0,5 м. По грунту и характеру находок слой очень близок предыдущему. Строительных остатков не оказалось. Среди многочисленных находок преобладают фрагменты амфор (синопских, косских, гераклейских, фасосских и из других центров); много черепков чернолаковых сосудов, в числе которых есть сероглиняные. Помимо упомянутых выше терракотовых головок, отметим часть фигуры в гиматии, стекловидную вставку, черноглиняный открытый светильник, обломок стенки амфоры с остатками надписи красной краской — IA. Датируют слой фрагменты амфор III в. до н. э., флакона II в. до н. э. и другие находки. Слоев II—I вв. до н. э. на исследованном участке не зафиксировано, они были счищены при позднейших строительных работах; об этом свидетельствует тот факт, что под вымосткой (№ 46), относящийся к I в. н. э., залегает непосредственной слой III—II вв. до н. э. Отдельные же находки, датируемые II—I вв. до н. э., встречаются нередко в более поздних слоях (фрагменты веретенообразных флаконов, родосских амфор, «мегарских» чаш).

Третий слой. В 1959 г. оказалось возможным выделить слой I в. н. э., который представлен лежащими друг над другом вымостками (№ 45 и 46), развалом печи (№ 51), кладкой (№ 59) и 2 пифосами (№ 60 и 63). Вымостка № 46 проходит широкой полосой (до 1,73 м) вдоль северного борта квадратов VIII и X; ее северный край и продолжение на востоке уходят в борта раскопа. Вымостка сложена из фрагментов керамики, мелких камешков, гальки, костей, ракушек, кусков печины, аккуратно уложенных и крепко утрамбованных вместе с зольно-глинистым раствором. Несмотря на малую толщину (0,05—0,08 м), она обладает большой прочностью. Продолжением ее была открытая в 1958 г. вымостка № 32. В результате обе они прослежены на длину 20 м.

Вымостка № 45, подобная предыдущей, возникла в результате ремонта сильно деформировавшейся вымостки № 46 и положена на глиняную подушку, покрывшую эту вымостку. Анализ материала показал, что обе они были устроены в I в. н. э. и, нужно думать, служили полом хозяйственных помещений.

Обнаруженная на квадрате XIII кладка (№ 59) представляет собой часть фундамента (длина — 2,6 м, ширина — 0,8 м, высота — до 0,7 м), аккуратно сложенного из необработанных и частью подтесанных кусков известняка средней величины. Ориентация фундамента в строгом направ-

² Н. И. Соколовский. Раскопки в Кесах в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 57, рис. 18; рис. 19—1, 2.

³ А. Н. Карасев и Е. И. Левин. Оливийская агора. СА, 1958, № 4, стр. 132—134, 142.

Рис. 24. Находки VI—IV вв. до н. э. на городище Кепы.

1—4 — фрагменты расписных ваз VI в. до н. э.; 5—7 — терракоты IV в. до н. э.; 8—11 — фрагменты чернотерракотовых сосудов с граффити.

лени с востока на запад отличается от ориентации всех построек более позднего времени на участке. Тому же дому, вероятно, принадлежал и плоскодонный красноглиняный пифос (№ 60), сохранившаяся нижняя часть которого обнаружена на расстоянии 0,65 м к югу от фундамента.

Пифос № 63, аналогичный упомянутому, найденный у южного борта квадрата XIV, был заполнен зольно-мусорным грунтом со значительным количеством находок. При этом в верхнем горизонте, т. е. на уровне верхнего края, вместе с обломками самого пифоса оказались фрагменты керамики III в. н. э., в том числе миниатюрный лепной сосудик на 3 ножках; в остальной части заполнения были находки, характерные для I в. н. э., и среди них — 5 боспорских монет периода от последних годов I в. до н. э. до 40-х годов I в. н. э.⁴ Пифос № 63 был установлен в помещении или во дворе с хорошей каменной вымосткой, небольшой кусочек которой (1 × 0,5 м) сохранился рядом с еще одним пифосом (№ 65).

Четвертый слой. Относится к I—II вв. н. э. Слой сильно нарушен более поздними перекопами и в свою очередь, в виде перекопов, нарушил нижележащие слои в некоторых местах вплоть до материка; поэтому его мощность очень неравномерна. К этому слою следует отнести зерновую яму ж в юго-восточном углу квадрата XIV, нижней частью впущенную в материковый песок. Плоское дно ямы — круглое, диаметром 1,4 м. Яма эта аналогична яме а, открытой в 1957 г. на квадрате III в том же слое. Среди многочисленных и обычных для слоя этого времени керамических находок (черепица, амфоры, фрагменты красного лака и т. д.) упомянем терракотовую, эллинистического времени, фигурку женщины с миабдемом на руках, несколько бронзовых украшений (кольцо, дужку фибулы), обломок края каменной чаши, пластинки слюды, осколок окаменевшей кости ископаемого животного, керамический шлак, половину дисковидной крышки пифоса с отбитой ручкой и др.

Пятый слой (III в. н. э.). К нему относится яма е — большой (4,1 × 3 м), неправильной формы, котлован глубиной не менее 1,85 м, расположенный на стыке квадратов VIII, IX, X и XI; нижняя его часть заглублена в материковый песок. Яма заполнена мусорным грунтом; в южной ее части отмечен сброс золы, мелких углей и кусков пачины. Находки в заполнении разновременны; наиболее поздние — фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, светильник в виде чашечки на высокой ножке, осколки стеклянных сосудов. Интересна находка разбитого пифоса-корчаги (рис. 25—2) высотой 0,82 м, с широким горлом и двумя витыми вертикально поставленными на плечах ручками; шейка и плечи сосуда украшены зигзагообразным орнаментом с насечками⁵. Здесь найдены также 8 крупных кусков облицовочных плиток серого, зелено-серого и белого мрамора; некоторые из них сохранили на одной плоскости беловато-розовый известковый раствор. Встречено горло краснолаковой ойнохой (рис. 25—1). Среди находок большой процент составляют черепки сосудов VI—V и IV—III вв. до н. э. Яма е служила местом сброса грунта при планировке участка перед строительством жилого комплекса. Поэтому наиболее поздние находки (III в. н. э.) датируют постройку дома над ямой.

Шестой слой (III—IV вв. н. э.). Мощность слоя — от 0,2 до 1,1 м; он состоит из коричневого суглинка. Прослежен по всей площади раскопа. В середине раскопа грунт представляет собой сплошной массив разложившихся сырцов от рухнувших стен. В некоторых местах на подошве сырцовых завалов видны следы пожара. К этому слою относится комплекс построек, состоящий из жилого помещения, кладовой, двора и водостока (рис. 26—1).

⁴ Одна — пантикапейская (14—8 гг. до н. э.), другая — Аспурга (14—37 гг. н. э.) и три — Митридата III (39—45 гг. н. э.). Определены Д. Б. Шеловым.

⁵ Подобные сосуды известны из Илурата и датируются III в. н. э.; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, рис. 23, 99, 102.

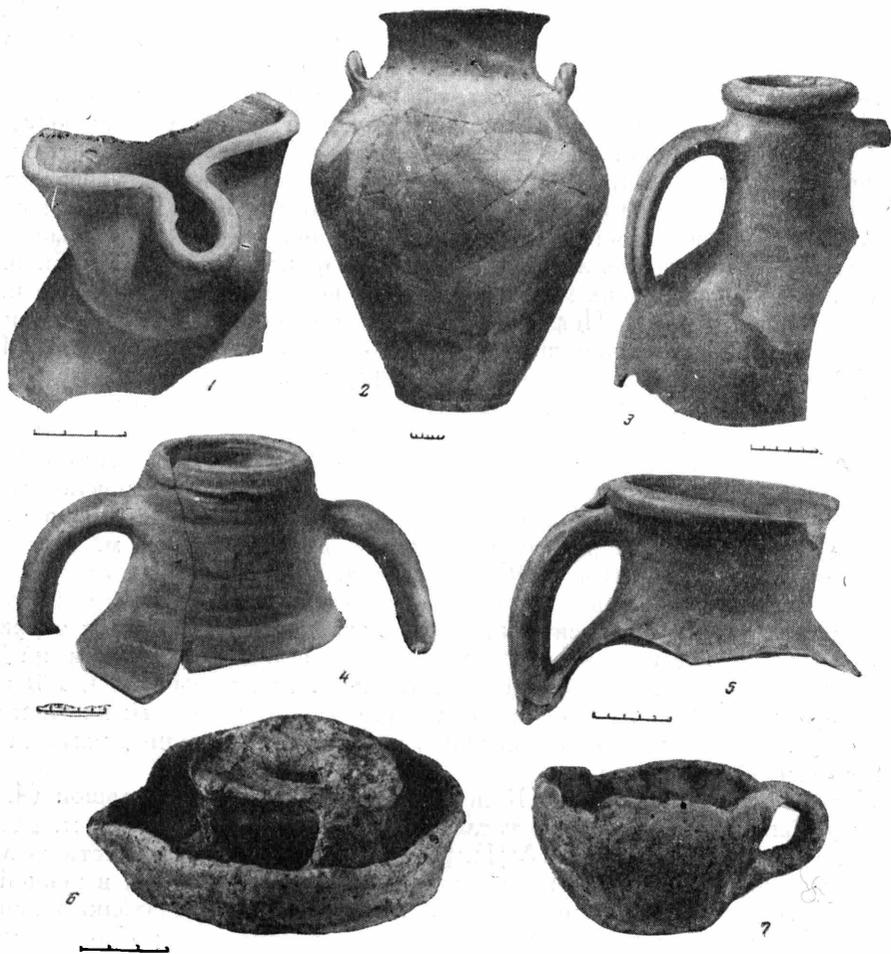

Рис. 25. Керамика III и IV вв. н. э. из находок в Кепах.

1, 2 — горло краснолаковой ойнахой и корчага из ямы е (III в. н. э.); 3 — горло амфоры; 4 — то же; 5 — горло кувшина (3—5 — из позднеантичного дома. IV в. н. э.); 6, 7 — лепные светильник и чаша IV в. н. э.

Жилое помещение (квадраты X и XI) — прямоугольное в плане, размером $5,8 \times 2,2$ м (площадью 12,8 кв. м), ориентировано длинными сторонами с юга на север при отклонении северного конца на 15° к западу. Хорошо сохранились каменные фундаменты восточной (№ 50) и южной (№ 47—48) стен, подошвы которых находятся на глубине 1,5—1,56 м от современной поверхности.

От северного фундамента (№ 40) уцелел лишь небольшой кусочек, а западный (№ 49) — оборван с обеих сторон позднейшими перекопами; однако оставшаяся часть кладки длиной 3 м сохранилась неповрежденной. Ширина фундаментов — 0,65—0,7 м. Высота их разная: № 50—0,4 м, № 47—48 — до 0,73 м, № 49—1,28 м; западный фундамент (№ 49) сильно заглублен, ибо он расположен над ямой е, южный — несколько приподнят над остальными, видимо, для создания большей прочности дверного проема, делящего эту стену на два отрезка (восточный — № 47, западный — № 48). Дверной проем (шириной 0,5 м) по бокам обрамлен плоскими плитами вторичного использования (западная, например, — желоб от водостока); порог вымощен плоскими камнями.

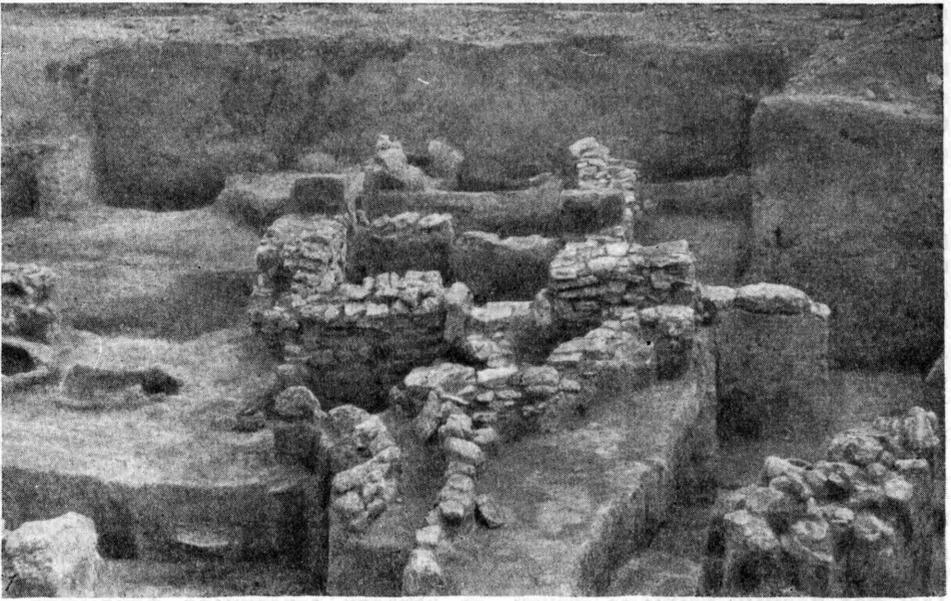

Рис. 26. Кепы. Дом III—IV вв. н. э.

1 — общий вид с юга; 2 — кладовая (стена № 41 и лифос № 43).

Все фундаменты сложены из необработанных камней (известняка) и некоторого количества плитняка и железняка, положенных на глиняном растворе в два панциря с забутовкой между ними более мелкими камнями и отчасти фрагментами керамики. Нужно отметить, что более крупные камни лежат в нижних рядах, и среди них есть использованные вторично, особенно в нижних рядах западного фундамента (№ 49). Поверхность фундаментов горизонтальна, она тщательно выложена плоскими камнями и фрагментами керамики; в кладку № 47 был заложен даже обломок постамента

небольшой мраморной статуи. На фундаментах выкладывались стены из сырцовых кирпичей; нижние части сырцовой кладки (высотой до 0,4 м) на западном и восточном фундаментах сохранились в неповрежденном состоянии. Судя по количеству фрагментов черепицы в слое, кровля дома была черепичной, а для потолка применялась морская трава — камка, прослойками лежавшая под завалами сырцовых стен.

В средней части помещения сохранился кусок глинистозолистого пола (№ 67) пепельно-серого цвета, толщиной 0,04—0,07 м; он был прикрыт рухнувшей сверху камкой. На полу обнаружены горла кувшина и красноглиняных амфор (рис. 25—3—5), бронзовый алтарик высотой 11,2 см, светлоглиняная культовая табличка размером 0,095 × 0,087 м с изображением оленя, держащего в зубах змею. Среди других находок, собранных в доме на уровне пола и на остатках дворовой вымостки перед порогом, много фрагментов больших краснолаковых блюд и сероглиняных лощеных, характерных для IV в. н. э., из которых при реставрации подобрано 7 целых экземпляров.

Юго-западный угол помещения разрушен средневековым перекопом. Пострадал и отходящий на запад фундамент (№ 41), построенный в той же технике, что и описанные выше (рис. 26—2). Западная половина его разрушена другим перекопом и сохранилась в виде завала (№ 44). Судя по системе кладки, направлению и горизонту, стена № 41—44 соединялась под прямым углом со стеной, от которой сохранился фундамент — цоколь (№ 4), открытый на квадратах III и VI в 1957—1958 гг., и образывала обширное помещение, площадью около 28 кв. м (5,6 × 5 м); восточной была стена № 49, а северная сохранилась в виде завала камней (№ 39), вытянутого с востока на запад.

Таким образом, дом включал, очевидно, 3 помещения, вытянутых с востока на запад, поскольку к западу от стены № 4 отходил пол (№ 14) еще одной комнаты.

Между южным концом стены № 49 и стеной № 41 создавалось помещение, использовавшееся для кладовой, в которой вдоль южной стороны (стена № 41) были размещены два красноглиняных плоскодонных пифоса: № 54 — восточный и № 43 — западный (рис. 26—2). Верхняя часть пифоса № 54 была разрушена перекопом; диаметр его тулова равен 0,94 м. Пифос № 43, большего размера (диаметр тулова — 1,25 м, высота — 1,79 м), найден в неповрежденном состоянии с наложенной на венец крышкой, плоский плитняк), однако плечики оказались раздавленными грунтом. На обоих пифосах были многочисленные свинцовые спайки, скреплявшие трещины. В пифосах ничего не обнаружено; видимо, жители оставили дом внезапно в весенне-летнее время, до сбора урожая.

К югу от дверного проема располагался двор (№ 52), мощный плоскими кусками известняка и плитняком; вымостка, сильно разрушенная современным перекопом, перекрывала водосток (№ 53), стенки которого сложены из необработанных уплощенных камней, поставленных на ребро. Водосток шел по двору, изгибаясь с юго-востока, и, не доходя до южной стены дома, поворачивал на запад. Двор был ограничен с юга другой постройкой, от которой сохранился каменный фундамент (№ 56), сложенный в той же технике, что и описанные выше. У юго-восточного угла жилого помещения открыт небольшой завал (№ 55) из фрагментов позднеантичных амфор и камней. Особенность этого завала состоит в том, что почти все входившие в него камни оказались обработанными; в их числе — часть восточного желоба, архитектурная деталь, три известняковых дисковидных крышки для широкогорлых амфор. По-видимому, жители Кеп в III—IV вв. н. э. охотно применяли такие крышки: только в районе исследованного дома их найдено 7 экземпляров. Диаметр крышек колеблется от 0,14 до 0,2 м.

Немного далее к востоку от завала обнаружены остатки печи в виде беспорядочного скопления печины, углей, золы и сажи, среди которых най-

дено много обуглившихся зерен. Анализ, проведенный А. В. Кирьяновым, показал, что главную массу составляют зерна пшеницы и многорядного ячменя; подобное соотношение характерно и для других находок зерен в Кепях. Пшеница и ячмень в первые столетия нашей эры в Кепях были ведущими культурами; зерна ржи встречаются в небольшом количестве, наряду с подморенником — сорняком. Попутно отметим, что в пифосе № 60 (I в. н. э.) обнаружены зерна овсюга южного с примесью зерен пшеницы и ячменя. Овсяг, по-видимому, шел на корм скоту и птице, как и чечевицеобразная вика, нередко встречающаяся в Кепях.

Дом был построен в III в. н. э., поскольку он стоит на яме е, дата засыпки которой (III в.) не вызывает сомнений. Кроме того, в слое завалившихся сырцовых стен нет материала, относящегося к IV в. н. э. Находки же на дворе и на полу дома, т. е. связанные с последними моментами жизни, указывают на то, что дом погиб в IV в. н. э. Любопытно, что из 6 монет первой трети IV в. н. э., найденных на раскопе, пять обнаружены на горизонте двора и пола. Особенно интересна монета Рискупорида VI, лежавшая внутри дома под завалом стен. Она указывает, что гибель дома произошла не ранее 30-х годов IV в. н. э., хотя связать ее с гуннским разгромом мы пока не решаемся, поскольку над этим слоем залегает еще один позднеантичный слой, правда, бедный строительными остатками, но достаточно мощный (от 0,18 до 1,05 м). Во всяком случае этот, седьмой по счету, слой определенно датируется IV в. н. э.

Седьмой слой. Здесь обнаружены остатки фундамента, вымосток и каменные завалы. Среди многочисленных и разновременных находок античного времени отметим осколки краснолаковых блюдец и широкогорлых амфор IV в. н. э.; фрагменты обожженных кирпичей; лепной сероглиняный светильник оригинальной формы (рис. 25—6) и лепную чашечку (рис. 25—7); каменное ядро для пращи, диаметром 35 мм; каменное яичко, по величине равное куриному; терракотовый женский бюст; костяной наконечник стрелы. Верхний слой, мощностью от 0,4 до 1,5 м (в перекопах), датируется средневековьем. Как и в предыдущие годы, строительных остатков, относящихся к этому времени, в пределах раскопа не обнаружено. Среди многочисленных находок, в основном позднеантичного времени, отметим шиферную пластинку трапециевидного сечения⁶ и 2 фрагмента плоскодонных кувшинов с черносмоленной внутренней поверхностью, столь характерных для слоев IX—X вв. на Таманском (Тмуторокань) городище.

Во всех слоях раскопа встречались очень раздробленные кости домашних животных, медные монеты, обломки железных и бронзовых гвоздей, пирамидальные ткацкие подвески, обломки мраморных облицовочных плиток. В слоях периода I—IV вв. н. э. нередки фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор с красными знаками, светильников (в том числе на высокой ножке), дисковидных керамических крышек для пифосов, астрагалы, часто с дыркой в середине или с подтеской, куски кирпичей, цемьянки, кусочки железных шлаков.

Работы на раскопе Западном позволили собрать много нового материала для изучения сельского хозяйства, ремесленного производства, торговли и культуры города. Подчеркнута интенсивность жизни города в ранний период его истории, получены данные о существовании святилища или храма в IV в. до н. э. Особенно важны результаты исследования позднеантичного комплекса, познакомившего с характером строительства и планировки города в III и IV вв. н. э.

⁶ Подобные пластинки найдены в Пантикапее — в погребениях первых веков нашей эры и в Илурате вместе с вещами III в. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 52—54, рис. 41,1). Нам известны такие же плитки из римских придунайских провинций, — например, в Национальном музее в Будапеште (5/1935, 11; 3/1950, 148), в музее г. Варны. На всех таких пластинках есть следы потертости или даже углубления; служили они для растирания красок, приготовления мазей и косметических материалов.

Городище Кепы постоянно терпит ущерб вследствие обвалов берега и от ям, которые копают местные жители. В охранных целях в 1959 г. здесь было разбито два небольших раскопа.

Раскоп Юго-Западный (30 кв. м). Расположен на береговом откосе в 109 м к югу от современного колодца. На раскопе обнаружены 4 слоя. На коричнево-желтом материковом песке, лежавшем на глубине от 1,5 до 2,4 м, находился пласт коричневого суглинка толщиной 0,25—0,3 м; в нем не было строительных остатков. Керамические находки датируют его I—II вв. н. э.

Во втором слое (серо-коричневый суглинок, толщина — 0,4—0,8 м), относящемся к III в. н. э., обнаружены остатки 2 вымосток — черепяно-каменной и из крупных каменных плит. В северо-восточном углу раскопа отмечены следы пожара.

В третьем слое (III—IV вв. н. э.) строительных остатков нет. Верхний слой, не считая дернового, относится к средневековому времени. Здесь вскрыты 2 погребения (ребенка и взрослого) в ящиках из каменных плит. Захороненные лежали вытянуто, на спине, головой на запад, с легким отклонением к югу. Кроме медного кольца при скелете взрослого и бронзового колокольчика при детском погребении, иных вещей в могилах не обнаружено. По характеру вскрытые погребения аналогичны средневековым захоронениям на северном склоне горы Митридат в Керчи. Подошва их лежит на глубине 1,64 и 1,8 м. От третьей могилы сохранилась плита перекрытия, для которой использована половина надгробия I в. н. э. с рельефным изображением.

Раскоп показал, что город до периода I—II вв. н. э. не распространялся на исследованную территорию; в I или II вв. н. э. он сильно расширился к югу, в III в. н. э. в этой части города был пожар; в конце античной эпохи здесь, как и на других участках, жизнь прекратилась, а по прошествии довольно длительного срока этот участок был использован под кладбище средневекового поселения.

Раскоп Юго-Восточный (25 кв. м). Разбит в 59 м к западу от памятника героям Великой Отечественной войны, находящегося посреди небольшого поселкового кладбища, за низинкой, отделяющей основную территорию городища. Культурный слой толщиной 0,8—1,2 м делится на 2 горизонта: 1) верхний пласт темно-серого суглинка, толщиной 0,4—0,78 м (включая и дерновую прослойку), с малым количеством находок и 2) нижний пласт светло-коричневого песчанистого суглинка, толщиной 0,32—0,52 м, с большим числом находок и отдельных камней. В нижнем пласте обнаружена часть вымостки (2,44 × 2,28 м) из необработанных кусков известняка-ракушечника небольшого размера; часть ее разрушена современной ямой.

И в нижнем, и в верхнем пластах характер находок одинаков. Они делятся на 2 группы: меньшую составляют фрагменты керамики преимущественно первых столетий нашей эры, большую — фрагменты керамики средневекового времени — красноглиняных одутловатых узкогорлых кувшинов с рифлением по верхней части, амфор из оранжево-красной глины с венцом в виде раструба и высокими ручками; фрагменты таких амфор характерны для верхнего слоя на всех раскопах городища. Здесь встречено несколько обломков лепных горшков и средневековой черепицы из пористой темно-красной глины с крупными зернами примеси.

Работы на раскопе Юго-Восточном позволили выяснить, что средневековое поселение здесь располагалось на пустыре, не входившем в черту античного города, границей которого на юго-востоке была небольшая лощина, идущая с востока на юго-запад. Таким образом, раскопы Юго-Западный и Юго-Восточный дали важный материал для изучения исторической топографии городища; они показали несовпадение границ античного и средневекового поселений.

К охранным мероприятиям относится также извлечение мраморного пьедестала из хозяйственной ямы на огороде жителя поселка Н. К. Лозицкого недалеко от раскопа Западного. Пьедестал был, вероятно, заложен в фундамент позднеантичного здания. Это прямоугольный серомраморный квадрат размером $1,07 \times 0,91 \times 0,39$ м, с прямоугольной вырубкой сверху для установки декрета или статуи. Одна из узких сторон служила фасадом; на углу ее — выемка, по нижнему и верхнему краям проходят профили, а посередине гладкой плоскости выгравирован родовой знак боспорских царей II в. н. э.⁷

При исследовании колодца, открытого в 1958 г. на раскопе Приколодезном, выявлены общий план его и границы котлована, сильно расширяющегося в западной части и забитого камнями. Никаких приколодезных сооружений не обнаружено. Из находок в перекопанном грунте прирезки (20 кв. м) отметим пирамидальное грузило с оттисками ключа по обеим узким сторонам, обломок облицовочной беломраморной плитки и доньшко открытого сосуда с парным лапообразным клеймом, какие и ранее встречались при раскопках Кеп.

---

⁷ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 54, 55, № 7—9. Подобные пьедесталы известны на Боспоре. Несколько экземпляров их хранятся в лапидарии Царского кургана. Они отличаются от пьедестала из Кеп размерами и пропорциями, а также материалом (есть известняковые).

Т. М. АРСЕНЬЕВА

РАСКОПКИ У ДЕРЕВНИ НОВО-ОТРАДНОЕ В 1959 ГОДУ

В июне 1959 г. восточно-крымским отрядом Причерноморской экспедиции под руководством И. Т. Кругликовой были возобновлены раскопки поселения у дер. Ново-Отрадное (бывшая Аджибай)¹. Поселение расположено на высоком холме, возвышающемся над пойменной долиной речки Аджиели, впадающей на расстоянии около 750 м в Азовское море. Склоны холма на севере, востоке и западе крутые, а на юге холм переходит в гряду возвышенностей. Он состоит из двух террас, понижающихся одна за другой к северу. Поверхность сильно повреждена ямами, траншеями и котлованами от выборки камня. На нижней террасе в обрезах траншеи не обнаружены следы каких-либо древних построек. Если это подтвердится и при дальнейших раскопках, то можно будет считать, что поселение располагалось лишь на верхней террасе, которая несколько повышается в юго-западной части².

Как и в 1953 г., раскопки производились на верхней террасе холма, где был обнаружен наиболее насыщенный культурный слой, открыты хозяйственные помещения с большим количеством посуды и вещей³. Постройки эти погибли в середине III в. н. э. Наиболее ранние находки относились к середине II в. до н. э.

В 1959 г. была поставлена задача — выяснить, имело ли поселение оборонительные сооружения, и определить их характер.

Небольшой раскоп (около 60 кв. м) был разбит в восточной части террасы на самом краю холма, причем юго-западная граница соединялась с раскопом 1953 г. (рис. 27).

В результате раскопок обнаружена оборонительная стена, идущая в направлении с севера на юг (с небольшим отклонением на северо-восток). Она вскрыта целиком на протяжении 5 м, и еще на 5 м к северу исследован ее западный фас. Толщина стены достигала 2,6 м, а в основании фундамента доходила до 3,3 м. Сложена стена из крупного и средней величины камня на глине, которая заполняла промежутки между камнями и в облицовке, и во внутренней забутовке. Часть камней с лицевой стороны немного подтесана. Более крупные камни (0,4 × 0,5 м; 0,6 × 0,6 м; 0,4 × 0,4 м) лежали по краям, образуя восточный и западный фасы. Середина между ними забутована камнями более мелкого размера (0,1 × 0,15 м; 0,2 × 0,15 м; 0,4 × 0,2 м) с глиной (рис. 28—1). Внешний, восточный, фас выложен из более крупных камней, чем западный.

¹ В 1953 г. раскопки производились И. Т. Кругликовой; см. ее статью «Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря» — СА, XXV, 1956, стр. 236 и сл.

² И. Т. Кругликова считала это возвышение третьей верхней террасой холма (там же, стр. 237).

³ И. Т. Кругликова Указ. соч., стр. 237, 238.

На вскрытом участке оборонительная стена сохранилась в высоту на 2,4 м. Подошва ее лежала на материковой глине, на глубине 2,8 м от современной поверхности. Фундамент с внешней стороны выступал за линию стены на 0,3 м; высота его — около 0,6 м. С внутренней стороны верхняя кладка фундамента находилась на глубине 1,8 м от современной поверхности и выступала за линию стены на 0,4 м. Глубина залегания фундамента

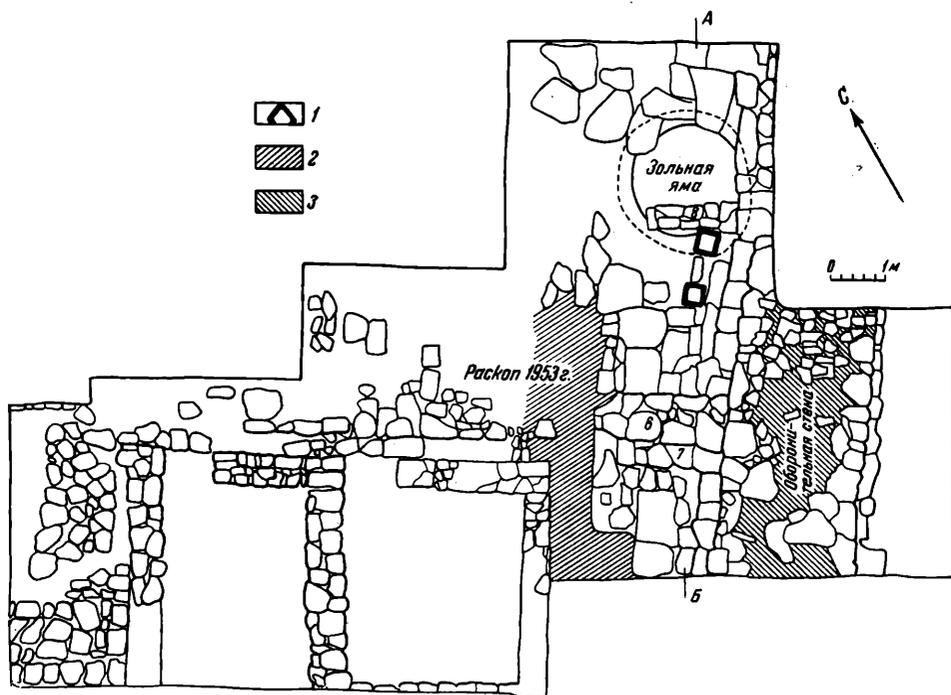

Рис. 27. План раскопок у дер. Ново-Отрадное.

1 — каменные лаги; 2 — глиняная забутовка стены; 3 — пол III в. н. э.

не выяснена, так как здесь вплотную подходит вымостка, датируемая I—II вв. н. э., которая не разбиралась. Надо отметить, что вдоль всего восточного фаса оборонительной стены, на глубине 0,9 м от поверхности, прослеживалась подсыпка из мелких камней.

Северная часть стены сохранилась значительно хуже; она нарушена современной траншеей. К сожалению, вдоль восточного фаса стены в слое залегания фундамента находок обнаружено очень мало — всего лишь несколько стенок родосских амфор и обломков черепицы, которые можно отнести ко II—I вв. до н. э. С внутренней стороны стена исследована до материка только в северной части, на месте примыкающей к ней плотную зольной ямы, которая по находкам фрагментов двустольных светлоглиняных амфор может быть датирована I в. до н. э. — I в. н. э. Слой же, на котором лежала оборонительная стена, был срыт ямой, выкопанной позднее сооружения. Поэтому время постройки стены можно отнести к концу II в. — I в. до н. э. Оборонительная стена — самое раннее архитектурное сооружение, открытое на поселении, просуществовавшее до времени гибели последнего в конце III в. н. э. Она была выстроена на самом краю холма, так что естественные склоны его усиливали мощность обороны.

Немного позднее, после постройки стены, впритык к ней была вырыта зольная яма, круглая в плане; горловина ее находилась на глубине 1,4 м от современной поверхности, дно — 2,7 м. Книзу яма расширялась: верхний ее диаметр — 2 м, нижний — 2,4—2,7 м. Яма была заполнена золой с большим

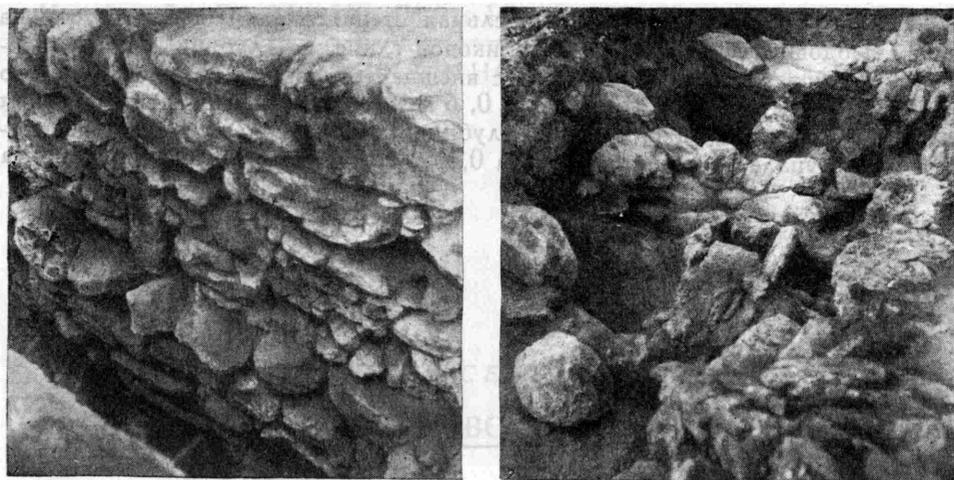

Рис. 28. Поселение у дер. Ново-Отрадное.
1 — внешний фас оборонительной стены; 2 — каменный ларь.

количеством ракушек мидий. Кроме фрагментов светлоглиняных двустольных амфор, в заполнении обнаружен большой пифос (в обломках). Высота его — 0,84 м, диаметр по краю — 0,28 м, диаметр дна — 0,19 м. Наиболее широкая часть тулова — 0,67 м (рис. 29).

С севера и востока горловину ямы обрамляли каменные плиты. Одна из плит перекрыла яму и немного вдавилась в зolistый грунт. Яма, как уже говорилось выше, может быть датирована I в. до н. э.—I в. н. э.

В слое I—II вв. н. э., который начинался на глубине 1—1,5 м от современной поверхности, обнаружено большое количество строительных остатков, но сильно разрушенных и фрагментарных. К ним относится стена (№ 7), расположенная перпендикулярно к оборонительной. Она раскрыта не целиком. На ней надстроена более поздняя стена (№ 6), относящаяся к III в. н. э., поэтому открыт только ее южный фас. Западный конец стены разрушен. Обнаружена стена на глубине 1,45 м от современной поверхности и сохранилась в высоту до 0,5 м. Фас состоит в высоту из 2 рядов камней (известняк) без следов обработки. Размеры камней — $0,22 \times 0,18$ м; $0,13 \times 0,18$ м; $0,08 \times 0,04$ м и более мелкие.

С севера и юга к стене № 7 подходила вымостка из плоских, ровных, хорошо пригнанных друг к другу камней размером $0,5 \times 0,34$ м; $0,42 \times 0,38$ м и более мелких. В некоторых местах пространство между камнями заполнено хорошо утрамбованной глиной зеленоватого цвета. В северной части вскрытой площади обнаружены плоские камни, относящиеся к I—II вв. н. э.; возможно, они служили продолжением той же вымостки.

К I—II вв. н. э. относится и стена № 8, обнаруженная на глубине 1,2 м от современной поверхности; она перекрывала зольную яму и построена параллельно стене № 7; западный конец ее тоже разрушен. В длину она сохранилась до 1,5 м, в высоту — до 0,3—0,4 м, т. е. на 1—2 ряда камней. К югу от стены № 8 находились два небольших каменных четырехугольных сооружения размером $0,3 \times 0,3$ м и $0,25 \times 0,23$ м. Расстояние между ними — 0,5 м. Каждое из них образовано четырьмя поставленными на ребро каменными плитами, хорошо пригнанными друг к другу. Высота плит — 0,4 и 0,25 м. В этих сооружениях найдено небольшое количество обгоревшего зерна. Возможно, что это были кормушки для скота (рис. 28—2).

Находок в слое I—II вв. н. э. мало. Это обломки светлоглиняных двустольных амфор и несколько фрагментов лепной керамики.

К III в. н. э. относится стена № 6, надстроенная на стене № 7. Она об-

наружена на глубине 0,3 м от поверхности и сохранилась в длину на 2,3 м при ширине 0,9 м. В высоту уцелело 3 ряда камней без следов обработки (размеры — 0,28 × 0,12 м; 0,3 × 0,14 м и более мелкие). Западный конец стены разрушен, но продолжение ее можно проследить на площадях, раскопанных в 1953 г.

В южной части раскопа слой III в. н. э. не сохранился. Он уничтожен большой ямой позднего происхождения, заваленной камнем, оказавшейся в южном борту раскопа. Только на границе с раскопом 1953 г. обнаружен утрамбованный пол III в. н. э., покрытый светлой глиняной обмазкой.

Других остатков сооружений, которые можно было бы отнести к III в. н. э., нет. Стену № 6 и пол перекрывал горелый слой, содержащий большое количество обломков широкогорлых и красноглиняных амфор с массивными ручками и венцами, фрагменты светлоглиняных амфор с профилированными ручками (на одном горле сохранились следы букв, написанных красной краской), несколько черепков краснолаковых мисочек и обломки лепной керамики.

Вероятнее всего, поселение, открытое у дер. Ново-Отрадное, представляло собой небольшую крепость, расположенную в 1,5 км от северного конца оборонительного вала. Жители крепости занимались сельским хозяйством, рыболовством и торговлей (за два раскопочных сезона на площади около 160 кв. м найдено 38 монет). Монеты из раскопок 1959 г. определены Д. Б. Шеловым (см. приложение).

Дальнейшие раскопки позволят уточнить размеры и характер поселения.

Рис. 29. Поселение у дер. Ново-Отрадное. Пифос I в. до н. э.—I в. н. э.

Приложение

Определение монет из раскопок поселения у дер. Ново-Отрадное в 1959 г.

№ по описи	Место находки	Металл	Сохранимость	Определение	Дата
42	I—1	Биллон	Средняя	«Статер» Рискупорида V	548 г. босп. э.=251 г. н. э
43	I—2	Æ	Плохая	Сестерций Риметалка	132—136 гг. н. э.
44	I—2	Æ	Хорошая	» »	132—136 гг. н. э.
45	I—3	Æ	Плохая	Двойной динарий Ини- фимея	234—239 гг. н. э.
46	I—3	Æ	Очень плохая	То же	234—239 гг. н. э.
47	I—4	Æ	Хорошая	Двойной динарий Риску- порида V	240—253 гг. н. э.
48	I—4	Æ	Очень хорошая	Двойной динарий Ини- фимея	234—239 гг. н. э.
49	I—4	Биллон	То же	«Статер» Рискупорида V	539 г. босп. э.=242 г. н. э
50	I	Æ	Очень плохая	Неопределима	—
51	II	Æ	Хорошая	Херсонес	220 г. н. э.
52	I	Биллон	Очень плохая	«Статер» Котия III	525 г. босп. э.= 228 г. н. э.
53	IV	Æ	Средняя	Динарий Рискупорида III	210—226 гг. н. э.
54	IV	Æ	Очень плохая	Неопределима	—

И. П. РУСАНОВА

РАЗВЕДКА ПО РЕКЕ УЖ

Весной 1959 г. правобережным отрядом Черниговской экспедиции ИИМК была проведена разведка по среднему течению р. Уж в пределах Житомирской и Киевской областей УССР¹. Маршрут разведки проходил от г. Коростеня, Житомирской области, вниз по р. Уж до с. Полесского и еще восточнее — до с. Раденка, Киевской области (рис. 30). Обследован в основном правый берег реки, левый затронут разведкой лишь частично. Разведка иногда несколько отдалялась от реки, что вызывалось желанием проверить некоторые сведения об археологических памятниках, помещенных на карте В. Б. Антоновича², а также неблагоприятными природными условиями — широкими заболоченными поймами реки или пустынными и лесистыми ее берегами.

Помимо археологической карты В. Б. Антоновича, сведения об отдельных памятниках в районе разведки содержатся в рукописных работах И. Ф. Левицкого³, который обследовал окрестности г. Народичи. Памятники г. Коростеня осматривались неоднократно⁴, но сплошные разведки по берегам среднего течения р. Уж не проводились.

Целью разведки 1959 г. было выявление в первую очередь средневековых памятников. Стоянки эпохи неолита были встречены лишь в двух пунктах — они располагались на низком берегу реки, у самой воды (около сел Барды и Тарасы). Памятники эпохи бронзы обнаружены на песчаных дюнах (села Дедковичи и Тарасы) и на невысоких песчаных всхолмлениях среди поймы (с. Максимовичи). Остатки поселений времени раннего железного века (небольшие селища) открыты среди развеянных песков на дюнах у сел Звиздаль, Тарасы, Полесское, Максимовичи. Подъемный материал с этих селищ состоит из обломков лепных сосудов с «жемчужным» орнаментом под венчиком.

По Пути следования осмотрены все пункты, где по карте В. Б. Антоновича должны быть городища. В некоторых случаях (у сел Хотиновка и Волчков) городищ не оказалось; на их месте находятся селища без следов укреплений, известные у местного населения под названием «Старое село». В других случаях, например, у с. Залешаны, вместо городища обнаружены

¹ В разведке принимали участие О. Н. Евтюхова и С. А. Оленич.

² В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. Приложение к XV тому «Древностей», М., 1895.

³ И. Ф. Левицкий. Археологічні досліді в районі Народічі, ст. Шарно, Уманці. Булев, Селедь, Болотница року 1925. Архив Житомирського музею, № 58; е го ж е. Археологічні досліді в Коростенській і Житомирській округах року 1926. Там же, № 56.

⁴ Ф. А. Козубовський. Записки про досліді археологічні коло м. Коростеня року 1925. Коростень, 1926; И. М. Самойловский. Древний Коростень 945—1945 гг. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 218; П. Н. Третяков. Древлянские «градь». Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952.

Рис. 30. Схема размещения археологических памятников в бассейне р. Уж.

1 — стоянки эпохи неолита и бронзы; 2 — городища; 3 — курганы; 4 — селища эпохи раннего железа; 5 — селища конца I тысячелетия н. э.; 6 — поселения времени Киевской Руси; 7 — поселения XVII—XVIII вв.

развалины монастыря. Одно городище, расположенное между двумя селами — Лезница и Клеши Малые — упомянуто у В. Б. Антоновича дважды под разными названиями.

Городища удалось осмотреть лишь у г. Коростеня и у сел Лезница и Раденка. В г. Коростени на одном из них, на левом берегу г. Уж, построена больница; три городища на правом берегу очень испорчены добычей камня. Подъемный материал с этих городищ — гончарная и, в меньшей степени, лепная керамика — может быть отнесен к X—XII вв.

Городища у сел Лезница и Раденка расположены вдалеке от Ужа, на его наибольших притоках. Они лежат в низких местах и окружены двумя концентрическими валами. Сведений о времени сооружения их нет, но, по-видимому, это поздние укрепленные пункты, возможно, относящиеся к XVII в.

Непосредственно на берегах р. Уж открыты лишь остатки поселений XVII—XVIII вв. (села Межирички и Тартак). Под названием «Старые селища» они упомянуты и у В. Б. Антоновича⁵.

Селища времени Киевской Руси встречаются лишь в устьях небольших притоков р. Уж (около г. Коростеня и с. Тартак) или на пологих, преимущественно южных берегах небольших речек (около сел Хотинівка и Ходаки). Селища конца I тысячелетия н. э. обнаружены на малых притоках р. Уж — р. Лезнице (у с. Межирички) и р. Звиздаль (у с. Шишиловка). Селище этого же времени у с. Полесского находится на коренном берегу р. Уж, но отделено от реки широкой (в несколько километров) поймой. На этих селищах найдены обломки лепных и ранних гончарных сосудов. Все древнерусские селища распаиваются, и культурный слой многих из них почти полностью уничтожен.

Курганы, в противоположность селищам, очень часто располагаются на самом берегу р. Уж. Обычно они занимают высокое место (около г. Коростеня, у сел Воронино и Межирички) и изредка встречаются на низком берегу, у самой воды (около сел Тартак и Мартыновичи). Последние курганы несколько своеобразны по внешнему виду, отличному от обычных славянских курганов. Это очень невысокие, расплывчатые насыпи без ровиков в основании.

⁵ В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, 1901, стр. 14.

На притоках р. Уж курганы находятся на высоких местах и иногда в непосредственной близости от селищ (около сел Новаки, Зубовщина, Ходаки, Межирички, Максимовичи, Волчков). За последние годы курганы очень быстро распахиваются, и от многих больших групп, известных В. Б. Антоновичу, в настоящее время уцелели лишь единичные насыпи (возле сел Новаки, Ходаки, Васьковичи, Максимовичи, Волчков).

В одной курганной группе у с. Межирички, Коростенского района, Житомирской области, отрядом были раскопаны 3 кургана. Они располагаются на высоком правом берегу р. Уж, в 2 км выше с. Межирички. Всего здесь насчитывается 12 насыпей. Две из них большие (высота — 2,2 и 1,5 м), испорченные современными ямами; остальные — низкие, иногда едва заметные (высота — 0,3—0,8 м).

Насыпи двух раскопанных нами курганов были совершенно целы. Высота их — 0,6 и 0,8 м, диаметр — 6 и 8 м; третий — наполовину разрушен. Во всех 3 курганах на горизонте под насыпью прослежены кострища (толщина угольно-зольного слоя — 0,05—0,1 м). На кострищах сохранились следы камер, контуры которых заметны по отдельным камням и остаткам обгорелых бревен. Бревна были немного впущены в материк; от них, помимо угля, прослеживаются неглубокие ровики. Камеры были почти квадратными (со сторонами 4 и 4,4 м) и ориентированы по странам света. В центре камер или в юго-западной их части оказались скопления пережженных костей. Здесь же найдены обломки гончарных сосудов. Черепки таких сосудов встречены также под северной и восточной полами курганов.

В каждом из курганов обнаружены обломки нескольких сосудов; во втором, самом большом, по-видимому, было 5 сосудов. Они намеренно разбиты и разбросаны по всему основанию курганов. Все сосуды принадлежат к ранним типам гончарной керамики, встреченным, например, на городище и селище Хотомель⁶. Судя по обряду погребения и ранним формам гончарных сосудов, курганы могут быть датированы IX—X вв.

Раскопанные курганы особо интересны в связи с тем, что на территории древлян, где они находятся, курганов с трупосожжением IX—X вв. известно пока немного; поэтому их обычно считают нехарактерными для древлян. Но число их постепенно возрастает, группа у с. Межирички — это пятнадцатое местонахождение. По-видимому, в IX—X вв. эти курганы были распространены у древлян так же, как и у других восточнославянских племен.

---

⁶ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 96, рис. 37—11.

В. В. СЕДОВ

РАСКОПКИ 1959 ГОДА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛЕ
И НА СМОЛЕНЩИНЕ

Город Ярополч Залесский в древнерусских письменных источниках упомянут всего один раз. В «Списке русских городов» в перечне Залесских городов он назван между Стародубом на Клязьме и Гороховцом¹. Древний Ярополч обычно связывают с Ярополчьей горой в г. Вязниках², находящейся, действительно, между Стародубом (ныне с. Клязьминский Городок) и Гороховцом³.

Еще в 1956 г. археологическая экспедиция Владимирского областного краеведческого музея под руководством автора настоящей статьи произвела на Ярополчьей горе раскопочные работы разведывательного характера⁴. Однако не только древнерусского слоя, но и керамики старше XVI в. здесь не оказалось. Раскопки убедительно показали, что первые поселения на Ярополчьей горе появились не раньше XVI в.⁵ Между тем древнерусский город Ярополч, судя по всем данным, должен был находиться где-то в этом районе. В окрестностях Вязников, кроме Ярополчьей горы, с именем «Ярополк» связано название еще одного сельского поселения, а громадный лесной массив Клязьминского левобережья носит название Ярополчьего бора.

Тогда же экспедиция обратила внимание на большое древнерусское городище, расположенное на правом берегу р. Клязьмы в 5 км ниже г. Вязников (близ с. Пировы Городищи)⁶. В 1956 г. площадка городища

¹ Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 477.

² М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». Исторические записки, т. 40, М., 1952, стр. 248.

³ Основание для такого отождествления единственное — это место с XVII в. называется Ярополчьей слободкой или Ярополчьим городком.

⁴ См. Отчет о полевых работах Владимирского отряда Среднерусской экспедиции 1956 г. (Архив ИА АН СССР).

⁵ Ярополч упомянут в договорной грамоте (1390 г.) московского князя Василия Дмитриевича («А щи какимъ деломъ отоиметься от тебе Ржева, и дати ми тебе, во Ржевы место, Ярополч да Медуши»). См. «Дуковные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950, стр. 38). Однако здесь Ярополч, как уже отмечено многими исследователями, означает целый округ, который впоследствии источники называют Ярополчьей волостью. Никаких исторических сведений о существовании поселения на Ярополчьей горе в Вязниках до начала XVII в. нет, что согласуется с археологическими наблюдениями. В 1628 г. на этой горе стояло село Минино — вотчина князя Мстиславского, которому в то время принадлежала вся Ярополчьа волость. В 1657 г. по указу Алексея Михайловича на Мининской горе был устроен земляной город с каменными башнями по углам, и с. Минино стало называться Ярополчьим городком.

⁶ В XIX в. городище было обследовано Доленга-Ходаковским («Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских», Вестник Европы, 1820, № 18, стр. 108) и К. Веселовским («Пировы Городищи близ Вязников», Влади-

была занята посевами, поэтому больших раскопочных работ произвести не удалось. У подножия городища дьякова типа, расположенного по соседству с древнерусским, было открыто селище, на котором в 1956—1958 гг. были проведены большие раскопки⁷. Несмотря на то, что в XII в. это поселение, по-видимому, стало городским посадом, как археологический памятник оно имеет вполне самостоятельное значение. В отличие от большинства посадов, образовавшихся в результате роста городов, оно возникло задолго до сооружения городища, в самом начале XI в. В течение всего XI в. и,

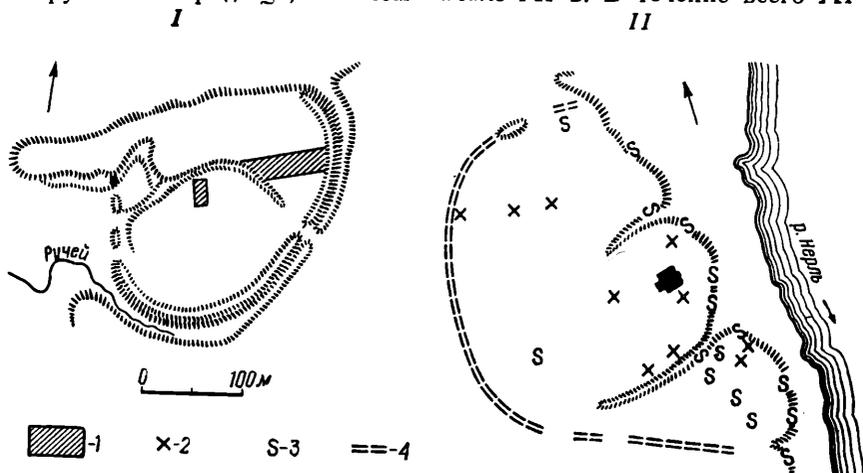

Рис. 31. Городище Ярополча-Залесского (I) и городище в Кидекше (II).

1 — места раскопок; 2 — шурфы; 3 — места зачисток; 4 — следы распаханного вала.

по-видимому, частично в XII в. это было неукрепленное поселение сельского типа, где в хозяйственной деятельности жителей, наряду с сельским хозяйством и рыболовством, большое место занимало ремесленное производство.

В 1959 г. раскопки были перенесены на городище. Оно принадлежит к типу полукруглых (рис. 31—I); естественный рельеф местности был использован строителями лишь отчасти, в большей степени чувствуется стремление искусственно придать городищу полукруглую форму, вне зависимости от рельефа. Размеры площадки — около 230 × 100—125 м. С северной стороны никаких укреплений нет. Здесь оборонительным рубежом служит высокий, почти отвесный склон к р. Клязьме. С остальных сторон площадка городища обнесена мощным валом (высотой до 5 м) и глубоким рвом. В юго-восточной части в валу прорезан вход. Примерно в 20 м от него, внутри через всю площадку, вырезан узкий и плавный спуск к реке.

Уже внешний осмотр городища, его размеры и сопоставление с древними городами Владимиро-Суздальской земли позволяют отнести памятник к древнерусским городам. По характеру укреплений Пирово Городище однородно с укреплениями городов Северо-Восточной Руси, возникших в XII—XIII вв.⁸ По своим размерам оно больше таких городов Владимирской

мирские губернские ведомости», 1868, № 51, часть неофициальная, стр. 2). В 1909 г. археологическое обследование городища проведено П. И. Поповым (Архив ЛОИА, дело АК, № 89/1909), а в 20-х годах XX в. — А. И. Ивановым, О. Н. Бадером и К. М. Большаковым (материалов нет).

⁷ Экспедиция была организована Владимиро-Суздальским историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником, Вязниковским краеведческим музеем и Институтом археологии АН СССР.

⁸ П. А. Раппопорт. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси. СА, 1959, № 1, стр. 115—123.

Руси, как Гороховец⁹, Стародуб¹⁰, Мстиславль¹¹, Микулин¹², и несколько уступает по площади Юрьеву-Польскому и Переяславлю-Залесскому¹³. Раскопки в 1959 г. окончательно решили вопрос о городском характере этого поселения. Плотная застройка и развитие ремесел не позволяют классифицировать памятник как феодальную усадьбу укрепленного типа. Это был древнерусский город и, по всей вероятности, тот самый город Ярополч, который назван в «Списке русских городов» между Стародубом на Клязьме и Гороховцом. Между указанными пунктами — это единственное древнерусское городище, и отождествление его с летописным Ярополчем (особенно после раскопок на Яропольчей горе в Вязниках) вряд ли может вызвать какие-либо возражения.

Культурный слой городища не превышает 0,3—0,4 м и в связи с многократной распашкой оказался почти полностью потревоженным. Остались нетронутыми плугом лишь небольшие участки нижнего горизонта слоя толщиной 5—10 см. Характер жилых и хозяйственных построек все же удалось выяснить. При раскопках открыты остатки нескольких десятков печей (глинобитных и каменок) наземных жилищ. Постройки, по-видимому, ничем не отличались от наземных срубных жилищ, остатки и следы которых изучены во время раскопок в 1956—1958 гг. на укрепленном поселении на берегу Клязьмы. Но, в отличие от этого поселения, где наземные жилища с самого начала XI в. были единственным типом жилых построек, на городище открыты и полуземлянки.

Исследовано 6 полуземляночных жилищ южнорусского типа. В плане они — прямоугольной формы, площадь их — от 11,5 до 17 кв. м, глубина котлованов — от 0,3—0,4 м до 1 м. Все полуземлянки оказались разобранными еще при жизни поселения, вещи вынуты, а котлованы тщательно засыпаны. В связи с этим остатки стен полуземляночных жилищ (кроме одного) не прослежены. Однако судя по строению котлованов, можно полагать, что стены одних жилищ делались из угловых стояков и горизонтальных плах, в других были срубные стены. Видимо, в обоих случаях стены жилищ с внутренней стороны обмазывались глиной. Материал, в том числе керамика, собранная в заполнениях котлованов полуземлянок, датируется исключительно XII в.; это заставляет полагать, что полуземляночные жилища существовали на городище только в первый период его жизни. На основании многочисленных находок время возникновения поселения определяется XII в., так как ни вещей, ни керамики XI в. в слое не обнаружено. В XIII в., как уже указывалось, на городище господствовали наземные жилища. Существование полуземлянок в начальный период жизни, видимо, объясняется тем, что при основании Ярополча происходило переселение на северо-восток южнорусского населения.

При раскопках на городище обнаружены следы железообрабатывающего, литейного и косторезного ремесел. Среди многочисленных находок важное место занимают предметы вооружения и конского снаряжения, а также различные женские украшения.

* * *

Городище в с. Кидекше под Суздаlem принадлежит к тому же типу полукруглых городищ (рис. 31—II). Расположено оно на сравнительно высоком берегу р. Нерли. Край берега реки служит естественным рубежом городища. С других сторон площадка была ограждена земляным валом,

⁹ В. В. С е д о в. Раскопки в Гороховце. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 84.

¹⁰ А. И. И в а н о в. Кляземский городок, бывший удельный город Стародуб. Труды Владимирского гос. областного музея, вып. 2, Владимир, 1926, стр. 9.

¹¹ П. А. Р а п п о р т. Указ. соч., стр. 116.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 117 и 121.

в настоящее время почти полностью распаханном. Размеры городища — 320 × 220 м. Сооружение его связано с деятельностью Юрия Долгорукого и относится к середине XII в. Кидекша была укрепленным загородным двором князя Юрия.

В 1959 г. девять разведывательных шурфов (площадью от 1 до 16 кв. м) заложены в различных пунктах городища. Кроме того, проведена зачистка обрывистого берега р. Нерли. Шурфовка в центральной части — в окрестностях церкви Бориса и Глеба (1152 г.) и каменных построек XVII—XVIII вв. показала, что культурный слой древнерусского времени здесь полностью уничтожен при строительных работах XVII—XX вв. и могильными ямами. Во всех шурфах встречены обломки древнерусской гончарной керамики, но всюду вместе с фрагментами поздней. В северной и западной частях городища культурный слой был незначительной толщины (до 0,25—0,35 м). Здесь площадка городища (не занятая современными постройками) давно распахивается; в результате культурный слой оказался полностью нарушенным. При шурфовке найдены главным образом мелкие обломки древнерусской керамики, причем всюду — вместе с поздней.

Наиболее интересным участком оказалась юго-восточная часть городища. Судя по обнажениям слоя, его толщина равнялась 0,6—1 м. Два шурфа (площадью 20 кв. м), заложенные здесь, выявили следующую стратиграфию. Под дерновым слоем лежал серый супесчаный слой с многочисленными включениями кирпичной и известковой крошки и с мелкими углями (толщина — 0,3—0,55 м). На основе находок керамики слой датируется XVI—XX вв. Ниже был темно-серый слой без каких-либо примесей. В нем собрана исключительно древнерусская гончарная керамика. Основная часть найденных при шурфовке венчиков относится к XII—XIII вв.¹⁴ Заметно меньше керамики XIV—XV вв. Обломков красной лощеной посуды попало всего два¹⁵. Труднее определить посуду XI в. среди керамического материала городища. Более или менее точно можно относить к XI в. всего 3—4 венчика. В связи с этим рождается предположение, что городище в Кидекше возникло на месте небольшого поселения. Это тем более вероятно, что в древнерусском слое, наряду с большим количеством фрагментов древнерусской гончарной керамики, найдено свыше десятка обломков лепной посуды, среди которых пять — с сетчатыми отпечатками, остальные — не орнаментированы. Кидекшская лепная керамика по всем признакам очень напоминает лепную же, найденную Н. Н. Ворониным в нижнем слое юго-западной части Мономахова города во Владимире, на Сунгиревском городище¹⁶ и в Суздале¹⁷.

Кроме керамики, в древнерусском слое Кидекши обнаружены стеклянная позолоченная бочонкообразная бусина крупных размеров (диаметр — 14 мм), бронзовая копоушка, костяная шайба рукоятки ножа, обломок костяного гребня, куски стеклянных браслетов, железный нож и днище глиняного сосуда с гончарным клеймом.

Юго-восточная часть Кидекшского городища — единственный участок поселения, где сохранился древнерусский слой. Однако ведение здесь больших раскопчных исследований невозможно, так как почти вся площадь этой части городища недавно занята постройками, фруктовыми садами и пасекой. При зачистке 6 ям на этом участке выявилась полная нарушенность культурных отложений.

¹⁴ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126, рис. 46—21—29.

¹⁵ В. В. Седов. Указ. соч., рис. 37.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округа. СА, 1959, № 4, стр. 74—81.

¹⁷ Н. Н. Воронин. Отчет о раскопках 1936 г. в Суздале. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». Л., 1941, стр. 94.

Небольшое мысовое городище на берегу р. Волости (левый приток Днепра) близ дер. Бородино (Глинковский район Смоленской области) в 1958—1959 гг. было раскопано полностью. Это один из небольших феодальных замков, возникновение которых на Смоленщине относится к XII в. С двух сторон площадка городища ограничена высокими и труднодоступными склонами, с напольной же стороны она защищена дугообразным земляным валом и рвом. Общая площадь ее не превышает 2000 кв. м, но культурный слой залегал только на площади около 1000 кв. м. Городище однослойное, его темно-серый слой достигал толщины 0,3—0,4 м. Жилые и хозяйственные постройки древнего поселения располагались дугообразно вдоль вала и частично — по краю берега р. Волости. Остальная часть не застраивалась. Все жилые постройки были наземными. Раскопками прослежены лишь остатки глинобитных печей и подпольные ямы. В древнерусское время на Смоленщине были распространены или столбовые постройки, или срубные на угловых столбах-стульях. В отличие от последних, жилые хозяйственные постройки Бородинского городища были без угловых столбов. По своим конструктивным особенностям эти сооружения примыкают к наземным жилищам Старой Рязани и других вятичских поселений. Бородинское городище, по-видимому, принадлежало вятичам. Среди многочисленных предметов, найденных при раскопках, встречены типично вятичские украшения — семилопастные височные кольца, решетчатые перстни и хрустальные шарообразные бусы.

Лучше всего удалось изучить остатки жилых и хозяйственных построек последнего периода жизни поселения. В срединной части городища обнаружены следы жилища хозяина этой усадьбы. В остатках постройки найдено большое число разнообразных вещей, среди которых наиболее интересны: медная булава, обрывки кольчуги, шпора с колесиком и серебряный перстень. Близ вала открыта хозяйственная кладовая феодала; здесь оказались серпы, косы, сошник, жернова, порхлица, рогатина, удила, различные украшения и глиняная посуда.

При раскопках обнаружены также следы бревенчатой стены, ограждавшей площадку. Датируется городище XII—XIV вв.

Г. Б. ФЕДОРОВ

РАБОТЫ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В 1959 ГОДУ

В результате разведки в различных районах Молдавии, главным образом на севере и северо-западе республики, обнаружено свыше 240 археологических памятников — от эпохи энеолита до позднего средневековья¹. Особенно большое значение имеют открытие и предварительное исследование южнославянского городища X—XI вв. н. э. у с. Калфа (Бендерский район). Это первое южнославянское городище, встреченное на территории МССР. Во время предварительных раскопок прорезаны два из четырех валов, опоясывающих городище, вскрыты остатки полуземляночных жилищ, железоплавильного производства и т. д. В окрестностях обнаружено 7 неукрепленных поселений и могильник, видимо, связанные с городищем. Южнославянские неукрепленные поселения открыты экспедицией в нескольких пунктах — у с. Криничное (Болградский район, Одесская область, УССР), у сел Устье и Петруха (Оргеевский район, МССР), Ханска (Котовский район, МССР). Появление в конце I тысячелетия и начале II тысячелетия н. э. южнославянских поселений на территории Прутско-Днестровского междуречья, видимо, нужно связывать с усилением в этот период Болгарского государства, расширением сферы его влияния.

Большую работу проделали стационарные отряды экспедиции. Гетский отряд продолжал исследования поселения II—I вв. до н. э. у с. Лукашевка, во время которых обнаружил остатки четырех жилищ, всевозможные изделия и орудия труда, в числе их — свыше 30 пряслиц для веретен, ручки от амфор с клеймами и т. д.

Отряд сельской средневековой молдавской археологии вел раскопки на средневековых поселениях Бранешты III, Лукашевка V (Оргеевский район)², Балцаты (Криулянский район) и др. Открыты остатки жилищ — хозяйственные ямы, печи, очаги, орудия труда и изделия, — позволяющие охарактеризовать материальную культуру сельского населения Молдавии в XIV—XVII вв.

Отряд золотоордынской археологии исследовал городище Костешты (Котовский район), где обнаружены гончарные горны и другие остатки ремесленного производства. Стратиграфию культурного слоя известного молдавского средневекового городища Старый Орхей (Оргеевский район, МССР) изучал отряд по исследованию городищ.

Разведывательные раскопки велись крепостным отрядом экспедиции в башне средневековой крепости в г. Сороки для уточнения времени пост-

¹ Начальник экспедиции — Г. Б. Федоров, заместитель — Г. Д. Смирнов, начальники отрядов — М. Я. Салманович, П. П. Бырня, И. Г. Хынку, Г. Ф. Чеботаренко, М. А. Романовская, Л. Л. Полевой, В. С. Зеленчук и И. А. Рафалович.

² См. статью И. Г. Хынку в настоящем выпуске.

ройки крепости и различных строительных периодов ее. Этнографический отряд изучал типы народных жилищ и одежды на севере Молдавии, а также проделал большой маршрут по Закарпатья, проследив путь продвижения романизованного населения Трансильвании на территорию Восточной Молдавии и Северной Буковины; это имеет серьезное значение для решения проблемы заселения территории Молдавской ССР в эпоху средневековья.

Наибольшие результаты в 1959 г. принесли работы славяно-русского отряда экспедиции. Изучение славянской материальной культуры на территории Молдавии ведется экспедицией уже свыше 10 лет. За это время открыто около 200 памятников — городищ, селищ, могильников. Оказалось, что славянские поселения, сосредоточенные преимущественно в лесостепной зоне Прутско-Днестровского междуречья, непрерывно существовали здесь с VI до XII в. н. э., причем в этот период славянская материальная культура была господствующей на территории Молдавии. Славянские памятники VI — первой половины IX в. в Молдавии представлены небольшими неукрепленными поселениями, с керамикой, которая целиком или большей частью сделана от руки без применения гончарного круга. Во второй половине IX — начале X в. н. э. на основе успехов, достигнутых в развитии производительных сил славянского населения Молдавии, резко увеличилось количество и размеры поселений; часть их выросла из более ранних, а большинство возникло заново. Основывались и разрастались целые группы поселений. Каждая группа объединяла обычно несколько «гнезд». В свою очередь каждое такое «гнездо» включало несколько поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Во главе каждого «гнезда» находился экономический, стратегический и административный центр — поселение, в котором возводилось хорошо укрепленное городище — цитадель.

На территории Прутско-Днестровского междуречья насчитываются 4 группы поселений: 1) южная, степная, расположенная в низовьях Днестра, и состоящая всего из 4 неукрепленных поселений; 2) группа в междуречье Днестра и крупнейшего его правого притока — р. Реут; она включает несколько «гнезд», объединяющих свыше двух десятков неукрепленных поселений и 2 городища; 3) центральная группа, находящаяся в бассейне р. Черны и других, близких к ней, притоков Днестра и насчитывающая несколько «гнезд», в которых объединено более 50 неукрепленных поселений и свыше 10 городищ; 4) северная группа, наиболее многочисленная из всех, смыкающаяся со славянскими поселениями Северной Буковины.

Судьба этих групп была неодинаковой. Южная, степная группа уже в конце IX — начале X в. была уничтожена кочевниками. В реутской и центральной группах к началу XII в. поселения городского типа — городища были либо разрушены кочевниками, либо покинуты из-за непрерывных нападений, а славянское население сохранилось лишь в глухих неукрепленных поселениях, под защитой лесного массива — Кодр. Многие из поселений северной группы, территория которых в XII—XIV вв. находилась под защитой Галицкого княжества, сохранились до монгольского нашествия и дольше.

Наибольшую роль в развитии славянской материальной культуры на территории Молдавии сыграла, как показали работы экспедиции, центральная группа поселений. Здесь в X — начале XII в. древнерусская материальная культура была наиболее яркой и высокоразвитой. Главным в этой группе по местоположению, размерам, развитию ремесл и т. д. было поселение у с. Алчедар. Раскопки его экспедиция начала в 1950 г., они проводились и в 1959 г.

В VI в. н. э. здесь было основано небольшое неукрепленное поселение с довольно примитивной культурой. Но постепенно увеличивались его размеры, совершенствовалась материальная культура обитателей, и к концу

IX — началу X в. размеры поселения увеличились в несколько десятков раз, достигнув площади свыше 20 га. В центре его было возведено укрепленное мощным кольцевым валом и глубоким рвом городище — цитадель (рис. 32), а материальная культура достигла блестящего расцвета. Поселение превратилось в раннефеодальный городок, стало центром довольно обширной области, в которой насчитывалось свыше 50 селений.

Во время раскопок 1959 г. на городище открыты остатки полуземляночных жилищ, печи, десятки орудий труда, сотни различных изделий, тысячи фрагментов керамики, мастерская ювелира X в. с полным набором инструментов (клещи, наковаленка, молоточек и др.) и готовой продукцией. Экспонаты, полученные во время раскопок 1959 г., вместе с материалами предшествующих лет, позволили изучить социальную топографию городища. В верхней его части жили воины и знать, в нижней, возле водоема, — ремесленники высококвалифицированных специальностей — ювелиры, оружейники, кузнецы. Жители городища были вооружены копьями с железными наконечниками, луками и стрелами с железными ромбовидными и другими наконечниками, костяными, железными и свинцовыми кистенями, саблями и т. д. Всадники носили железные шпоры. Уже в X в. воины были защищены железными кольчугами и пластинчатыми доспехами.

Находясь на окраине русских земель, вынужденные непрерывно отражать нападения кочевников, славяне Поднестровья обладали не только хорошим вооружением и доспехами, но и умели возводить мощные оборонительные сооружения. Вал высотой более 5 м был покрыт каменной вымосткой и укреплен подпорными каменными стенками; такие же подпорные стены укрепляли ров, достигавший почти 4 м глубины и 20 м ширины. Кольцевые валы и рвы, типичные для городищ славян Поднестровья и возникшие здесь уже в начале X в., в центральных районах Древнерусского государства начали сооружаться лишь в XII в.

Яркой и своеобразной была материальная культура на поселении. Женщины носили на шею ожерелье из разноцветных пастовых бус и серебряных зеренных бляшек со звездчатыми узорами, массивные (весом около 500 г) серебряные гривны, украшенные сканью, в ушах — серебряные серьги, на руках — серебряные и бронзовые перстни. В небольших жилищах, в которых жила индивидуальная семья, было много предметов быта и обихода, сделанных из различных материалов, — железные калачевидные кресала для высекания огня, светцы, крюки, замки, ключи, пряжки, ножи и т. д., костяные гребни, рукоятки ножей, навершия, украшенные иногда художественной резьбой, бронзовые поясные наборы и т. д.

Интереснейшие результаты принесли раскопки 1959 г. на неукрепленной части Алчедарского поселения. Только на одном из участков площадью около 6,5 га обнаружено свыше 93 комплексов — жилищ и примыкающих к ним сооружений (рис. 33). В 1959 г. вскрыто 25 из этих комплексов. Оказалось возможным изучить планировку этого древнерусского поселения. Жилища располагались небольшими группами — так называемая гнездовая планировка, характерная для патронимии, т. е. разделения одной большой семьи на группу семей, сохранявших хозяйственное единство. Небольшие полуземляночные и наземные жилища с печами-каменками были предназначены для такой индивидуальной семьи.

В наземных жилищах бывали обычно лишь небольшие очаги; в полуземлянках меньших по размерам, чем наземные жилища, — довольно массивные печи, сложенные из камня. Можно предполагать, что наземные жилища были летними, а полуземлянки — зимними. В них было теснее, чем в летних, но теплее. Интересно, что некоторые восточные историки и географы X в. сообщают о том, что зимой до самой весны славяне жили в полуземлянках, причем описания совпадают с данными, полученными во время археологических исследований. Так, например, арабский ученый Ибн-Даста, писавший в 30-х годах XX в., сообщает: «Холод в их

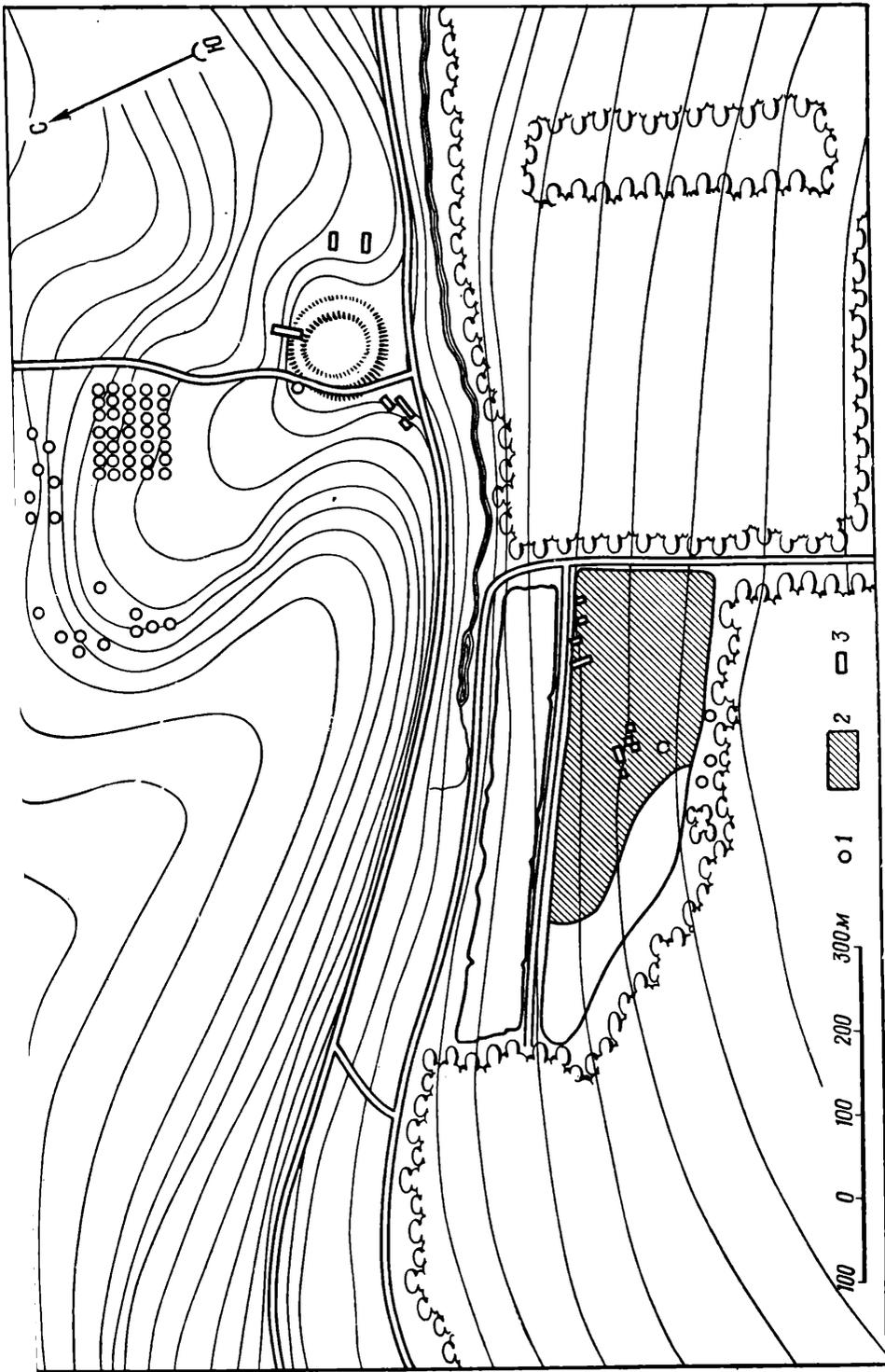

Рис. 32. План Алчедарского поселения

1 — городище; 2 — исследованная часть неукрепленного поселения; 3 — раскоп.

(славян.— Г. Ф.) стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погребца, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие крыши христианской церкви, и на крышу накладывает земли. В такие погребца переселяются со всем семейством и, взяв несколько деревьев и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду. В таком жильё остаются до весны»³.

При раскопках на Алчедарском поселении, действительно, открыты небольшие прямоугольные полуземлянки с каменными печами. В верхней части их заполнения залегала и прослойка чернозема — остатки земляного покрытия рухнувшей кровли.

Не совсем точно только описание печи. При раскопках открыты обычные овальные или прямоугольные печи с нешироким устьем и глиняным подом. В описании же они выглядят как парильни в бане. Предположить, что Ибн-Дастан описывал баню, — невозможно; ведь он ясно говорит, что эти «погребца» представляли собой жильё, в которых целая семья жила с наступлением холодов до весны.

В жилищах, помимо печей, найдены (обычно в центре) большие, наполовину вкопанные в землю горшки с золой и углем, видимо, служившие для выпечки хлеба и в качестве очагов. Возле жилищ размещались различные хозяйственные ямы и производственные сооружения. Бросается в глаза, что расстояние между жилищами было очень небольшим — 3—6 м, тогда как на поселениях XV—XVII вв. в Молдавии оно достигало 15—25 м. Это объясняется, видимо, тем, что в X—начале XII в. хозяйство населения Молдавии было общинным, и индивидуальная усадьба не имела большого значения; позже хозяйство стало уже в значительной мере индивидуальным, в связи с чем возросла роль, а соответственно и размеры приусадебных участков.

В жилищах и возле них найдены сотни всевозможных изделий, орудия труда и т. д. Интересно, что серебряные, массивные, тщательно сделанные украшения с зернью и сканью почти совершенно не встречаются на неукрепленной части Алчедарского поселения. Украшения, обнаруженные здесь, — это обычно грубые, литые медные копии с серебряных изделий, что свидетельствует о резкой имущественной дифференциации жителей поселения. Если в городище-цитадели жили знатные люди, ремесленники высококвалифицированных специальностей, торговцы и воины, то на неукрепленной части обитали крестьяне, гончары, металлурги. При раскопках встречены железные рабочие части плугов, серпы, косы, обугленные зерна пшеницы, проса, гороха, следы гончарного и железоплавильного производства и др.

Особенно выразительны остатки металлургического производства; они открыты почти возле каждого жилища. Найдены ямы, в которых лежало много сотен килограммов железного шлака, печи для обогатительного обжига железной руды и большие куски этой руды, месторождения которой находятся в 10 км от Алчедарского поселения на берегу Днестра у с. Рашков. Плавка железа производилась либо простейшим образом — в горнах, представлявших собой ямы, обмазанные глиной, либо в специально сконструированных небольших толстостенных печах — домницах, возле которых находились керамические воздуходувные сопла; один из концов их, вставлявшийся в домницу, обычно покрыт шлаком. На Алчедарском поселении найдены оба вида плавильных, причем одна из домниц — в полной сохранности.

На одном из древнерусских городищ в Молдавии (у с. Екимаяуцы)

³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда Ибн-Омара Ибн-Дастан. СПб., 1870, стр. 266, 267.

обнаружен медный нательный крест, свидетельствующий о том, что христианская религия была распространена среди славян Поднестровья в IX—X вв. Эта религия, характерная для классового общества, была принята, видимо, прежде всего знатью; у крестьян и простых ремесленников продолжали сохраняться язычество или, во всяком случае, сильные пережитки его. На неукрепленной части Алчедарского поселения обнаружены амулеты из медвежьих клыков со сквозными отверстиями для подвешивания. Однако, пожалуй, самыми важными можно считать найденные возле домнид две целые терракотовые антропоморфные статуэтки и несколько фрагментов таких статуэток. Вполне возможно, что это изображение языческих идолов — славянского языческого бога Сварога — покровителя кузнецов и плавильщиков железа.

Разумеется, сыродутный способ, который использовался при плавке железа в домнидах, и небольшие размеры их самих обуславливали получение очень небольшого количества железа при одной плавке. Однако уже в X в. на поселении существовал большой участок, все (или почти все) жители которого, наряду с земледелием, занимались металлургией. Количество железа, выплавлявшегося металлургами; было, видимо, совершенно достаточным, чтобы удовлетворить потребности в железе жителей поселения и бесперебойно снабжать сырьем оружейников и кузнецов, живших на городище. По ночам часовые, стоявшие с оружием в руках на валах городища, видели в смотровые проемы как вспыхивало пламя в печах, когда через сопла со свистом поступал в домницы нагнетаемый мехами воздух, как медленно темнели раскаленные добела груды шлака.

Алчедарское поселение, один из юго-западных форпостов древней Руси, было тесно связано с центрами Древнерусского государства. По свидетельству древнейшей русской летописи «Повести временных лет», на Днестре жили тиверцы — одно из восточнославянских племен, вошедших в IX—X вв. в состав древнерусской народности. Это полностью подтверждается материалами, полученными во время раскопок. Наряду с некоторыми специфическими особенностями, материальная культура жителей поселения (керамика, оружие, украшения, все основные виды изделий) носила ярко выраженный общерусский характер.

Невозможно отличить друг от друга серебряные зерненные бляшки, сделанные на берегу Днестра и возле Смоленска. Некоторые изделия, как, например, розовые шиферные пряслица, привозились на Днестр с Волыни, где в домонгольское время возле Овруча находились знаменитые камнерезные мастерские.

Во время археологических исследований изучено (и то не полностью) лишь около трети площади, занимаемой Алчедарским поселением, и открыто уже свыше 120 жилищ. Если считать, что в каждом из них находилась семья из 5—6 человек, то получается, что на поселении жило несколько тысяч человек.

Каждый сезон полевых работ приносит открытие все новых и новых жилищ, но и сейчас можно сказать, что Алчедарское поселение было самым крупным древнерусским поселением в Молдавии.

В известном «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в XIV в., упоминаются три русских города на Днестре: внизу, на юге — Белгород (ныне Белгород-Днестровский), затем Черн или Чорн и Хотин. Белгород-Днестровский и Хотин существуют и по настоящее время. Между ними находился русский город Чорн. Хотя «Список» был составлен в XIV в., в него вошли города, существовавшие на несколько столетий ранее этого времени. Алчедарское поселение находится в бассейне Днестра между Белгородом-Днестровским и Хотином; оно расположено в 4 км от реки Чорны и, как мы видели, может считаться крупнейшим древнерусским поселением на Днестре. Все это дает основание предполагать, что Алчедарское поселение и является летописным Чорном.

На поселении не обнаружено следов пожара и больших боев. В то же время в жилищах и различных мастерских открыты полные наборы инструментов ремесленников, сотни целых серебряных и бронзовых украшений, всевозможных изделий; в домницах осталось невынутым уже выплавленное железо. Все это свидетельствует о том, что жители вынуждены были внезапно покинуть поселение. Они бежали, видимо, после того, как кочевниками был прорван оборонительный пояс, прикрывавший Алчедарское поселение с юга, как, например, после разгрома Царевского и Екимауцкого городищ, где экспедицией найдены десятки человеческих скелетов и конских костяков, сотни стрел, боевые топоры, метательные копья — сулицы, остатки сабель, обгорелые куски тканей, сметенные пожаром жилища — полная драматизма картина страшного пожара и битвы, во время которых было разрушено городище и истреблены его защитники. Екимауцкое городище было разгромлено кочевниками в первой половине XI в. Жители Алчедарского поселения, как явствует из материалов экспедиции, покинули его в начале XII в. Видимо, после разгрома Екимауцкого городища на несколько десятилетий наступило затишье. Но укрепление Екимауцкого, Царевского и других городищ уже не восстанавливалось; оборонительный пояс, прикрывавший Алчедарское поселение и другие пункты центральной группы с юга, прекратил свое существование. И когда хлынула на север новая волна кочевников, жители Алчедарского поселения были вынуждены покинуть его.

Важнейшая задача Прутско-Днестровской экспедиции — продолжение раскопок Алчедарского поселения и исследование всех поселений центральной группы на Днестре.

И. Г. ХЫНКУ

РАСКОПКИ НА СЕЛИЩЕ XII—XV ВЕКОВ ЛУКАШЕВКА V

Селище находится на расстоянии 4 км к западу от с. Лукашевка, в лесу, в урочище Корнул Блэжией, близ славянского городища Лукашевка, которое датируется IX—началом XII вв. Раскопки на селище ведутся с 1957 г.¹ За 3 года открыты 5 землянок, остатки 4 сыродутных горнов, несколько хозяйственных ям и одно погребение (рис. 34).

В 1959 г. вскрыты землянка (№ 3), большая хозяйственная яма (№ 4) и остатки наземного сооружения, видимо,— сыродутного горна. Землянка обнаружена в раскопе IX на глубине 0,8 м от поверхности. Она четырехугольная в плане, небольших размеров (3,7 × 3,6 м), ориентирована с севера на юг. Пол почти горизонтальный, но глубина его от поверхности неодинакова, так как землянка сооружена на склоне (в южной части — 1,95 м, в северной — 1,55 м). Столбовых ям нет, так же как и входа в землянку; в нее, видимо, спускались при помощи деревянной лестницы. Следует отметить, что и в остальных 4 землянках на селище не оказалось ступеней входа. Из 18 землянок и полуземлянок X—XI вв. на селище около городища Алчедар², Резинского района, ни в одной тоже не обнаружен вход со ступенями.

На стенах землянки № 3 нет следов облицовки — стены были только обмазаны глиной. В юго-западном углу найден развал печи-каменки, под которым вскрыта очажная часть печи. Среди камней развала оказались куски глиняной жаровни, почти прямоугольной формы (длиной 0,55—0,6 м, шириной 0,35—0,4 м), с плоским дном и высокими бортиками (рис. 35). Задняя и боковые стенки закруглены, передняя — отогнута. Жаровня изготовлена из глины с растительной примесью, слабо обожжена. Она была сделана над печкой-каменкой. На кусках днища сохранились отпечатки досок и прутьев; видимо, у печи были вертикальные каменные стены, перекрытые деревянным каркасом, на котором и сооружена жаровня (рис. 35).

Печи с жаровнями известны на славянских поселениях к востоку и западу от территории Молдавии. Землянка с печью-каменкой и жаровней исследована румынским археологом М. Комша на селище Буков (конца IX — начала X в., в районе г. Плоешты³). Печь-каменка с бортиками по

¹ И. Г. Хынку. К вопросу о средневековой керамике Молдавии. «Материали з археології Північного Причорномор'я», II, Одесса, 1959.

² Раскопки Г. Б. Федорова в 1959 г.

³ M. Comşa. Contribuții la cunoașterea culturii străromâne în lumina săpăturilor de la Bucov. Studii și cercetări de istorie veche, t. X, N 1, 1959, стр. 90.

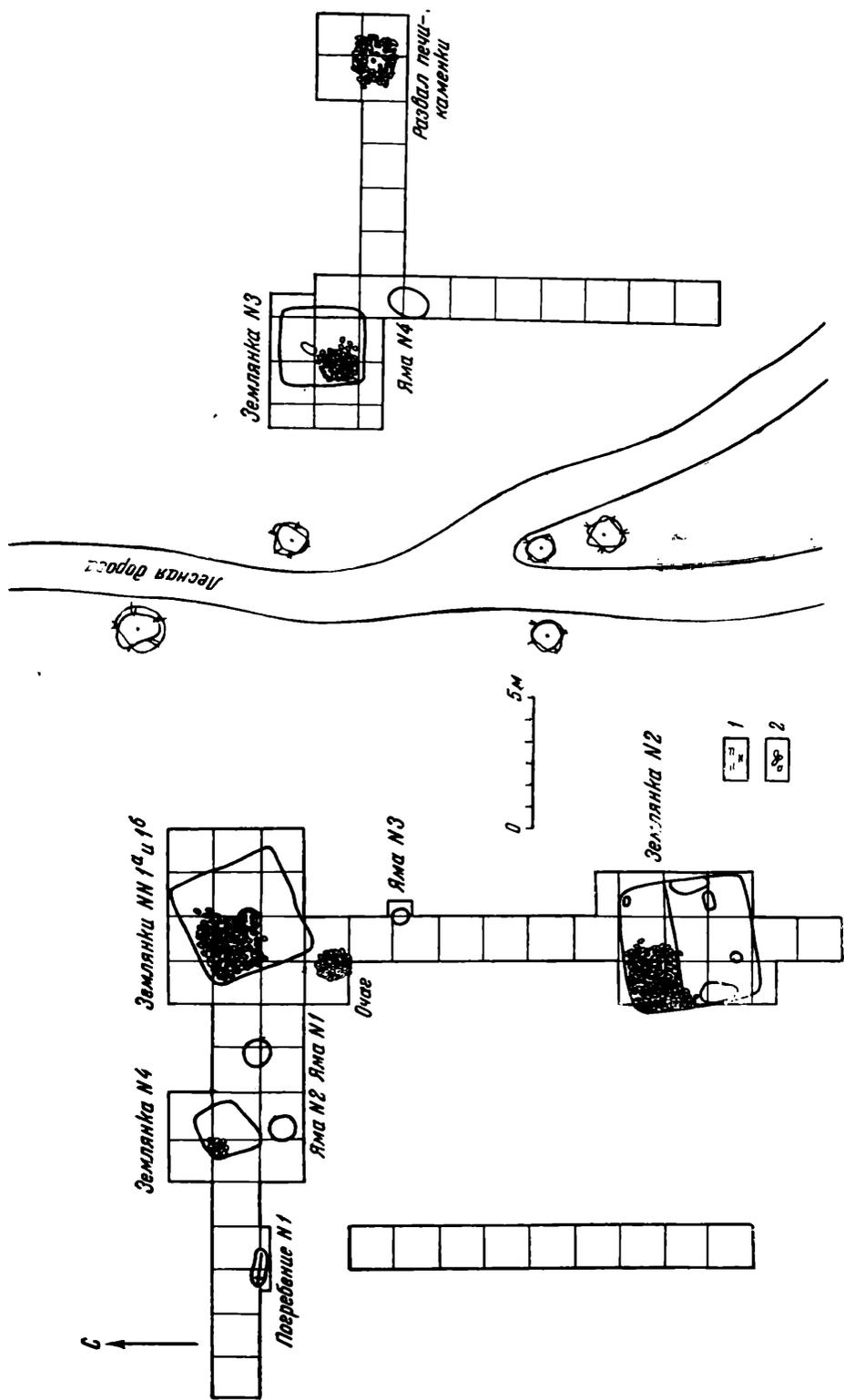

Рис. 34. План раскопок селища Лукашевка V.
 1 — обожженная глина; 2 — камни.

верхней части, относящаяся к XII в., отмечена другим румынским археологом — Е. Комша на поселении Гарвэн близ города Галаць на Дунае⁴. На территории нашей страны печи с жаровнями известны на Липинском городище, в Курской области, на Сейме⁵. В отличие от печей с жаровнями, найденных на территории Молдавии и Румынии, печи Липинского городища глинобитные; одна из них относится к IX—X вв., вторая — к XI—XIII вв.

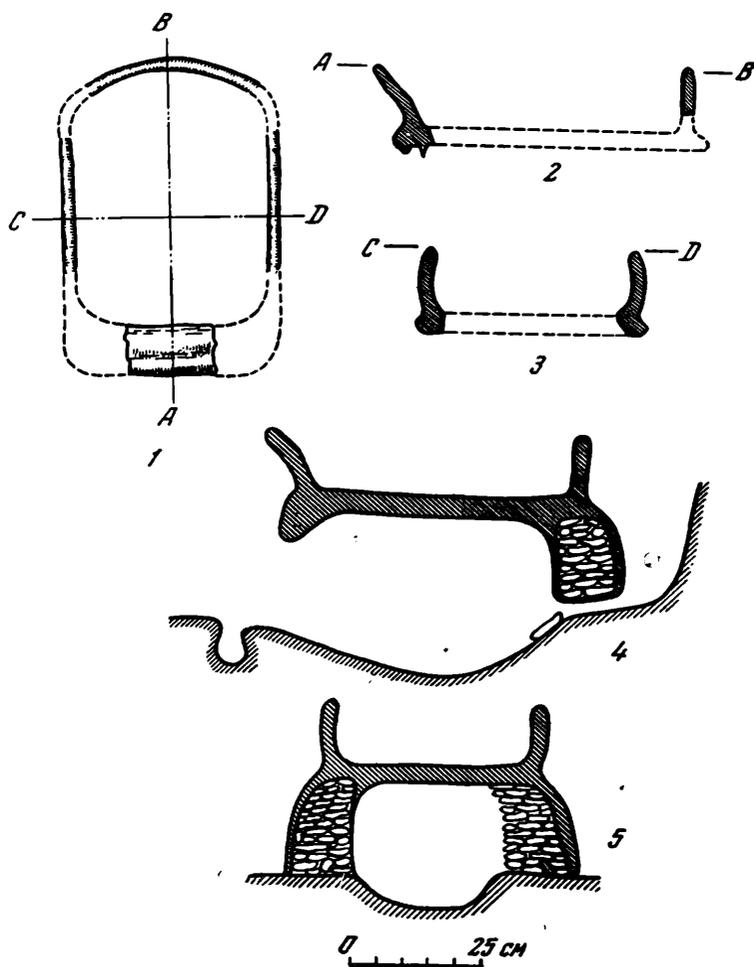

Рис. 35. Глиняная жаровня из землянки № 3 (реконструкция).

Землянка № 3 на селище Лукашевка датируется первой половиной XII в. Об этом свидетельствует найденная здесь керамика, изготовленная на ручном гончарном круге тяжелого типа. Днища сосудов гладкие, без закраин и клейм; цвет черепка красновато-сероватый; поверхность шероховатая. Для теста характерны примеси — дресва и пирит или халькопирит (рис. 36—1—4). Толщина стенок — от 0,5 до 1,2 см. Эта керамика отно-

⁴ Е. Сомша. Despre tipurile de locuințe din sec. IX—XII la Garvân. Там же, стр. 108.

⁵ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 73, рис. 18; П. И. Засурцев. Отчет о раскопках на Липинском городище в 1951 г., стр. 18—29. Архив ИА АН СССР.

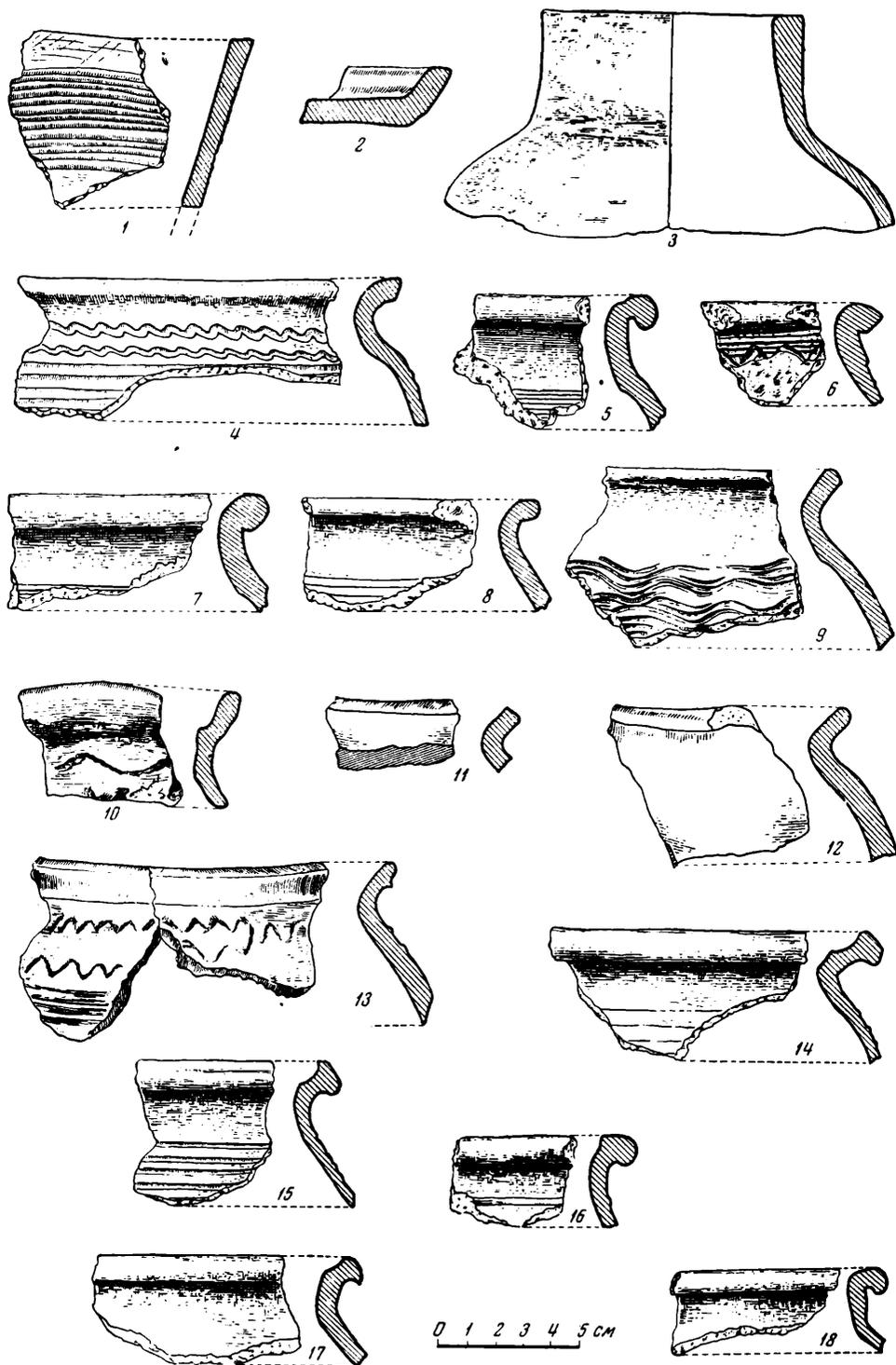

Рис. 36. Керамика с селища Лукашевка V.

1—4 — из нижнего горизонта (начало XII в.); 5—9 — из среднего горизонта (XII—XIV вв.); 10—13 — «древне-румынская» из среднего горизонта (XII—XIV вв.); 14—18 — из верхнего горизонта (XIV—XV вв.).

сится к наиболее раннему периоду на селище, который одновременен позднему периоду на славянском городище Лукашевка, также относящемуся к началу XII в.

К юго-востоку от землянки № 3 вскрыта хозяйственная яма (№ 4), овальная в плане и яйцевидная в профиле. Диаметр верхней ее части — 1,7 м, глубина — 2,7 м. В яме найдены фрагменты керамики, относящейся к началу XII в., и скелет собаки. Землянка и яма вместе с другими сооружениями относятся к нижнему горизонту культурного слоя селища.

В 1959 г. на селище в раскопе VII на глубине 5—20 см от поверхности обнаружен развал каменного сооружения, видимо, сыродутного горна (см. рис. 34). Камни сильно обожжены, вокруг найдены куски железной руды и железного шлака. Под камнями вскрыта слегка углубленная в землю очажная часть горна, круглая в плане, залегающая на глубине 0,4 м. По ее краям сохранились 3 больших камня, служивших основанием стен сооружения. Эти камни, размерами 0,5 × 0,3 × 0,2 м, обожжены на толщину 10—12 см. Сооружение находилось под открытым небом или под крышей легкого строения, от которого ничего не осталось.

Среди камней развала встречена керамика, которая отличается от найденной в землянке № 3. Она изготовлена на ручном круге легкого и тяжелого типов. О ручном круге легкого типа свидетельствуют днища с краями от подставки круга и днища с клеймами, а о ручном круге тяжелого типа — днища с гладкой поверхностью. Обжиг керамики неполный, цвет черепка коричневый и черный разных оттенков. Поверхность мелкошероховатая. Примесь в тесте — мелко толченые ракушки белого цвета (рис. 36—5—13). Толщина стенок — от 0,6 до 1,2 см. Эта керамика⁶ на селище Лукашевка V найдена вместе с фрагментами средневековых амфор, относящихся к XIII—XIV вв. Развал сыродутного горна и ряд других хозяйственных сооружений, для которых характерна эта керамика, относятся к среднему горизонту культурного слоя конца XII в.—XIV в.

Формы глиняной посуды нижнего и среднего горизонтов одинаковые. Встречаются горшки двух типов, миски, сковороды и лепешницы. Эти формы посуды характерны для славян⁷ Молдавии, начиная с VI в.

Упадок техники изготовления посуды в XII в. связан с гибелью славянских городищ Молдавии, где находились центры производства глиняной посуды в IX в.— начале XII в.

В XII—XIV вв. на селище появилась новая форма горшка. Она отличается от известных для Молдавии славянских форм профилем горловины⁸ (рис. 36—10—13). Эта форма романская или древнерумынская, как ее называет румынский археолог М. Комша⁹. И на селище Лукашевка V в Молдавии, и на селище Буков¹⁰ в Румынии романская форма горшков встречается вместе со славянской посудой. Выделение горшков романской формы, отличающихся от славянских, очень интересно для молдавской археологии.

На селище Лукашевка V найдено небольшое количество молдавской керамики. Она залегает в верхних пластах культурного слоя и характеризует его верхний горизонт (рис. 36—14—18). Керамика изготовлена на ножном гончарном круге. Обжиг горновой, цвет черепка серый и красный, поверхность шероховатая. Примеси в тесте — песок и известняк. Толщина стенок сосудов — 0,4—0,8 см. Встречаются горшки и крышки к ним. Следует особо отметить горшки¹¹. Некоторые данные показывают, что их основная для верхнего горизонта форма типологически развивается на базе горшков сла-

⁶ И. Г. Хынку. Указ. соч., стр. 86, рис. 4, 1—7; рис. 6.

⁷ Там же, стр. 84—87, рис. 4, 5.

⁸ Там же, стр. 85, подтип Г, рис. 5, 15—19.

⁹ М. Комша. Указ. соч., стр. 84—89.

¹⁰ М. Комша. Указ. соч., стр. 86, рис. 4; стр. 88, рис. 5; стр. 92, рис. 6.

¹¹ И. Г. Хынку. Указ. соч., стр. 86, рис. 5, 8—14.

вянской формы. Характерная для верхнего горизонта форма горшков появляется в среднем горизонте, а типичная для среднего — сохраняется и в период отложения верхнего горизонта ¹² (рис. 36—16—18).

Типологическое развитие керамики среднего горизонта (XII—XIV вв.) от нижнего (начало XII в.) и верхнего — от среднего позволяет считать, что на селище основа гончарного производства была славянская, позже воспринятая молдавской материальной культурой. Начало оформления молдавской культуры, молдавской керамики начинается на селище Лукашевка V с появлением горшков романской формы в период XII—XIV вв.

---

¹² И. Г. Хынк у. Указ. соч., стр. 86, рис. 5 (ср. рис. 5, 5—средний горизонт и рис. 5, 8—10—верхний).

В. А. КУЗНЕЦОВ и О. В. МИЛОРАДОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. на территории Северо-Осетинской АССР вели исследования два отряда Объединенной Северокавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института — змейский и татартупский¹. Одновременно три других отряда экспедиции работали на территории Чечено-Ингушской АССР.

Змейский отряд продолжал исследования в районе станицы Змейской, Кировского района, Северо-Осетинской АССР. Полевые работы были начаты с разведки для того, чтобы выявить древние городища и поселения, расположенные в районе так называемых Эльхотовских ворот. Эта местность, с ее хорошо расчлененным рельефом и удобными горными выступами и мысами, должна была быть густо заселена в древности.

Во время рекогносцировочного обследования, произведенного В. А. Кузнецовым и Т. Б. Тургиевым, обнаружены 10 поселений, расположенных на склонах Кабардинского и Терского хребтов, по обеим берегам р. Терек. На трех поселениях собрана смешанная керамика аланского и золотоордынского времени, на четырех — золотоордынская керамика XIII—XV вв., а на трех других найден материал, относящийся к аланской культуре VIII—X вв. Характерно, что поселения с золотоордынской керамикой тяготеют к городищу Верхний Джулат и, несомненно, были с ним связаны. На поселении № 3 Минаретской балки обнаружены разбитые каменные жернова и ступа. Интересно большое аланское поселение, расположенное на возвышенной гряде по левому берегу р. Дур-Дур, против станицы Николаевской. В одном из обнажений отмечен культурный слой толщиной 0,35 м, насыщенный керамикой и костями животных. В выносе одного из оврагов найден целый глиняный цилиндрический стакан с круглым отверстием в дне. В срезе недалеко от скотного двора колхоза имени Легейдо зафиксированы полуразрушенный человеческий скелет и разбитая каменная ступа. Наблюдения, сделанные во время рекогносцировки, доказывают, что район Эльхотовских ворот был покрыт сетью средневековых поселений, среди которых городище Верхний Джулат было центральным.

На территории Змейского кирпичного завода продолжались раскопки аланского катакомбного могильника, начатые в 1957 г.² В течение полутора

¹ Экспедиция работала под руководством Е. И. Крупнова. В составе змейского отряда — В. А. Кузнецов (начальник отряда), В. А. Дерябин, Г. М. Давыдова, В. И. Мамяц, М. И. Житомирская и М. В. Любченко; в составе татартупского отряда — О. В. Милорадович (начальник отряда), Т. Б. Тургиев, О. А. Дудко, В. И. Мамяц, Н. А. Малахов и А. Г. Икаев.

² В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 97; Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 100.

месяцев исследованы 32 катакомбы; всего за 3 года на могильнике вскрыто 88 катакомб. Обнаруженные в 1959 г. катакомбы ничем существенно не отличались от известных ранее. Следует только отметить, что впервые за 3 года была открыта катакомба, четырехугольная в плане, с почти плоским сводом (№ 85). Катакомба № 88 в плане приближается к четырехугольнику с округленными углами. Входные отверстия в нескольких случаях были закрыты круглыми мельничными жерновами, а вход в катакомбу № 65 закрывали два жернова.

Погребальный обряд характеризуется уже отмечавшимися чертами: преимущественно северо-восточной ориентировкой, вытянутым и скорченным положением погребенных, коллективностью (до девяти) захоронений и угольной подстилкой под скелетами³. В катакомбах № 62, 65 и 69, наряду с древесным углем, обнаружена подстилка из речного песка. У хорошо сохранившегося мужского скелета из катакомбы № 68 были по сарматскому обычаю скрещены голени ног. Входное отверстие в эту катакомбу было закрыто большим коричнево-красным глиняным кувшином с ребристым туловом, украшенным плетеным орнаментом (рис. 37—1). Вторым, единственным в своем роде, кувшин найден в дромосе катакомбы № 78. Он серо-черного цвета, орнаментирован по тулову и горлу штампом; на дне выделены четыре небольших ножки; под венчиком — два маленьких ушка с отверстиями; носик отбит (рис. 37—2). Из прочих находок отметим три хорошо сохранившихся куриных яйца из катакомбы № 77 и остатки матерчатого головного убора, украшенного маленькими бронзовыми нашивными бляшками и бубенчиками, в катакомбе № 66; в другой катакомбе (№ 60) при женском скелете найдена истлевшая кожаная туалетная сумочка с румянами из красной охры.

При прокладке разведочной траншеи № 28 обнаружена вымостка из булыжника, вытянутая в плане и ориентированная с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Поверх вымостки лежал обломок плоского кирпича типа плинфы; западнее вымостки на глубине 0,2—0,4 м, стоял вверх дном разбитый глиняный сосуд розово-охристого цвета, типа пифоса, покрытый линейным орнаментом по корпусу и зубчатым штампом по венчику. Сосуд был заполнен костями животных. На расстоянии 1,3 м северо-восточнее вымостки, на том же уровне, найден второй такой же сосуд с костями животных и птицы (курицы?). На дне его сохранилась скорлупа куриного яйца. Рядом с сосудом и частично под ним лежали многочисленные кости животных; часть их была накрыта четырьмя плоскими булыжниками. Вероятно, это остатки заупокойного жертвоприношения. Это подтверждается тем, что второй пифос с костями был поставлен на дромос катакомбы № 62. По-видимому, жертвенное мясо не поместилось в сосуде, было положено возле него и придавлено камнями. В хронологическом отношении оба пифоса вполне соответствуют дате Змейского катакомбного могильника — XI—XII вв.⁴

В разных местах могильника, в разведочных траншеях, обнаружены четыре грунтовых погребения. Ориентировка их различна; костяки взрослых вытянуты на спине, у детского скелета (погребение № 11) ноги согнуты в коленях. Всего за 3 года выявлено более 10 подобных грунтовых погребений, причем костяки взрослых, как правило, не сопровождались инвентарем. Датировку этой группы погребений Змейского могильника определяют немногочисленные находки из детских могил. Это глиняные сосуды, бронзовые пуговицы и бубенчики, аналогичные таким же вещам из катакомб. В 1957 г. в одном из погребений взрослого человека найдены литое металлическое зеркало, бронзовый медальон и богатый набор бус из разных видов сердолика. Все это позволяет суммарно отнести грунтовые погребения в основном к тому же времени, что и катакомбы, т. е. к XI—XII вв.

³ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 98.

⁴ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 115.

Возникает вопрос, чем объясняется наличие на одном могильнике двух разных погребальных обрядов. Несомненно, часть грунтовых захоронений может относиться и к более позднему времени — XIV—XV вв. Могильник этого времени, расположенный около древней церкви на городище Верхний Джулат, состоит исключительно из грунтовых погребений, почти лишенных инвентаря. С другой стороны, могли быть причины и социального порядка. Взрослые, погребенные не по аланскому обряду, вне семейно-родовых

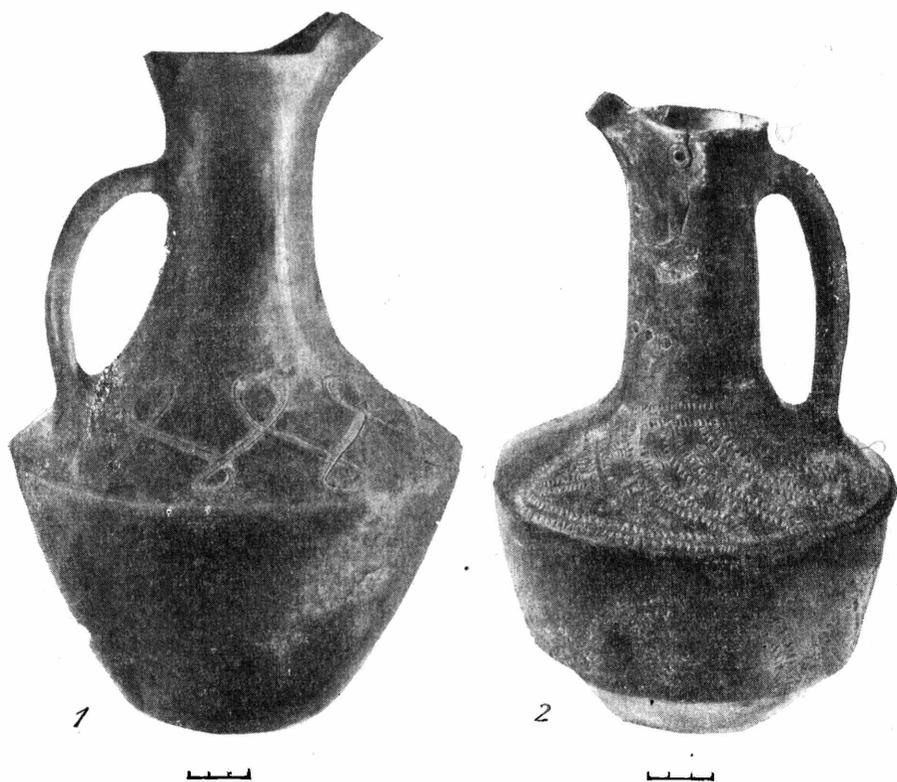

Рис. 37. Кувшины из Змейского катакомбного могильника (1, 2).

усыпальниц (катакомб) и без инвентаря, не могли быть полноправными членами аланского общества. Возможно, это погребения рабов или лиц, не принадлежавших к тому или иному роду и находившихся в зависимом положении. Любопытны грунтовые погребения детей. Обычно дети хоронились вместе со взрослыми в катакомбах, но какие-то обстоятельства иногда не допускали соблюдения этого ритуала. Из этнографии известно, что права захоронения на родовой земле лишались незаконнорожденные дети как не принадлежавшие к данному роду (например, в Сванетии)⁵. Вполне возможно, что этим и объясняется наличие детских грунтовых погребений в Змейском могильнике.

Раскопки могильника закончены. На исследованной нами площади вырисовываются несколько групп катакомб. Каждая группа, по нашему мнению, соответствует родовому участку. В планировке могильника, разбитого на родовые участки, отразилась общественно-экономическая структура аланского общества XI—XII вв. Археологические данные убедительно доказывают, что в этом родовом обществе периода «военной демократии» уже появились зачатки классовых феодальных отношений. Об этом свидетельствует состав

⁵ Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, 1936, № 4-5, стр. 44.

инвентаря некоторых катакомб (№ 3, 14 и 15). Они, вероятнее всего, принадлежали представителям феодализирующейся племенной верхушки, членам наиболее богатых и сильных родов. Среди них, несомненно, центральное положение занимает мужское погребение в катакомбе № 14⁶. По-видимому, это могила местного феодального князя, опиравшегося на хорошо вооруженную конную дружину.

Татартупский отряд продолжал исследование городища Верхний Джулат (Татартуп), начатое в 1958 г. Этот средневековый город расположен в 60 км к северо-западу от г. Орджоникидзе и в 3 км к юго-востоку от станицы Змейской. Раскопки 1958 г. показали, что в период X—XIII вв. Верхний Джулат был крупным аланским центром⁷.

В 1959 г. на городище были заложены 2 раскопа. Первый, основной — на задернованном холме, на вершине которого обнаружена кирпичная кладка — часть стены раскопанной в дальнейшем небольшой церкви. От здания сохранились полностью фундамент и остатки стен.

Церковь — простого вписанного крестово-купольного плана, бесстолпная, с одной выступающей алтарной апсидой, которая была ориентирована на восток с отклонением на 15° к северу (рис. 38). Стояла церковь на берегу речки, некогда впадавшей в Терек и в настоящее время пересохшей. Длина здания (внешняя) вместе с апсидой — 7,7 м, ширина — 5,6 м. Внутренние пристенные выступы образуют в углах четверика квадраты, в фундаменте равные 1,4 × 1,4 м. Фундамент состоит из булыжных камней, скрепленных известковым раствором. Стены кирпичные, сложенные на известковом растворе. Кирпич всюду квадратный, одноразмерный (23—24 × 23—24 × 4—5 см). Известковые швы — в толщину кирпича. Под алтарем вскрыто прекрасно сохранившееся квадратное помещение, сложенное также из кирпича, служившее, очевидно, криптой с подземным выходом к реке. Помещение было забито строительным мусором и перемешанными человеческими костями, среди которых оказалось 7 черепов. На глинобитном полу обнаружена красноглиняная чашечка с процарапанным крестом, относящаяся к церковной утвари (рис. 39—2).

К южной стене церкви примыкал небольшой одноапсидный придел, пристроенный позднее. Со всех четырех сторон церковь была окружена оградой, от которой сохранились лишь булыжный фундамент и остатки кирпичных кладок. В строительном мусоре вокруг здания оказались фрагменты штукатурки с остатками фресковой росписи и куски кровельной черепицы, а также кирпич с прочерченным на нем схематичным изображением «вавилонна». Подобные «вавилонны» часто встречаются в христианских памятниках древней Руси⁸. Можно упомянуть еще одну находку, обнаруженную в процессе расчистки церкви, находящую аналогию в древнерусских памятниках, — это мраморный кистень яйцевидной формы⁹ (рис. 39—3). Близ южной стены церкви найдены семь железных пластинчатых крестов кавказско-византийского типа¹⁰ (рис. 39—7) вместе с обломками красноглиняного сосуда, в который, очевидно, они были положены.

По сохранившимся частям церкви можно судить о ее плане, а представление о внешних формах дает описание академика И. Гильденштедта, посетившего Верхний Джулат в XVIII в. во время путешествия по Кавказу¹¹.

⁶ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 102 и сл.

⁷ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

⁸ Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских водчих. СА, 1957, № 1.

⁹ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 76, рис. 55.

¹⁰ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 294, рис. 22, 8.

¹¹ J. A. G ü l d e n s t e d t. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge. St.-Petersburg, 1787, I, стр. 503—508.

Церковь, выстроенная из кирпича, как пишет И. Гильденштедт, имела цилиндрический купол с круглым отверстием, шириной в сажень вверху. Высота церкви до верхней точки купола — 4 сажени. В основании алтаря — продолговатое отверстие для доступа воздуха, а по сторонам от него — маленькие ниши. В западной и южной стенах было по входу, равному человеческому росту. Внутри церкви частично сохранилась фресковая роспись. На

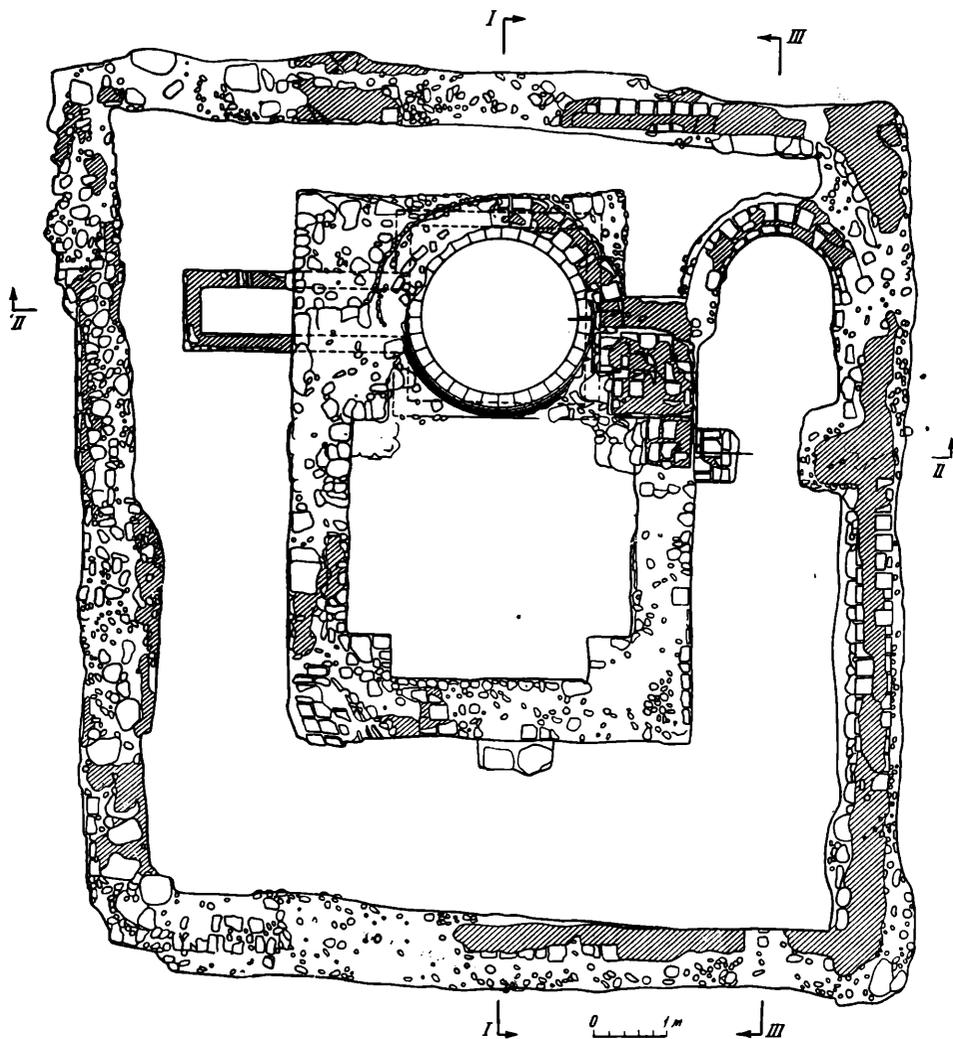

Рис. 38. План церкви на городище Верхний Джулат.

северной стене — изображение головы «усопшей божьей матери», покоящейся на черной подушке, и стоящая фигура Иоанна Крестителя с черным ягненком на руках. В куполе — изображения святых или священнослужителей в облачении, покрытом белыми крестами, под красными епитрахиями.

При раскопках церкви точно датирующих ее находок не обнаружено, поэтому для датировки пришлось обратиться к стратиграфии залегания, планировке и технике кладки. Храм был заложен в культурном слое с аланскими вещами и керамикой, повторяющими находки из Змейского катакомбного могильника X—XII вв. Под церковью оказалось 20 хозяйственных ям, заполненных материалом, относящимся к тому же времени. Эти на-

ходки свидетельствуют о дате, раньше которой церковь не могла быть построена.

Если обратиться к планировке храма, то нужно отметить, что крестообразные в плане кирпичные церкви не типичны для Кавказа. На Северном Кавказе известно много интереснейших памятников христианской монументальной архитектуры домонгольского времени: Зеленчукские храмы в верховьях Кубани¹², Сентинская церковь на Теберде¹³, храмы на

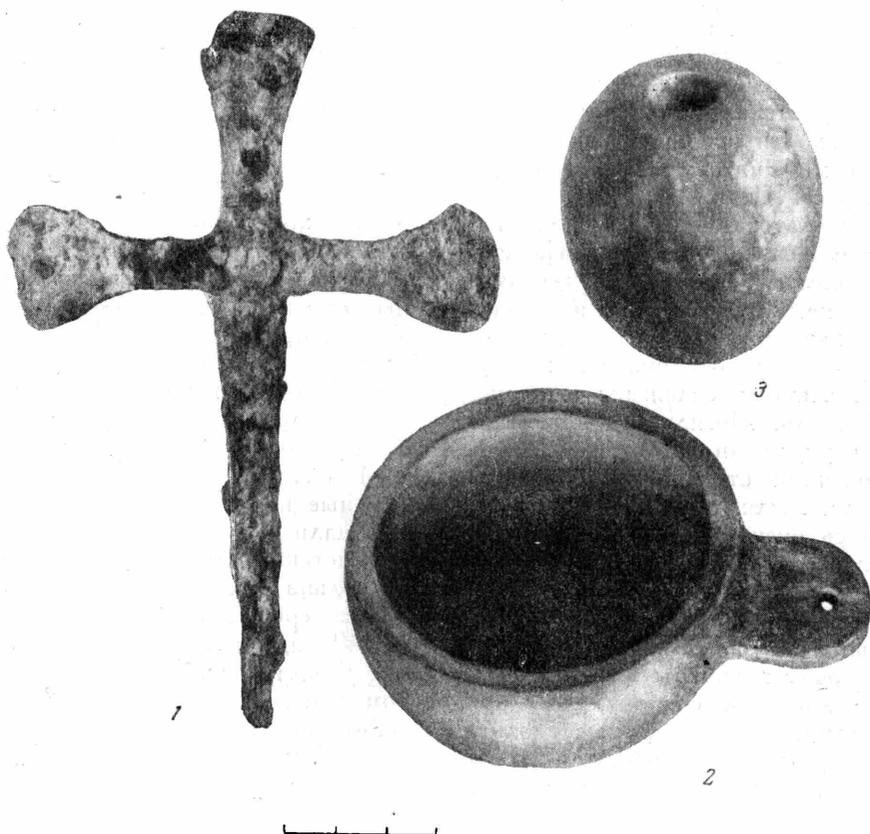

Рис. 39. Находки из раскопок церкви.

1 — железный крест из шлака; 2 — глиняная церковная чашечка; 3 — мраморный кистень.

р. Чегеме¹⁴, храм Тхаба-Ерды на р. Ассе¹⁵, маленькая церковь на р. Гиляч¹⁶; в Северной Осетии — Нузальская часовня и церковь в Дзивгивсе¹⁷ и другие.

Среди этих многочисленных памятников мы не находим аналогий исследованной нами Джулатской церкви. Ее планировка и кирпичная кладка че характерны также и для Закавказья. Подобные храмы мы видим в домонгольском славянском мире. В Киевской Руси в это время, наряду с большими соборами, строились небольшие церковки, подобные

¹² МАК, VII, 1898.

¹³ Там же.

¹⁴ МАК, I, 1888, стр. 76.

¹⁵ Е. И. Крупинов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XV, 1947.

¹⁶ Т. М. Минаева. Указ. соч.

¹⁷ МАК, I, 1888, стр. 48.

Джулатской, например,— маленькая бесстолпная церковь XI в. в Переяславе-Хмельницком¹⁸, Ильинская церковь в Чернигове и другие¹⁹.

Особенно близкие аналогии мы находим в зодчестве X—XIII вв. Болгарии²⁰. Тут так же, как и во всем славянском мире, в этот период архитектура развивалась по пути мелких и скромных форм. В ряду маленьких болгарских храмов первое место занимает Боянская церковь, наиболее древняя часть которой датируется XII в. Она совершенно аналогична Джулатской церкви по плану и размерам. Стены ее сложены из квадратного кирпича на известковых швах в 5 см и расписаны фресками. Церкви, подобные Боянской, известны и в других местах Болгарии, а также у более поздних славян,— например, хорватов,— на побережье Адриатики.

Джулатская церковь входит в круг памятников, датирующихся X—XIII вв. Ей предшествует, ее подстилает слой X—XII вв. На основании этого мы считаем возможным датировать исследованную нами церковь началом XIII в.

Джулатская церковь была окружена христианским кладбищем. В 1959 г. исследовано 70 погребений. Они располагались в крипте, в ограде, в южном приделе и за пределами церкви. Погребенные лежали вытянуто на спине, с руками, чаще всего скрещенными на животе, но есть и вытянутое положение рук — одной или обеих. Ориентировка — головой на запад, с небольшим отклонением к югу, параллельно стенам церкви. Во многих могилах прослежены остатки дерева от гроба, в некоторых — древесный уголь. Могильного инвентаря, как правило, не было, кроме предметов украшения. Как исключение, в одном погребении лежал железный наконечник стрелы, в другом — железный нож и в третьем — глиняное прясло. Были, очевидно, какие-то намогильные признаки, так как, располагаясь очень близко, погребения не нарушали друг друга; два из них были двойными. Из 70 захоронений — 23 детских (одна треть). Среди вещей, найденных в могилах, — височные кольца и серьги, серебряные и бронзовые, разных типов (рис. 40—16—19); серебряные полусферические бляшки с дырочками для нашивания (рис. 40—5, 6); мелкие серебряные и бронзовые пуговицы шаровидной формы с ушком (рис. 40—7—11); пуговицы костяные с циркульным орнаментом (рис. 40—12); бусы пастовые, стеклянные, янтарные, из сердолика и горного хрусталя; амулеты (рис. 40—13—15), медальон (рис. 40—8), перстень (рис. 40—2), железные кольца от пряжек. К перечисленным предметам нужно присоединить и бронзовую золотоордынскую монету, хотя условия ее находки таковы, что нельзя с полной уверенностью отнести ее к погребению. К тому же сама монета анаэпиграфична, без места и года чеканки. На лицевой стороне — стертая стилизованная тамга, напоминающая измененную тамгу хана Абдулаха (60-е годы XIII в.). Ориентировочно монету можно датировать началом XV в.²¹ (рис. 40—20).

Вещи, подобные найденным в погребениях вокруг церкви, были распространены в эпоху позднего средневековья и встречаются в памятниках Северной Осетии, всего Северного Кавказа и за его пределами. Можно отметить некоторые аналогии среди славянских древностей, например, — височные кольца (рис. 40—16), медальон (рис. 40—3), костяные пуговицы с циркульным орнаментом. Производство их известно в древнем Киеве²²; они бытовали также очень широко у поздних кочевников в Средней Азии, на Кавказе. На основании вещей, найденных в погребениях, могильник у церкви можно датировать XIII—XV вв.

¹⁸ М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, 1954.

¹⁹ «История русской архитектуры». М., 1956, стр. 29, 36.

²⁰ М. П. Шапенко. Архитектура Болгарии. М., 1953, стр. 134.

²¹ По определению С. А. Яниной.

²² М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 470, табл. XCIV.

Церковь и окружавший ее могильник подстилал культурный слой, датирующийся, как уже было сказано, X—XII вв. К этому же времени относятся 28 хозяйственных ям и гончарная печь, обнаруженная под фундаментом северной стены церкви. Печь — небольших размеров (диаметр ее — 1,25 м), ямного типа, без опорного столба; она состоит из двух камер — топочной и обжигательной, расположенных одна над другой и разделенных горизонтальной прослойкой ненарушенного грунта высотой 0,4 м. В прослойке имеется 6 отверстий — продухов, по краям и в центре. В топку вел длинный ход — устье, который был обожжен и заполнен золой. Печь забита землей, в которой обнаружены обломки керамики X—XII вв., попавшие в нее, очевидно, во время засыпки при строительстве церкви. Подобные гончарные печи того же времени известны на Дону, на поселениях салтово-маяцкой культуры: три — на Суворовском поселении (IX—X вв.)²³, 23 печи — близ городища Саркел — Белая Вежа (XII—XIII вв.)²⁴, одна — на Северном Кавказе у селения Дуба-Юрт (Чечено - Ингушская АССР)²⁵ и две — у с. Чир-Юрт (Дагестан)²⁶. Печи этого типа на Кавказе дожили до наших дней.

В культурном слое и хозяйственных ямах обнаружено много керамики, главным образом аланской X—XII вв., известной уже по раскопкам на го-

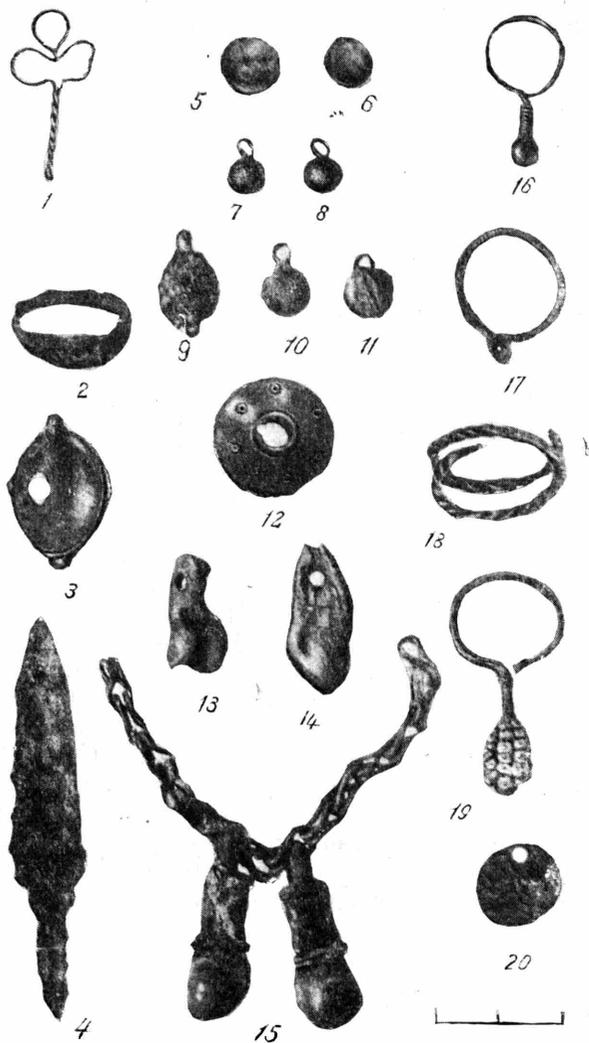

Рис. 40. Вещи из погребений кладбища Джулатской церкви.

1 — серебряная подвеска; 2 — бронзовый перстень; 3 — серебряный медальон со стеклянной вставкой; 4 — железный наконечник стрелы; 5, 6 — серебряные бляшки; 7—11 — серебряные пуговицы; 12 — костяная пуговица; 13—15 — амулеты; 16—19 — височные подвески; 20 — бронзовая золотоордынская монета.

²³ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958, стр. 104.

²⁴ П. А. Раппопорт. Крепостные сооружения Саркела. МИА, № 75, 1959, стр. 19.

²⁵ А. С. Каманцева. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт. КСИМК, вып. 77, 1959, стр. 146—150.

²⁶ По сведениям, любезно сообщенным К. А. Бредэ.

родище Верхний Джулат в 1958 г. Кроме керамики, найдено много костей животных, куски каменных жерновов, костяные и железные предметы, глиняные прясла, обломки стеклянных сосудов и браслетов и др.

На южном конце раскопа в обресе холма обнаружены остатки полуподземного жилища, разрушенного строительством дороги. Хорошо сохранились участок глинобитного пола, несколько ям от столбов, открытый очаг и частично хозяйственные ямы.

Все эти находки говорят нам о жизни и деятельности обитателей района городища до постройки церкви.

На расстоянии 1 км к югу от церкви был заложен второй небольшой раскоп (4×4 м). В нем обнаружен культурный слой толщиной до 1 м, подстилаемый материковым галечником. Среди находок — керамика, подобная обнаруженной у церкви, кости животных и обломки железного и бронзового предметов. Этот раскоп показал большую протяженность городища и длительность его обитания.

За 2 года раскопок на городище Верхний Джулат исследованы 2 культовых здания — церковь и мечеть. Христианский храм XI—XII вв. свидетельствует о распространении в это время христианства у алан и служит новым источником, освещающим культурные связи кавказских алан со славянским миром и Киевской Русью. Мечеть XIV в. уточняет время возникновения в этом районе ислама. Исследование культурного слоя, подстилавшего оба здания, познакомило нас с жизнью и занятиями алан, населявших городище в X—XIII вв. — в период, предшествовавший татаро-монгольскому нашествию. Полученные материалы позволяют говорить о земледелии (зерна злаков, жерновá), скотоводстве (кости животных), сыродутном производстве железа (шлаки), гончарном производстве (гончарная печь). Если ко всему этому присоединить богатейшие находки Змейского катакомбного могильника (X—XII вв.), на котором, по-видимому, жители города хоронили своих умерших, то существование в Верхнем Джулате крупного аланского центра можно считать бесспорным.

Весьма вероятно, что дальнейшие полевые исследования подтвердят предположение о том, что Верхний Джулат можно отождествлять с «яским городом Деяновым», известным по русским летописям.

В. И. МАРКОВИН

ПЕЩЕРЫ — РОДОВЫЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ
В ШАТОВЕВСКОЙ КОТЛОВИНЕ
(Чечня)

В 1959 г. Аргунским отрядом Объединенной Северокавказской археологической экспедиции¹ производились разведки в Шатоевской котловине ущелья р. Чанты-Аргун. С помощью местных школьников обнаружен могильник². Он расположен в 1,5 км к юго-востоку от с. Советского в местности Хакой-аре («поляна хакоев»), представляющей собой крутые склоны плоскогорья, обрывающегося на юго-запад к речке Верди-ахк. Здесь в облесенном глубоком овраге Кешни-ын («могильный овраг») находятся пещерные усыпальницы. Они выкопаны в двадцатиметровом отвесном сбросе мергелевого галечниково-гравийного конгломерата, мощные стены которого образуют северную сторону оврага.

В настоящее время зафиксированы 14 пещер, пять из них исследованы отрядом.

Пещера № 1 расположена на 4,5 м ниже поверхности плоскогорья. Вход — в виде округлого лаза (0,6×1,15 м). Камера ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис. 41—I). Она подпрямоугольной формы и суживается к выходу. Стены ровные, горизонтальные, потолок округлый, сводчатый (рис. 41—II). Высота камеры — 1,9 м, длина — 4,7 м, ширина — 2,2 м. Земляной пол ниже входного отверстия на 1,4 м. Напротив входа устроена ниша шириной 0,55 м, возвышающаяся над полом на 0,8 м. На полу до расчистки обнаружены отдельные кости 6 покойников и куски сгнившего дерева. Тут же лежали обрывки кожи и железный наконечник стрелы (рис. 42—6).

В результате расчистки открыты остатки костяков, развалы гробов и полусгнившие колоды. В северном углу камеры обнаружены 3 колоды, возле северо-восточной стены — распавшийся прямоугольный гроб, собранный из отдельных досок, соединенных вместе деревянными шпешками в виде римской цифры I. Гроб покрыт доской (рис. 43). Длина его — около 1,1 м, ширина — 0,27 м, высота — 0,25 м. Под ним лежали доски от второго, не сохранившегося гроба, возле которых поднят обломок деревянного бокала (рис. 42—8).

У входа, в южной части, также находились обломки колод, досок и небольшая кухонная дощечка с ручкой и отверстием в ней для

¹ Начальник экспедиции — Е. И. Крупнов, начальник отряда — В. И. Марковин.

² Пещеры в Шатоевской котловине были известны А. П. Круглову; они упоминаются им, — см. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории, т. I, Грозный, 1938, стр. 13.

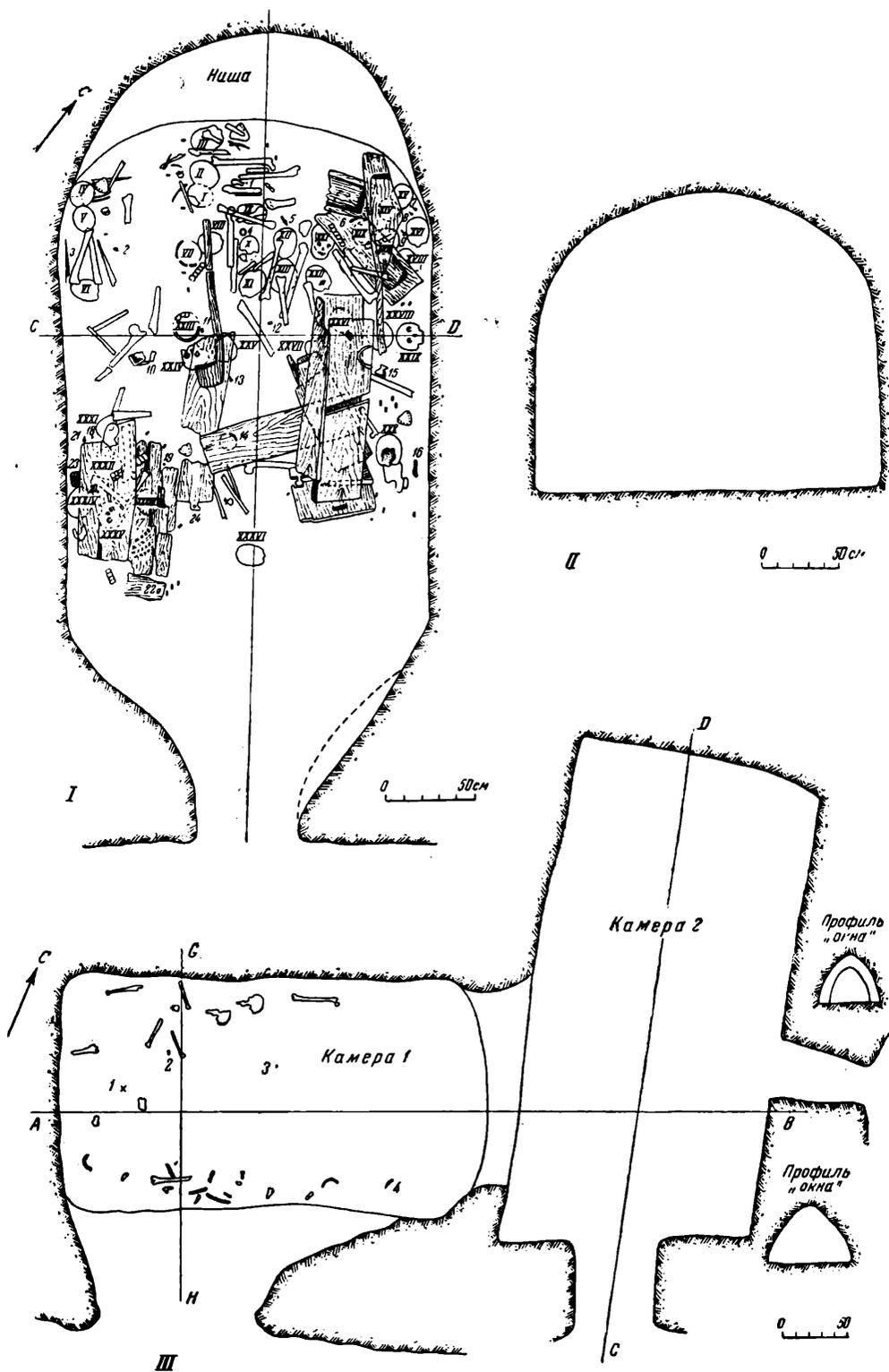

Рис. 41. Шатовская котловина. Пещерные камеры.

I — план пещеры № 1 (I — XXXVI — черепа; 1, 18, 19 — бусины; 2 — ваперсток; 3, 6, 16 — железные ножи, 4 — железное кольцо; 5 — железный наконечник стрел; 7, 9, 20 — серьги; 8, 11, 13, 17, 21 — бронзовые бубенчики; 10, 15, 23 — сосуды из дерева; 12, 22 — железные пряжки; 14 — глиняный сосуд; 24 — кухонная доска; места находок астрагалов отмечены черными прямоугольниками).

II — поперечный разрез пещеры № 1 по линии С — D.

III — план двухкамерной пещеры № 2 (1 — обрывки кожи; 2 — камень; 3 — бусина; 4 — клык кабана).

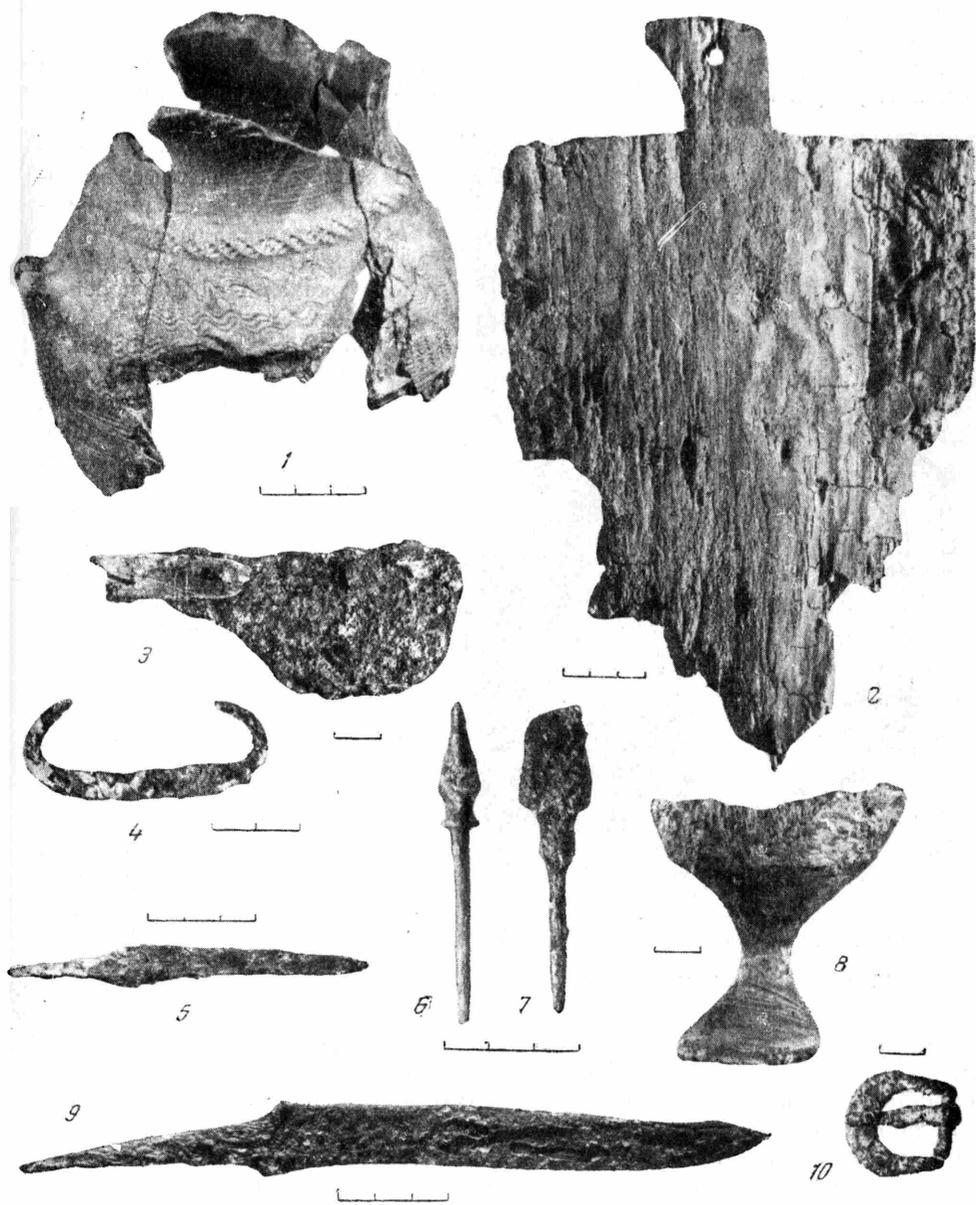

Рис. 42. Пещерные камеры. Инвентарь.

1—3 — глиняный сосуд, кухонная доска и железная бритва (пещера № 1); 4 — железное кресло (пещера № 5); 5, 9 — железные ножи (пещера № 1); 6, 7 — железные наконечники стрел (пещера № 1); 8 — деревянный бокал (пещера № 1); 10 — железная пряжка (пещера № 5).

подвешивания (рис. 42—2). В центре камеры найдена узкая колода, напоминающая по форме челнок.

Кости погребенных располагались отдельными группами. Полностью они не сохранили анатомического порядка. Судя по черепам, в пещере было захоронено, помимо указанных шести, еще 36 человек. Детские костяки учесть не удалось.

Прямо напротив входа, возле ниши, лежали 3 черепа (I—III), кости рук, ног, ребра. Между ними были подняты 5 астрагалов и бусина. В за-

Рис. 43. Пещера № 1. Остатки гроба.

падном углу найдены еще 3 черепа (IV—VI) и крестец, среди которых находились железный нож, наперсток (рис. 44—11) и астрагал.

В северном углу, среди колод оказались 18 черепов (VII—XXI и XXIII—XXV) и масса различных костей, а между ними — астрагалы, железный наконечник стрелы, железный нож, железные пряжки, бронзовые сережки, бронзовые бубенчики (рис. 44—8, 9) и обломок деревянной миски. Вблизи гроба найдены 6 черепов (XXII, XXVI—XXX), а также астрагалы, железная бритва (рис. 42—3) и обломок ножа. Возле входа в камеру расчищено 5 черепов (XXXI—XXXV), множество костей, обломок миски, бронзовые бубенчики, бусинки, астрагалы. В центре камеры обнаружены череп (XXXVI), а неподалеку от входа — обломки глиняного сосуда с волнистым орнаментом (рис. 42—1).

И черепа, и все кости разбросаны. Обряд погребения можно восстановить только по

положению гробов и колод, которые ставились параллельно длинной стене камеры, т. е. с северо-запада на юго-восток. Очевидно, когда вносили новых покойников, старых, разложившихся сгребали в стороны. Хоронили не только в гробах, но и на полу, покрытом, как выяснилось, древесной корой; на нем замечены и отдельные угольки. В нишу, возможно, клали заупокойную пищу и приношения. Гробы и колоды, как определено палеоботаником Г. Н. Лисицыной, изготовлены из дуба (*Quercus*), ольхи (*Alnus*), вяза (*Ulmus*) и липы (*Tilia*). Из дуба были колоды; их делали из продольно распиленных бревен, которым придавали форму корыт с прямоугольными и заостренными краями. Остальные древесные породы шли на доски. Найденная посуда была изготовлена из вяза и ясеня (*Fraxinus*) на токарном станке, кухонная доска (27—28×17×1,3 см) — из вяза.

Среди погребального инвентаря отметим бронзовые сережки с подвесками, напоминающими грозди винограда. Стержень, на котором висит гроздь, перевит тонкой проволокой (рис. 44—6, 7). Одна из сережек снаб-

жена подвеской с напускной многогранной бусинкой из ярко-красного сердолика (рис. 44—5). Бубенчики однотипны, все — шаровидной формы; только два из них украшены выпуклостями (рис. 44—8,9).

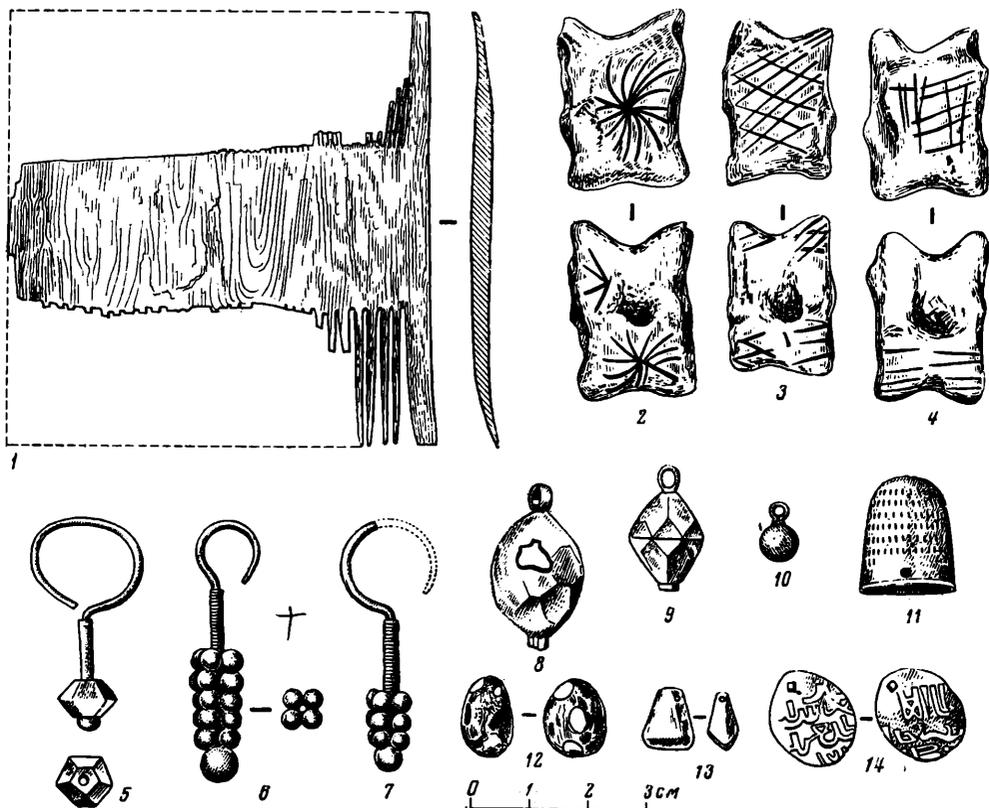

Рис. 44. Пещерные камеры. Инвентарь.

1 — деревянный гребень (пещера № 5); 2—4 — овечьи астрагалы (пещера № 1); 5—7 — бронзовая серьга с сердоликовой бусинкой и бронзовые серьги с гроздевидными подвесками (пещера № 1); 8, 9 — бронзовые бубенчики (пещера № 1); 10 — бронзовый бубенчик (пещера № 5); 11 — бронзовый наперсток (пещера № 1); 12 — глазчатая пастовая бусина (пещера № 5); 13 — сердоликовая проныка (пещера № 2); 14 — серебряная монета-подвеска хана Хызара (Золотая Орда), 1360—1361 гг. н. э. (пещера № 3).

В пещере найдено 5 пастовых бусин черного и коричневого цвета различных оттенков. Форма — цилиндрическая и круглая. Медный наперсток напоминает фабричные — с насечкой по корпусу; сбоку — отверстие. Железные ножи близки современным подкинжальным ножам горцев (рис. 42—5, 9); бритвенное лезвие (рис. 42—3) — трапециевидной формы. Бритва была в деревянном футляре, от которого сохранились только следы.

Интересны находки овечьих астрагалов (альчигов) — игральных костей. Всего их — 45 экземпляров, из них 22 подшлифованы с краев и украшены процарапанным узором в виде прямой и косой решетки, кружков, «елочек» и (рис. 44—2—4). И сейчас еще на Кавказе среди молодежи широко распространена игра в альчики, причем наиболее удобные кости («мочки» — битки) часто отмечаются зарубкой, узором, заливаются свинцом. Альчики окрашивают.

Пещера № 2 — двухкамерная. Она вырыта на 8 м ниже поверхности плоскогорья, интересна по конструкции. Передняя камера — подпрямоугольной (в плане) формы, ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Потолок сводчатый. Длина камеры — 3,4 м, ширина —

1,8—1,85 м, высота — 2,5 м. Вход в виде округлого лаза (1,25×1,3 м) возвышается над полом на 1,25 м.

Вторая камера расположена почти перпендикулярно к первой (под углом 8—10°) и ориентирована с севера на юг (отклонение к западу); в плане она почти прямоугольна (длина западной стены — 4 м, восточной — 3,5 м, ширина — 2—1,8 м, высота — 1,75 м). Камеры сообщаются широким лазом (0,5×1,6 м). Пол второй камеры ниже, чем в первой, на 0,3 м. Вторая камера снабжена двумя «окнами» со стрельчатым сводом (рис. 41—III); потолок ее грозил обвалом, поэтому расшишалась только первая. В ней обнаружены отдельные человеческие кости, кусочки дерева, клык кабана, сердоликовая бусина-пронизка каплевидной формы (рис. 44—13) и 2 альчика (астрагала).

Пещеры № 3—5 — округлые в плане, со сводчатым потолком. При расчистке пола пещеры № 3 найдена серебряная монета-подвеска. Отверстие пробито четырехугольным керном. На аверсе и реверсе — выпуклая арабская каллиграфическая надпись (рис. 44—14). По определению Г. А. Федорова-Давыдова, монета принадлежит Золотой Орде, чеканена в г. Новый Сарай ханом Хызром. Дата — 761 г. хиджры, т. е. 1360—1361 гг. н. э.

В пещере № 5 найден обломок деревянной трубочки со слегка отделанным мундштуком, — возможно, обломок музыкального инструмента типа дудука — зурны. Сделан он, по определению Г. Н. Лисицыной, из ствола бузины (*Vambucus*). Тут же обнаружены двусторонний деревянный гребень с частыми и редкими зубцами (рис. 44—1), обломки мисок, железное кресало (рис. 42—4), бритва, аналогичная описанной, бронзовая серьга с гроздью, бубенчик, альчики и стеклянные бусы разных типов и форм.

Пещерные усыпальницы, судя по инвентарю, очевидно, принадлежали отдельным чеченским родам и функционировали долго, в течение многих лет. Если монета, использовавшаяся как подвеска, некоторым образом определяет нижнюю дату — XIV в., то основанием для верхней даты могут служить такие предметы, как наперсток, бубенчики, кресало, ножи, известные в поздних ингушских и осетинских каменных наземных склепах XV—XVII вв.³ и в кабардинских подкурганых захоронениях⁴. Кстати, в кабардинских курганах, так же как и в наземных склепах, часты захоронения в колодах описанного типа⁵. Это также позволяет наметить дру- гую дату — XVI в.

Таким образом, пещеры-усыпальницы функционировали в XIV—XVI вв. Этой датировке не противоречат сережки, аналогии которым находим в инвентаре наземных склепов Дигории и Куртатии в Северной Осетии⁶ и захоронениях вокруг церкви городища Верхний Джулат (раскопки О. В. Милорадович, 1959 г.)⁷, и глиняный сосуд «с волнистым узором» (рис. 42—1). Сосуды такого типа, изготовленные из хорошо отмученной глины, в настоящее время известны в памятниках даже более позднего времени. В той же Шатоевской котловине у с. Асланбек-Шерипово кувшинчик красного обжига с волнистым орнаментом найден в могиле с монетами XVII в., а близкие по технике и орнаменту черепки обнаружены у боевой башни Гатын-кале⁸.

³ Работы Л. П. Семенова и Е. И. Крупнова 1929—1932 гг. — см. Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 111—116; Георгий Кокоев. Склепные сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.

⁴ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XX, 1954, стр. 346—349, рис. 2, 3.

⁵ А. В. Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 321, 322, рис. 4, 7.

⁶ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 95, 96, табл. XVIII, 4.

⁷ См. статью В. А. Кузнецова и О. В. Милорадовича в настоящем выпуске.

⁸ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

Усыпальницы, функционировавшие в течение многих десятилетий, широко известны среди памятников, оставленных осетинами, ингушами. Это наземные и полуподземные склепы⁹. Для чеченского населения Шатоевской котловины такими усыпальницами служили вырытые пещеры, хотя выше, в верховьях р. Чанты-Аргун, у с. Итум-Кале в местечке Пакон известны и полуподземные склепы (по разведкам 1959 г.). Есть они и возле других селений¹⁰. Несомненно, и склепы, и описанные пещеры были семейными, родовыми усыпальницами средневековых чеченцев. Захоронения в подобных сооружениях ничего общего не имеют с тем ритуалом, который предписывается мусульманством¹¹. Эти захоронения, совершенные по какому-то, еще не совсем ясному, обряду, свидетельствуют о позднем проникновении мусульманства в горные районы Чечни. Пещерные погребальные камеры, грунтовой могильник XVII в. у с. Асланбек-Шерипово¹² еще раз подтверждают мнение ряда этнографов и путешественников о том, что чеченцы очень поздно восприняли учение Магомета¹³. Даже в Дагестан, как сейчас устанавливается археологическими и эпиграфическими памятниками, мусульманство проникает с XIV в. и позже¹⁴.

Современное чеченское (мусульманское) население, стараясь найти объяснение факту захоронений в пещерах, а также в склепе у с. Итум-Кале, связывает их с эпидемией чумы, когда люди уходили умирать в такие сооружения. Это обычная, но ненаучная версия. В Ингушетии и Осетии такие погребальные сооружения архитектурно связываются с родовыми башнями.

Шатоевская котловина в ущелье р. Аргун — один из важных этнографических районов, сыгравших свою роль в истории чеченского народа. С обществом Шато связываются древние предания о родоначальниках народа. Из Шато выделились такие «вторичные» общества, как Нихалой, Чентой, Шарой и т. д.¹⁵ Вероятно, захоронения в пещерах относятся к этому периоду «вторичных» разделений.

Археологические исследования таких поздних объектов, как пещеры, позволяют выяснить не только материальную и духовную культуру чеченского народа, но и осветить многие темные вопросы его позднесредневековой истории.

⁹ В. Ф. Миллер. Терская область. МАК, I, 1888, стр. 24 и сл.; стр. 54, 82 и сл.; Е. И. Крупнов. К истории Ингуши. ВДИ, 1939, № 2, стр. 82; В. В. Бунак. Чертепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 306—313.

¹⁰ Dr. Bruno P l a e t s c h k e. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929, стр. 45 и сл.

¹¹ Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1. СПб., 1871, стр. 578 и сл.; Абдулла Омар-Оглы. Воспоминания муталима. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 2, 3; А. П. Ипполитов. Этнографические очерки Аргунского округа. Там же, стр. 12—15; М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, Тифлис, 1873, стр. 25.

¹² В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 82.

¹³ А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 84; Умалат Лаудаев. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI, Тифлис, 1872, стр. 28; Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 101; П. П. Надеждин. Кавказский край, природа и люди. Изд. 3-е, Тула, 1901, стр. 210.

¹⁴ Б. Маллачианов. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928, стр. 16; М. С. Саидов. О распространении Абу-муслимом ислама в Дагестане. Ученые записки ИЯЛИ, т. II, Махачкала, 1957, стр. 14; А. Шихсаидов. О проникновении и распространении христианства и ислама в Дагестане. Ученые записки ИЯЛИ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 54—77; Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. Ученые записки ИЯЛИ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 180—182; е го же. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). Ученые записки ИЯЛИ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 197.

¹⁵ П. А. Головинский. Чеченцы. Сборник сведений о Терской области, вып. I, Владикавказ, 1878, стр. 242.

III. ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

О. Н. БАДЕР

ВТОРОЙ ТУРБИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Несмотря на обширные материалы из памятников эпохи бронзы Среднего Прикамья, накопленные в результате довоенных раскопок А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева и послевоенных разведок и раскопок О. Н. Бадера и др., Турбинский могильник остается все же одним из наименее изученных памятников. Причина этого состоит, во-первых, в том, что материал раскопок А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева до сего времени недостаточно опубликован; во-вторых, весь материал из Турбина, несмотря на указания С. И. Сергеева и А. В. Шмидта о существовании здесь двух различных местонахождений, продолжает ошибочно рассматриваться всеми, писавшими о Турбине¹, как единый комплекс. Наличие здесь двух различных памятников полностью подтвердилось новыми археологическими работами 1958 г.

Таким образом, материал из второго Турбинского могильника должен быть отделен от основного комплекса из первого могильника на Шустовой горе.

История открытия Турбинского II могильника такова. Сведения о городище у дер. Турбино и о найденном на нем медном топоре, опубликованные в печати², послужили для С. И. Сергеева, заведовавшего тогда археологическим отделом Пермского музея, поводом для экскурсии совместно с И. Н. Глушковым в дер. Турбино весной 1891 г. Во время экскурсии было приобретено бронзовое копье. Впрочем, копье, как и топор, найденный А. Краснопольским, правдоподобнее связывать с могильником на Шустовой горе.

В следующую поездку, совершенную вскоре после первой, «Глушков остановился у крестьянина — Дьякова (все остальные — по фамилии Турбины), который продал ему кинжал, клинок, кельт и кремневый нож, повел его на берег через речку... и указал это место находок, объяснив, что здесь были их пашни, так лет пятнадцать тому назад, пока не наложили на них за пользование аренду»³.

Однако сведения о находке именно за оврагом и речкой, по крайней мере, одного из перечисленных предметов — известного ножа с навершием

¹ Кроме автора, см. О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Ученые записки Пермского университета, т. IX, вып. 3, 1953; его же. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, SMYA, 59, I, Helsinki, 1957.

² Общая геологическая карта России, лист 126-й, Пермь — Соликамск. Геологические исследования на западном склоне Урала А. Краснопольского. Тр. Геолог. комитета, т. XI, № 1, СПб., 1889, стр. 59.

³ Письмо С. И. Сергеева к Ф. А. Теплоухову от 3 сентября 1891 г. Архив Пермского областного краеведческого музея.

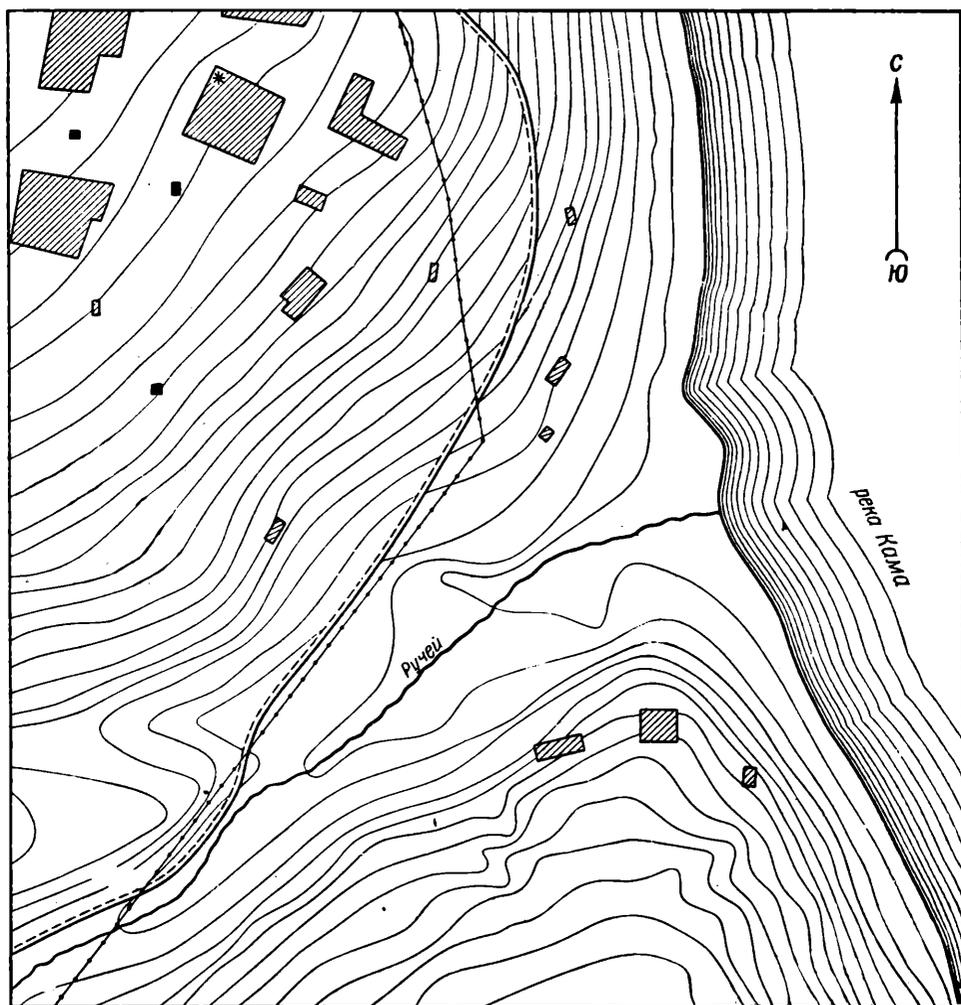

Рис. 45. Место Турбинского II могильника в дер. Турбино. К югу от ручья Шустовка — Шустова гора. (Звездочкой обозначено место находки кинжала в 1890 г.).

в виде баранчиков — были неточны, как, кстати сказать, и фамилия крестьянина Дьякова, оказавшегося Иваном Якиным, действительно, единственным среди Турбиных. Он, будучи уже стариком, в 1923 г. сообщил А. В. Шмидту, что нож с баранами был найден под одним из домов в дер. Турбино, на глубине приблизительно 35 см самим Якиным, как и остальные находки за оврагом, проданные им в 1891 г. И. Н. Глушкову⁴.

Наличие в самой деревне могильника бронзовой эпохи, отделенного от Шустовского широким оврагом и речкой Шустовкой, находит подтверждение во второй находке, приобретенной Н. Н. Новокрещенных. Сообщение о ней находим у С. И. Сергеева: «Летом 1895 года деревню Турбину посетил Н. Н. Новокрещенных и приобрел медный кельт, переданный им барону де Бай. Кельт найден в деревне при рытье земли для фундамента». Таким образом, — как справедливо заключает С. И. Сергеев еще в конце прошлого века, — «оказывается два пункта находок в «Турбинском селище»: по правому и левому берегу р. Шустовки»⁵.

⁴ A. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama. Anzeiger der finnisch-ugrischen Forschungen, Bd. XVIII, N. 1—3, 1926.

⁵ С. Сергеев. Отчет о деятельности Археологического отдела Пермского музея за 1891—1895 гг. Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. III, 1896.

Рис. 46. Место Турбинского II могильника. Вид через Шустовский овраг с Турбинского (Шустовского) I могильника. (Фото автора, 1958 г.).

Судя по обозначению на общем плане Н. А. Прокошева, кинжал с баранами был найден в 1890 г. Место находок в деревне фиксируется точно. По наведенным нами у старожилов справкам, в 90-х годах в Турбине жили старший из Турбиных — Назар Гаврилович, дом которого и сейчас цел, его брат Дмитрий, пять сыновей Назара и двое Якиных — Иван и Прокопий Васильевичи. Следовательно, деревня состояла всего из нескольких домов, схематически обозначенных и на рисунке, хранящемся в Пермском музее, и занимала очень небольшую площадь, хорошо определяемую в наши дни. Однако эти данные далеко не достаточны для планирования пробных раскопок.

Неоднократный опрос жителей дер. Турбино в 1948—1958 гг. также не дал нам возможности точно локализовать пункты находок. Вдова сына Прокопия Якина, проживающая по сей день в старом якинском доме, сообщила, что останавливавшийся у них в 20-х годах А. В. Шмидт производил перед окнами дома, в палисаднике пробные раскопки, но она не помнит, чтобы он при этом что-либо находил. От старших членов якинской семьи она знает, что Якины начали строиться несколько ниже, в сторону устья Шустовки. Не там ли найден нож с баранчиками на рукоятке?

С последним пунктом более или менее совпадает отметка находки 1890 г., сделанная Н. А. Прокошевым на общей карте Турбина и Шустовой горы, а именно — в северо-западном углу дома, принадлежавшего покойному Андреяну Турбину. Нам не известны основания, которые побудили Н. А. Прокошева поставить значок в этом пункте, в 1934 г., четверть века назад у него было, конечно, гораздо больше возможностей получить у местных жителей точные сведения о месте находки. Во всяком случае, отметка Н. А. Прокошева — единственная, и ее необходимо принять во внимание.

По мнению С. И. Сергеева, если на Шустовой горе находился распавший крестьянами могильник, то находка кельта в дер. Турбино указывает на расположение здесь древнего селища⁶. К этому предположению позднее присоединился А. В. Шмидт⁷. А. А. Спицын же в первом изда-

⁶ С. И. Сергеев. Указ. соч.

⁷ А. Schmidt. Указ. соч.

нии турбинских находок счел нож с баранами за жертвенный, а место его находки расценивает как жертвенное место⁸.

Из литературы известно, что «А. В. Шмидт заложил несколько раскопов на краях деревенских улиц и встретил небольшое количество культурных остатков, аналогичных находкам на Шустовой горе», в культурном слое гляденовской эпохи⁹. Остается непонятным замечание А. А. Спицына, который после описания материала раскопок А. В. Шмидта на Шустовой горе указывает, что «пробные раскопки на втором мысу, где найдены вещи Сергеева, пока не дали результатов»¹⁰. По-видимому, здесь имеется в виду местонахождение ножа с баранами в дер. Турбино.

Новые рекогносцировочные раскопки могильника в дер. Турбино, произведенные О. Н. Бадером¹¹ в 1958 г., ограничились вскрытием площади всего в 40 кв. м у северо-западного угла двора Андреяна Турбина, на склоне, т. е. у того самого пункта, который был обозначен Н. А. Прокошевым, как «находка кинжала в 1890 г.» (рис. 45).

Местность, где находится могильник в деревне, расположена на склоне очень высокого коренного берега Камы к речной долине и оврагу речки Шустовки; таким образом, этот склон образует здесь как бы широкий, пологий мыс (рис. 46). Место находки расположено на высоте 40 м над прежним уровнем Камы, в более пологой, даже переходящей в плато части склона.

Стратиграфия слоев в месте наших раскопок очень проста: сверху до глубины 0,25—0,3 м лежит темно-серый почвенный слой, местами, по словам местных жителей, еще более тонкий; глубже — вязкая, красная глина, вскоре приобретающая густую примесь мелкого галечника.

Как известно, нож с баранами был найден на глубине 0,35 м, т. е. сразу под почвой. Столь мелкое залегание погребения, с которым он, надо полагать, был связан, объясняется трудностью рытья глубокой могилы в очень плотной глине.

В пробном раскопе почти не было находок, но обнаружилось темное пятно, очертаниями похожее на могилу, где на глубине 0,9 м оказались обломки современной посуды и остатки перержавевшего железа. К востоку от

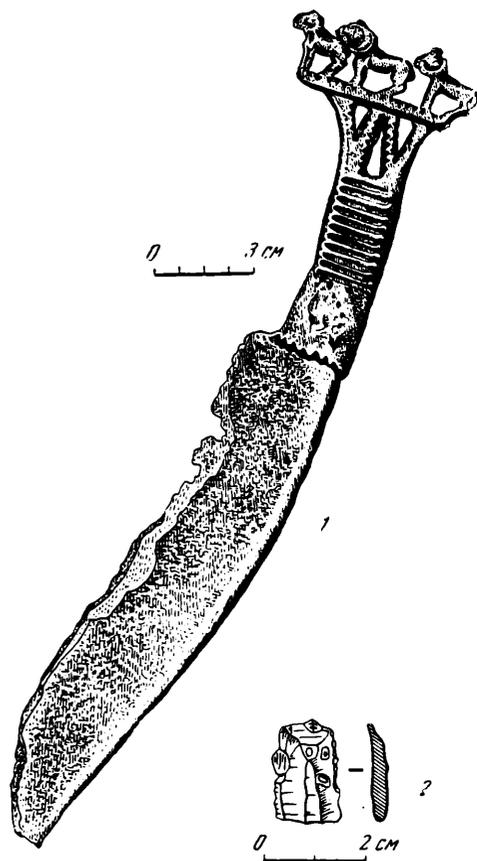

Рис. 47. Медно-бронзовый нож (1) и обломок кремневой ножевидной пластинки (2) со следами огня с Турбинского II могильника.

⁸ А. А. Спицын. Археологический альбом. Записки Русского отделения РАО, XI, 1915.

⁹ Н. А. Прокошев. Селище у деревни Турбино. МИА, № 1, 1940, стр. 117.

¹⁰ А. Спицын. Турбинские находки. Пермский краеведческий сборник, вып. II, Пермь, 1926, стр. 5.

¹¹ По инициативе сектора неолита и бронзы ИИМК и на его средства.

ямы встречен обломок верхней части кремневой ножевидной пластинки,— тонкой, хорошей техники и со следами пребывания в огне (рис. 47—2); она лежала на глубине 0,25 м, т. е. у контакта почвы с подстилающей глиной.

Учитывая, с одной стороны, совершенно не характерное для стоянки неолита и бронзы местоположение на высоком берегу, на сравнительно далеком расстоянии от реки и, с другой,— смежную находку бронзового ножа с баранчиками, можно считать, что обнаруженная ножевидная пластинка подтверждает наличие здесь древних погребений. Подобные находки разрозненных кремневых предметов весьма типичны для площади соседнего Шустовского могильника.

Поисковые раскопки на старой площади дер. Турбино, которые велись в 90-х годах, необходимо продолжить. Для этого есть все возможности благодаря свободному расположению домов и усадеб на север, запад и юго-запад от площади раскопок 1958 г. Пока же нужно констатировать, что известный бронзовый нож с навершием в виде баранчиков (рис. 47—1) топографически связан с Турбинским могильником на Шустовой горе и, следовательно, при несомненной культурной близости может не совпадать с ним хронологически. Он принадлежит другому могильнику, хотя и относящемуся к той же культуре. Второй Турбинский могильник вместе с первым и Усть-Гайвенским составляет крайне интересную группу, по-видимому, родовых могильников, связанных с соседними поселениями у Гремячего ручья, на озере Грязном, возможно, также в низовьях Чусовой, у дер. Гарей и на Боровом озере, с которых видна Турбинская гора.

К сожалению, найденный во втором Турбинском могильнике кельт был увезен де Баем во Францию, и нам не известны его изображения.

Ближайшей аналогией турбинскому ножу с баранчиками, без сомнения, следует считать найденный в Сейминском могильнике нож с двумя лошадами на рукоятке. По устному сообщению А. Я. Брюсова, он видел в Музее г. Ваза (Финляндия) почти такой же нож с баранчиками, но с более прямым клинком (из коллекции Товостина, найден в б. Казанской губернии). Все три упомянутых ножа происходят, следовательно, с территории между Уралом и Окой, что, несмотря на некоторые сибирские аналогии, к тому же более далекие и типологически, свидетельствует в пользу местного, западно-уральского изготовления этих интересных предметов.

С. М. АБРАМЗОН

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
У КИРГИЗОВ

А. Н. Бернштам внес большой вклад в исследование археологии восточной части Средней Азии и Южного Казахстана. Им, в частности, открыто и изучено большое количество своеобразных памятников с погребальными сооружениями в виде катакомб и подбоев¹. Интересно сопоставить результаты исследований А. Н. Бернштама и других с некоторыми этнографическими наблюдениями, относящимися к погребальному культу у киргизов.

В Ак-Талинском районе Тянь-Шаньской области в 1946 г. мне довелось ознакомиться с несколькими погребальными сооружениями, в том числе с расположенным вблизи от развалин кокандской крепости Куртка-коргон крупным мавзолеем. Он состоит из двух пристроенных друг к другу мавзолеев, возведенных над могилами известных вождей киргизского племени саяк — Атантая и Тайляка (рис. 48). Постройка, по устным сведениям, была возведена не позднее второй четверти XIX в.² Оба купола мавзолея разрушены. Стены сложены из жженого кирпича, для обжига которого здесь же, рядом были устроены 2 печи. От них сохранились на поверхности земли прокаленные площадки с большим количеством отверстий. По сообщению знатока местной старины Абдыкалыка Чоробаева, к каждой печи вел дымоход. Кирпичи на этих площадках складывались штабелями, чтобы между ними мог проходить воздух. Затем сложенные кирпичи обмазывались снаружи глиной; наверху оставалось отверстие для выхода дыма при обжиге.

В правой (восточной) половине мавзолея находилась, по рассказам очевидцев, кирпичная выкладка, в которой был ход. Он вел в помещение с небольшой дверью («каалга») из арчи. За дверью был устроен ход, сообщавшийся с подземным склепом, расположенным под левой (западной) половиной мавзолея. Это сооружение носит название «сакана» или «сагана»³. Вход в кирпичную выкладку был закрыт плотным настилом из арчевых жердей, обмазанных сверху глиной. В камере подземного склепа были похоронены Атантай, Тайляк и (по словам правнука Тайляка — Чоду Абылова⁴) 7 сыновей и внуков Тайляка.

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 2, Л., 1940; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 22, 23, 60—89, 193, 200—207.

² С. М. Абрамзон. Этнографические экспедиции в Киргизской ССР в 1946—1947 гг. Известия ВГО, т. 80, вып. 4, 1948, стр. 374.

³ «Сагана» — родовой мавзолеев, надгробие (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 427). ساغانا — могила, надгробие, мавзолеев (К. К. Юдахин. Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1927, стр. 317).

⁴ В 1946 г. ему было 73 года; он проживал в с. Кок-ийрим (колхоз Арал) Тогуз-Тороуского района Тянь-Шаньской области.

Рис. 48. Мавзолей Атантая и Тайляка
(Ак-Талинский район Тянь-Шаньской области, Киргизская ССР).

По сведениям населения, в таких склепах раньше погребали только особо знатных людей, принадлежавших к феодальной верхушке, а также выдающихся героев («баатыр»). Женщин здесь хоронить не разрешалось. Размеры склепа делались такими, чтобы боевое копье («найза») могло свободно вращаться вокруг своего центра. Трупы клали на земляной пол, подстилая под них выделанную кожу — юфть («булгаары») и разделяя их кирпичными стенками (высотой 0,5—0,6 м). Это делали в соответствии с мусульманским обычаем, который требовал, чтобы покойники не могли видеть друг друга. Еще в 1919 г. к мавзолею приезжали из Тогуз-Тороуского района на поклонение внуки Тайляка и внук Атантая со своими семьями; были заколоты кобылица и корова и устроено угощение. Приехавшие провели здесь всю ночь.

В 1954 г. в соседнем Куланакском районе той же области от колхозника Ободо Ыманова⁵ я услышал рассказ об аналогичном подземном сооружении. По словам рассказчика, усыпальница была расположена внутри мавзолея («кумбоз») и помещалась в подземной камере. Ход в погребальное сооружение был перекрыт жердями из арчи, пространство между которыми было заложено сырцовыми кирпичами. Каждый раз, когда нужно было произвести очередное захоронение, кирпичи и жерди снимали. Под ними была квадратная яма, называвшаяся «чара» (чаша)⁶. На дне ее у стены было отверстие — ход в подземную камеру значительно больших размеров, носившую название «казанак»⁷. Это помещение — квадратной формы, дно его расположено значительно ниже дна «чара». После захоронения ход в «казанак» закладывали кирпичами. В камере было погребено 5—6 человек. В данном случае перед нами — характерный пример подземного погребаль-

⁵ Ему было 62 года. Он проживал в селении Кызыл Эмгек (колхоз «1-е Мая»).

⁶ В других местах она носит название «айван», как у узбеков. «Айван» — терраса, веранда (Узбекско-русский словарь, Ташкент, 1941, стр. 9).

⁷ Ср. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 379: «Казнак» — боковое углубление в могиле, куда кладут покойника. Мы слышали и другое произношение: «касанак», «казына». Как сообщил нам Н. А. Кисляков, у таджиков слово «казнак» служит для обозначения кладовой, чулана. В современных узбекских могилах также устраивается подобная подземная камера, носящая название «ляхат» (Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1, стр. 59).

ного сооружения, рассчитанного на захоронение целой группы близких родственников.

В этой же местности еще в 1939 г. была известна аналогичная погребальная камера, также находившаяся под мавзолеем, который был построен в честь одного из крупных в прошлом манапов племени саяк — Кельдибека, потомка воинственного феодала XVIII в. Джамболота. В камере было 5—6 костяков, под одним из которых лежали остатки красной юфти.

Среди киргизов в недалеком прошлом сохранялся обычай погребения на особых кладбищах членов одного «родового» подразделения; нередко и сейчас можно встретить захоронение в одном месте членов более мелкой семейно-родственной группы. Так, например, в Баткенском районе Ошской области проживала группа киргизов, называвших себя кыпчак. У подразделения этой группы — таз было свое кладбище в местности Кош-тал, у подразделений шэрден и кармыш — кладбище в местности Балыкты; «свои» кладбища были и у других подразделений этой группы. В селении Дархан Джеты-Огузского района (Приисык-кулье) проживает группа киргизов, называющих себя джельден. В составе ее — 4 подразделения; каждое из них имело раньше свое кладбище. Среди жителей Джумгалского района, Тянь-Шаньской области, есть небольшая группа, называющая себя сарттар. Эта группа, в которую входят лица, состоящие в разных степенях родства, хоронит своих покойников не на общем кладбище, а отдельно, неподалеку от селения. В том же районе, возле дороги между перевалом Кыз-арт и селением Чаек, мы видели небольшое кладбище — мавзолей и около двух десятков обычных могил, — окруженное глинобитной стеной. Здесь были похоронены члены одной семейно-родственной группы, т. е. семей, ведущих происхождение от одного предка в третьем или четвертом поколении.

Приведенные факты показывают большую роль родственных связей, сохранившихся у киргизского населения. Основанное в прошлом на патриархальных началах, общество сохраняло родственный принцип и в погребальном обряде. У киргизов еще в недавнем прошлом сохранялось устройство подземных сооружений для группового захоронения. Правда, такого рода сооружения предназначались для захоронения лиц знатного происхождения; но едва ли было бы ошибкой предположение, что подобного или близкого им типа сооружения ранее были распространены более широко.

Известный нам этнографический материал свидетельствует о том, что «катакомбные» погребения, к каким, несомненно, нужно отнести описанные сооружения, бытуют в среде киргизского населения до настоящего времени. Но сейчас это исключительно одиночные погребения, принцип же самого сооружения остается в общем тем же, что и при устройстве могил для группового захоронения. Само население четко различает 3 типа погребальных сооружений: «сагана кор», могилы с подбоем — «джарма-кор» и могилы с катакомбой — «кор»⁸. Впрочем, в отдельных районах погребальные сооружения различаются по этническим группам. Так, в Ошской области в 1955 г. было выявлено, что, например, группы адигине, мунгуш, кыпчак и найман устраивают, как правило, сооружения катакомбного типа; в то же время у групп теит и аванат распространены сооружения с подбоями в виде ниши («джарма» или «джирма»).

О современном катакомбном погребальном сооружении у киргизов дает представление устройство могилы, в которой был похоронен в 1955 г. Толонбай Исмаилов (Алайский район Ошской области). Могила представляла собой прямоугольную яму («айван»), в центре ее — поперечное углубление. Там, где западная стена ямы соединяется с дном углубления,

⁸ Турсунбек Ибрагимов (колхоз Джангы талап Ак-Талинского района) сообщил, что еще недавно в могиле уважаемого человека хоронили в дальнейшем близких покойного. Для точной передачи звуков киргизского языка следовало бы в словах „кор“, „кумбоз“ и др. употреблять ö (русское ё) и ü (ю).

устроено отверстие (диаметром до 0,6 м), ведущее в подземную камеру — «казына». Ее дно расположено на 0,3—0,35 м ниже дна поперечного углубления. Длина «казына» примерно соответствует длине входной ямы, высота составляет около 1 м. После того как покойник был положен в «казына», ход в нее был закрыт поставленными вертикально (с небольшим наклоном) колышками из арчи; потом был положен перпендикулярно первому второй ряд колышков. Входная яма была заполнена большими ветками арчи, сверх которых бросили несколько охапок сена. Все это было утрамбовано, и для земли почти не осталось места. Обычно же эта яма засыпается землей. В настоящее время два последних типа погребальных сооружений рассматриваются как вполне соответствующие требованиям мусульманского погребального обряда. В связи с этим привлекают внимание более древние погребальные сооружения катакомбного типа, использовавшиеся для групповых и одиночных погребений⁹.

За последние два десятилетия археология Средней Азии обогатилась открытием большого числа памятников с катакомбными захоронениями¹⁰. У этих памятников, относимых к концу I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры, — свои особенности. Основная заключается в том, что погребения расположены под насыпями. Однако не трудно заметить в них общие черты конструкции, характерные и для современных погребальных сооружений. Кроме общих черт, можно видеть и отдельные детали, указывающие на некоторое сходство между древними и современными погребальными сооружениями и самим ритуалом. Ход из дромоса в камеру, так же как и в древних сооружениях, киргизы закладывают сырцовыми кирпичами или камнями, а нередко деревянными жердями или брусками и камышом. Покойников киргизы клали раньше на подстилки из кожи; в древних памятниках им соответствовали доски, циновки, войлок и т. п. Вполне понятное отсутствие какого-либо погребального инвентаря в киргизских могилах недавнего времени, это противоречило бы предписаниям ислама, хотя есть сведения об отдельных нарушениях¹¹.

Как показали исследования, катакомбные и подбойные захоронения характерны не только для конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, но и для последующего периода, в частности, — для позднетюркского времени. Что касается сооружений типа киргизских подземных склепов, то известные аналоги им встречаются и в более позднее время — среди мусульманских памятников средневековья¹².

Все это свидетельствует о том, что киргизские погребальные сооружения, несмотря на вполне мусульманский обряд захоронения, находятся в известной генетической связи с памятниками предшествующих эпох; в них нашли свое отражение более ранние местные традиции.

⁹ Нам представляется весьма интересной мысль, высказанная К. А. Акишевым относительно принадлежности катакомбных и подбойных погребений представителям разных имущественных прослоек одного общества («Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года». Труды Института археологии и этнографии АН КазССР, т. I, Археология, 1956, стр. 32). Киргизские погребальные сооружения в известной мере подтверждают эту мысль.

¹⁰ См. обзор этих памятников: С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956.

¹¹ Например, по сведениям, полученным от А. Чоробаева (они относятся приблизительно к концу XVIII в.), два враждовавших друг с другом киргизских хабреца («баатыр») Кемпир-бала и Чомой-батыр были похоронены рядом. В могилу Чомоя было положено боевое копье («найза»), чтобы он имел возможность, если не примирится с Кемпир-бала, воевать с ним и на «том свете». Оба мавзолея и сейчас стоят в местности Ак-Терек (Ак-Талинский район Тянь-Шаньской области).

¹² Ср., например, семейный мавзолей со склепом на Мечетном городище (Ф. Баллод. Приволжские «помпей». М., 1923, стр. 23—27); мавзолей Центрального Казахстана, обследованные А. Х. Маргуланом, и среди них — с погребениями в склепах. («Археологические разведки в Центральном Казахстане, 1946 г.». ИАН КазССР, серия историческая, 1948, вып. 4, стр. 113, 114; ВАН КазССР, 1948, № 2, и др.); склеп Джажангира в Шахриясьбзе, описанный Я. Гулямовым (ИАН УзССР, 1942, вып. 2).

IV. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР
В 1957—1958 ГОДАХ

В 1957 г. отделом полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР было выдано 199 открытых листов, в 1958 г.— 227 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок соответственно в 62 и 61 областях, краях, автономных областях и автономных республиках РСФСР. Результаты работ, проводившихся в эти годы сотрудниками ИИМК, кратко отражены в моих обзорах¹ и во многих статьях самих исследователей.

Карельская АССР. Экспедиция ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР под руководством Г. А. Панкрушева (в 1958 г.— при участии А. В. Анпилогова, Ю. А. Савватеева, Г. А. Паздеринной) вела исследования в Петрозаводском, Прионежском, Кондопожском, Пряжинском, Суоярвском, Пудожском, Беломорском, Кемском и Лоухском районах. В 1957 г. открыто 50 стоянок периода неолита и раннего металла и осуществлены небольшие раскопки на двух из них, а также на 8 стоянках, обнаруженных в 1955—1956 гг., и на пяти, открытых до войны. В 1958 г. отряды экспедиции обнаружили 9 новых поселений и изучали большое количество памятников: Чудозерские стоянки I, II, III, V, VI, VIII, XIII, стоянки Кудом-Губа II—IV и VII—IX, Ялгуба III, у дер. Деревянное, стоянки Пески III и IV, Золотец I, II, V—VIII, Бесовы Следки I—III, Залавруга I, II, Усть-Понча и Порог-Понча, Порог-Шойрукша, Ерпин Пудас и др.

Карельская экспедиция ИИМК в 1958 г. работала в Карельской АССР, в Мурманской, Псковской и Ленинградской областях².

Калининградская область. На территории области вела исследования Ф. Д. Гуревич³.

Вологодская область. В 1957—1958 гг. на территории области проводили археологические исследования Белозерская экспедиция⁴ и Вологодский отряд Среднерусской экспедиции⁵, в 1957 г.— Вологодская

¹ Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1957 г. СА, 1958, № 2, стр. 330—338; е е же. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 г. СА, 1959, № 2, стр. 282—292.

² Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 282—292.

³ Там же, стр. 290.

⁴ Л. А. Голубева. Белозерская экспедиция 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, стр. 336; СА, 1959, № 2, стр. 289, 290.

⁵ Е. И. Горюнова, А. В. Никитин, А. Л. Монгайт, П. А. Рап-

экспедиция⁶. В 1957 г. И. К. Цветкова (ГИМ и Череповецкий городской музей краеведения) раскапывала два неолитических поселения, открытых в предыдущем году, в местности Васькин Бор (Белозерский район). На поселении Васькин Бор II (последняя четверть III тысячелетия до н. э.) обнаружены каменный очаг и 2 кострища, на поселении Васькин Бор I — кострище и зольник.

Псковская область. В 1957 г. велись работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции⁷. Кроме того, И. К. Голунова (Псковский областной краеведческий музей) предприняла разведки на территории Качановского района, главным образом по берегам рек и озер. Обследованы длинный курган, курганная группа, 8 жальников, 4 могильника XIV—XV вв. с каменными крестами и 2 селища. В Печорском районе вскрыто 10 могил XI в. (в жальнике у дер. Тяково).

В 1958 г. здесь работали отряд по изучению крепостей Среднерусской экспедиции, Экспедиция по изучению мест Ледового побоища и Торопецкая экспедиция⁸.

Продолжала многолетние работы экспедиция Государственного Эрмитажа и Псковского областного краеведческого музея (руководитель — Г. П. Гроздилов) в г. Пскове. На раскопе в Старом Застенье, как и ранее, в слоях XV—XII—XI вв. (раскоп до материка не доведен) обнаружены настилы уличной мостовой и остатки жилых и хозяйственных построек. Изучение этой части города свидетельствует о плотной застройке и о длительности сохранения уличной планировки. Установлено, что в верхних ярусах улицы были немного шире, чем в нижних. Находки аналогичны находкам предыдущих лет. Интересны рисунки на кусках бересты (процарапанные линии в виде орнамента, изображение пятиконечной звезды) и трехстрочный обрывок берестяной грамоты, к сожалению, не читаемый. В Довмонтовом городе продолжались раскопки каменной постройки, обнаруженной в 1956 г. В южной половине здания частично открыт деревянный пол. Найдены изразцы XV—XVII вв. с растительным орнаментом и различными сценами. Кроме работ во Пскове, вскрыты 3 кургана близ дер. Лезги (Печорский район). Один из курганов представлял собой длинную валообразную насыпь, в центральной части которой обнаружены остатки сожженных костей из двух погребений (вероятно, — VI в. н. э.). Во втором кургане встречены кальцинированные кости без шей, в третьем — погребение в колоде (или в гробу) и горшок XI—XII вв.

Ленинградская область. Оба года велись раскопки Староладожской экспедицией⁹, а в 1957 г. — славянским отрядом Прибалтийской экспедиции¹⁰.

В 1958 г. Л. Ю. Янитс (Институт истории АН Эстонской ССР) обследовал место находок мезолитических предметов на берегу р. Нарвы в карьере диатомита в Тырвала. Культурный слой не обнаружен.

Новгородская область. Продолжались работы Новгородской экспедиции на Нервском конце Новгорода¹¹.

М. Х. Алешковским в связи с реставрацией стен и башен Новгородского кремля (Центральная научно-реставрационная и Новгородская научно-реставрационная производственные мастерские) предприняты археологические наблюдения за земляными работами вдоль крепостной стены.

по пор. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году. КСИИМК, вып. 79, 1960. Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283, 289.

⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 331.

⁷ Там же.

⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 289.

⁹ «Экспедиции ЛОИИМК в 1957 г. по славяно-русской археологии». КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 289.

¹⁰ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 336.

¹¹ А. В. Арциховский. Работы 1956—1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 227—242; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 287.

В 1957 г. осуществлены раскопки архитектурных и оборонительных сооружений XI—XVII вв., наблюдения за земляными работами в районе Владимирской и Спасско-Покровской башен. В районе Владимирской башни при исследовании конструкции вала обнаружен нетронутый древний вал. Вскрыты следы церкви Владимира и комплекс архитектурных сооружений. Около Спасской башни исследовались остатки церкви Спаса-Преображения. Продолжены раскопки воеводского двора, расчищены Большие палаты, поварня, пристройки к Княжьей башне. Между башнями Княжьей и Кукуем вскрыт дом двух периодов существования, с кирпичными печами. Близ Никитского корпуса исследован древний вал (XI в.). При археологических наблюдениях найдено скопление челюстей животных, выявлены фундаменты какого-то большого здания и остатки церкви Спаса-Милостивого. В 1958 г. обнаружены сооружения XV в., идущие вдоль прясла крепостной стены между Федоровской и Митрополичьей башнями. Открыты 3 комплекса, пристроенных с востока к стене кремля. Во время наблюдений за земляными работами на Новгородском торгу найдены берестяная грамота и два обрывка от другой, обнаружен деревянный помост (возможно, XI в.).

В 1958 г. С. Н. Орлов (Новгородский педагогический институт) обследовал район Паозерья — между р. Веряжей и северо-западной частью озера Ильмень. У дер. Старая Ракома и близ Перынской рощи (в урочище Коломцы) обнаружены поселения с ямочно-гребенчатой керамикой; осмотрены славянские поселения между деревнями Георгиевское и Васильевское, у деревень Любоежи, Горшково, Курицкое (открытые ранее М. М. Аксеновым). На средства Новгородского областного управления культуры, Новгородского педагогического института и Боровичского музея проведены раскопки разрушающихся памятников — уже упомянутого поселения на р. Веряже у дер. Георгиевское и городища Городок на р. Ловати (Старорусский район). На первом поселении вскрыты остатки глинобитной печи и двух печей-каменок, причем найдена раннеславянская керамика. Исследование основания земляного вала показало, что он был насыпан в XI—XII вв., в то время как основной слой поселения относится к VI—VIII вв. На городище Городок обнаружены развалины 3 печей-каменок, остатки рубленного из бревен жилища и 5 хозяйственных ям. Поселение датируется концом I тысячелетия до н. э. — началом I тысячелетия н. э.

В 1957 г. на территории Калининской, Новгородской, Ярославской, Ивановской и Костромской областей вел работы отряд по изучению крепостей (Среднерусская экспедиция ИИМК)¹².

Великолукская область. В 1957 г. на территории области (впоследствии вошедшей частью в состав Калининской области, частью — в состав Псковской) проводились исследования западнодвинским отрядом Верхнеднепровской экспедиции¹³ и славянским отрядом Прибалтийской экспедиции¹⁴.

Калининская область. В пределах Калининской и Ярославской областей в 1957 г. работал неолитический отряд Среднерусской экспедиции¹⁵. В этом же году А. Х. Репман (Вышневолоцкий краеведческий музей) во время разведок в Вышневолоцком и Удомельском районах обследовал городище XII—XIII вв. и 6 курганных групп близ дер. Липовицы, неолитическое местонахождение у дер. Алешкино, городище дяковской культуры у дер. Почеп и 2 группы курганов Млевский Бор. В 1958 г. по обоим берегам р. Мсты обследовано 11 памятников (группы курганов, отдельные курганы, сопки, длинный курган, городище у озера Дивинец).

¹² «Работы Среднерусской экспедиции в 1957 г.». КСИИМК, вып. 79, 1960.

¹³ «Экспедиции ЛОИИМК в 1957 г. по славяно-русской археологии». КСИИМК, вып. 79, 1960.

¹⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 336.

¹⁵ Там же, стр. 331.

В 1957 г. Ф. И. Иванов (Ржевский краеведческий музей) исследовал неолитические и позднемезолитические стоянки и остатки поселений дьяковского времени в районе г. Калинина. На стоянке «У вилки дорог» вскрыта землянка почти круглой формы, с тремя очагами; найдено большое количество кремневых орудий и оружия. В 1958 г. Ф. И. Иванов произвел обследование археологических памятников по берегам Волги в Ржевском районе. У устья р. Лочи собраны кремневые орудия, осмотрены дьяковское городище в устье р. Бойни и Ржевский кремль XV в. В районе г. Калинина открыта мезолитическая стоянка у дер. Дмитровское, собран материал на Калининском раннеолитическом поселении. В 1958 г. продолжены работы в г. Торопце¹⁶.

Смоленская область. В 1957 г. продолжались работы Смоленского отряда Верхнеднепровской экспедиции¹⁷. Оба года вел исследования смоленский отряд Среднерусской экспедиции¹⁸.

Д. А. Авдусин (МГУ и Смоленский областной краеведческий музей) в течение двух полевых сезонов работал в г. Смоленске¹⁹. В 1958 г. он изучал ротонду, обнаруженную в 1950 г. и частично раскопанную И. Д. Белогорцевым и Н. Д. Барановским. Стены ротонды образуют почти правильный круг диаметром 15,7 м, в центре которого — остатки четырех опорных кирпичных столбов. По кладке это сооружение можно отнести ко второй половине XII в. При зачистке материка открыты зольно-угольные пятна от стоявших здесь ранее деревянных столбов. Ротонда, видимо, — не храм, так как она лишена апсид; более вероятно, что это — оборонительное сооружение. Вокруг ротонды обнаружено большое количество погребений позднего кладбища, несколько кирпичных склепов, могилы в материке и выше его. Проведены также разведки на Смядыне (западная окраина Смоленска).

Е. А. Шмидт (Смоленский научно-исследовательский краеведческий институт), как и ранее, вел раскопки курганов и городищ в пределах области. За 2 года исследованы курганы различной формы и с разными обрядами погребений у деревень Цурковка, Дроково, Акатово, Заозерье и у поселка Новоселки. В могильнике у дер. Акатово вскрыты погребения двух видов: захоронения типа полей погребений V—VII вв. н. э. и типа длинных и удлинённых курганов VIII—IX вв. В двух курганах у дер. Заозерье встречено трупосожжение с сосудами типа роменско-боршевской керамики и с металлческими украшениями типа Люцинского могильника; третий курган — кривичский XI—XIII вв. Вся группа датируется VII—XIII вв. Планировка городища у дер. Акатово напоминает расположение сооружений в верхнем слое городища Тушемля. Городище, очевидно, существовало в V—VII вв. н. э. и было местом поселения людей, оставивших упомянутый грунтовой могильник. Раскопками городища у дер. Наквасино установлено, что древнейшее поселение возникло здесь в позднем бронзовом веке; во второй половине I тысячелетия до н. э. было создано укрепленное поселение с длинными домами, располагавшимися вдоль краев площадки, а в первых веках нашей эры городище было перестроено и сооружены четырехугольные деревянные наземные постройки. В середине или начале второй половины I тысячелетия н. э. городище было оставлено. При разведках 1958 г. по р. Десне выявлены 3 неолитических стоянки, 2 курганных группы и 2 поселения (конца эпохи бронзы и начала железного века).

¹⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 289; см. также статью П. А. Раппопорта в настоящем выпуске КСИА АН СССР.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции в 1957 году. КСИИМК, вып. 79, 1960.

¹⁸ В. В. Седов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли. КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 288.

¹⁹ Ю. Л. Шапова. Экспедиции кафедры археологии МГУ в 1957 г. СА, 1958, № 2, стр. 339.

Московская область. Можайская и Московская экспедиции ИИМК продолжали свои исследования²⁰.

В 1957 г. Г. П. Латышевой (Музей истории и реконструкции Москвы) произведены раскопки по 1-му Песчаному переулку поселка Сокол (Москва) и выяснено, что обнаруженные здесь кирпичные кладки принадлежали остаткам дворца грузинских царевичей, изображенного на карте 1852 г. без указания имени владельца. Найдено много полихромных изразцов XVIII—XIX вв. и черепков фаянсовой посуды.

В том же году Т. В. Николаева (Загорский историко-художественный музей-заповедник), при археологическом надзоре за строительными работами в северо-восточном углу монастыря, открыла каменную кладку первой половины XVIII в. и несколько надгробий XVI—XVII вв.

А. В. Успенская (ГИМ) в 1957 г. продолжала раскопки городища у дер. Подмоклово (Серпуховский район). Вскрыты остатки двух полуземляночных жилищ (одно — с глинобитным очагом, другое — с печью). Исследована конструкция вала и установлено, что укрепления городища были возведены в III—IV вв. н. э. Жизнь на городище продолжалась с III—II вв. до н. э. по VI—VII вв. н. э. В X—XII вв. на его территории было славянское поселение. Кроме того, обследованы остатки древнего металлургического производства в урочище Ямы.

Студентом МГУ С. С. Ширинским (1957 г.) осмотрено несколько курганных групп по берегам р. Злезни (правый приток р. Москвы) и раскопан в III Таганьковской группе разрушенный курган, где обнаружено женское вятичское погребение с украшениями.

Близ дер. Пирогово Д. А. Авдусин (МГУ) за 2 года раскопал 3 кургана. Вещей не обнаружено.

Г. Ф. Никитина (Московская научно-реставрационная производственная мастерская, ведущий архитектор — Г. В. Алферова) в 1957—1958 гг. исследовала архитектурный ансамбль XVII в. — усадьбу Аверкия Кириллова (Москва, Берсеневская набережная). Работы велись около церкви, у зданий палат и служебных корпусов, а также внутри палат. На паперти церкви вскрыты несколько склепов и 2 надгробных плиты. На северном крыльце церкви обнаружены остатки белокаменной лестницы XIX в. Трапезная XIX в. была по площади больше трапезной XVII в., поэтому внутри ее оказалась часть кладбища XVI—XVIII вв.

Ю. А. Краснов (Звенигородский историко-краеведческий музей) в 1957 г. проводил разведку в Звенигородском, Рузском и Истринском районах. Осмотрено 46 разновременных памятников — неолитические стоянки, городища и селища (дьяковского времени и славянские), курганные группы. Уникальна находка медной римской монеты IV в. н. э. на Бушаринском городище. В 1958 г. исследовались двуслойная неолитическая 1-я Звенигородская стоянка (вскрыта часть углубленного в землю жилища и обнаружены следы кострища) и городище близ Саввино-Сторожевского монастыря. Нижний слой городища принадлежит неукрепленному поселению эпохи поздней бронзы, верхний — дьяковской культуре.

В 1958 г. экспедиция во главе с А. Г. Векслером (Музей истории и реконструкции Москвы) раскопала 12 курганов в 5 группах у станции Одинцово (Кунцевский район). За исключением одного кривичского, все погребения в курганах — вятичские XII—XIII вв. В Подушкинском лесу обнаружен наибольший из известных в Подмосковье курганный могильник (234 кургана). У дер. Подушкино найдены селище XVI—XVII вв. и грунтовой могильник.

В. М. Раушенбах во главе Талдомской экспедиции ГИМ продолжала (после работ 1948 и 1956 гг.) раскопки неолитического поселения Николао-

²⁰ Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области. КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 290.

Перевоз (Талдомский район). Обнаружено небольшое кострище и отмечена перемешанность культурного слоя, в котором встречена дьяковская, волосовская, льяловская и фатьяновская керамика. Очень интересно вскрытое экспедицией коллективное захоронение. В яме оказалось 9 скелетов, из которых шесть ориентированы головой на юго-запад, остальные — на северо-восток. Все костяки, кроме одного, лежали скорченно, на правом боку: кости ног были в центре и перекрывали друг друга. Захоронение — фатьяновское; оно сопровождалось типичными для этой культуры сосудами, топорами и наконечниками стрел. Найдено несколько одиночных погребений в вытянутом положении (без вещей), относящихся к дьяковскому времени или более древних. Наибольшее количество материалов с поселения — волосовской культуры.

В 1958 г. Н. С. Шеляпина (Центральные научно-реставрационные мастерские) в связи с реставрационными работами провела археологические разведки в северной части главной площади Саввино-Сторожевского монастыря в г. Звенигороде. Вскрыто звено деревянного тына XV в. — первоначального оборонительного сооружения, проходившего по склону горы Сторожи. Отмечены мощная прослойка пожара и следы разрушения деревянной стены первой половины XVI в. Найдена кирпичная вымостка XV—XVI вв.

При разведках К. А. Смирнова (ИИМК) по р. Истре (от с. Павловская Слобода до устья) обнаружены городище, селище и курганная группа.

Ярославская область. Продолжались работы (1957—1958 гг.) неолитического и мерянского отрядов экспедиций ИИМК²¹.

М. В. Фехнер (ГИМ) изучала поселения X—XIII вв. в Угличском районе. За 2 года на селище у устья Грехова ручья вскрыты кострища, ямы, небольшая прямоугольная землянка, часть наземной постройки с каменным фундаментом, развал гончарного горна ямного типа. Селище существовало в X—XII вв. и было разрушено татарами в XIII в. В 1957 г. в близлежащей группе раскопано 18 курганов, причем в нескольких из них погребений не оказалось. Вещей мало, только в двух курганах найдены украшения. В 1958 г. при разведках по берегам р. Сары (Ростовский район) открыты 3 селища — два домонгольские и одно XVI—XVII вв.

Студентом МГУ А. Л. Никитиным в 1957 г. в Переславском районе обнаружено 17 новых памятников, датирующихся временем от эпохи мезолита до поздней бронзы. В 1958 г. им же (на средства Батьковско-Ольховского предприятия в связи со строительством железнодорожной станции) осуществлены раскопки неолитического поселения Польцо (Переславский район). Найдены остатки более 25 очагов и ям, скопления керамики и кремневый инвентарь. Кроме этого, велись (на средства Управления культуры Ярославского облисполкома) разведки памятников эпохи неолита и бронзы по берегам озера Неро и обследованы места случайных находок.

Владимирская область. В течение 2 лет здесь работал владимирский отряд Среднерусской экспедиции ИИМК²²; велись раскопки палеолитической стоянки Сунгирь²³, а в 1958 г. — исследования в г. Суздале²⁴.

М. П. Шахматова (МГУ) в составе палеолитического отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1957 г. обследовала оба берега р. Киржач и частично — берега р. Клязьмы. Она обнаружила 8 памятников, в основ-

²¹ «Работы Среднерусской экспедиции в 1957 г.». КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283 и 289; Д. А. Крайнов. Новые фатьяновские памятники Верхнего Поволжья. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

²² «Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году». КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 288; В. В. Седов. Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961.

²³ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 330; е е же. Указ. соч. СА, 1959, стр. 282.

²⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 288.

ном — селищ XII—XIII вв. В 1957—1958 гг. М. П. Шахматова (в 1958 г. — от Музея истории и реконструкции Москвы) вела исследования стоянки эпохи неолита и бронзы — Лопачи (Петушинский район). Позднее на месте этой стоянки было славянское поселение.

В 1957 г. Л. В. Кольцовым (в составе палеолитического отряда Среднерусской экспедиции ИИМК) проведены разведки по течению р. Нерли-Клязьминской и по притоку Нерли — р. Каменке. Обследовано 3 средневековых славянских селища.

Костромская область. М. И. Матасов (Буйский краеведческий музей) оба года вел разведки в Буйском районе. В 1957 г. на пустоши Калинки найдены остатки большой домницы; в 1958 г. осмотрены городища у деревень Брюхово и Унорож, а также стоянка между деревнями Брюхово и Демьянское.

Ивановская область. При обследовании памятников в Тейковском, Середском, Приволжском и Кинешемском районах в 1957 г. Е. Н. Ерофеева (Ивановский областной краеведческий музей) осмотрела неолитическую стоянку, городище с находками, относящимися к фатьяновской культуре, 13 курганных групп и один курган четырехугольной формы.

Тульская область. В 1957 г. продолжала исследования Тульская экспедиция МГУ (руководитель — С. А. Изюмова) в районе Куликова Поля²⁵. В 1958 г. К. А. Смирнов (ИИМК) обследовал дьяковское городище на берегу р. Оки у дер. Митино (Заокский район). По керамике оно датируется серединой I тысячелетия до н. э. — серединой I тысячелетия н. э.

Орловская и Калужская области. Оба года здесь работал верхнеокский отряд Южнорусской экспедиции²⁶. В 1958 г. на территории этих областей, а также Белгородской и Курской велись исследования оскольским отрядом²⁷. Отряд В. П. Левенка²⁸, кроме того, работал в Воронежской, Брянской и Липецкой областях.

В 1958 г. С. Н. Астаховым (Московский областной краеведческий музей) обследована раннемезолитическая стоянка у с. Гремячее (Калужская область). Находок раннего времени очень мало; основной материал составила дьяковская керамика.

Брянская область. Продолжались работы отрядов Верхнеднепровской экспедиции²⁹.

Ф. М. Заверняев (Брянский областной краеведческий музей) в течение 2 лет раскапывал Почепское селище в урочище Валы. Вскрыта полуземлянка с развалом печи (1957 г.), много ям различного назначения. Выяснено, что некоторые ямы и сооружения зарубинецкого времени перекрывали остатки сооружений или культурный слой предскифского. В ранний период существования поселения была сооружена большая землянка, на месте которой в зарубинецкое время находилась постройка с остатками железодельной и ювелирной мастерских. В 1957 г. на нижнем Посудичском селище обнаружены остатки землянки XII—XIII вв. Нижние слои селища содержат материал эпохи неолита и юхновской культуры, верхние — роменского и киевского времени. На верхнем Посудичском селище вскрыта куполообразная насыпь, оказавшаяся остатками полуземлянки. В 1958 г. при разведках в Рогнединском, Дубровском, Жуковском и Брянском районах осмотрено 67 памятников различных эпох — от палеолита до XI—XIII вв. Наиболее интересна открытая еще в 1948 г. палеолитическая стоянка у с. Хотылево.

²⁵ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 339.

²⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 339; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 288.

²⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 282.

²⁸ Там же.

²⁹ П. Н. Третьяков. Указ. соч.; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 289.

В. А. Падин (Трубчевский краеведческий музей) вел раскопки Кветунского курганного могильника. За 2 года вскрыто 13 курганов с погребениями XI—XII вв. В 1957 г. при разведках близ селища Макча обнаружены зарубинецкое и более позднее поселения в урочище Лука. На распаханном поле найдена углистая масса с кальцинированными костями, — очевидно, остатки погребения. В 1958 г. раскапывалось поселение юхновского времени — Лбище (у дер. Монастырище, Трубчевского района). Вскрыты остатки углубленных в землю сооружений столбовой конструкции, а также несколько скопленных золы.

В 1957 г. В. К. Пудовин и В. П. Даркевич (МГУ и Севский краеведческий музей) провели разведки и небольшие раскопки в г. Севске. При работах на Городке выяснено, что культурный слой раннего времени полностью уничтожен (при зачистке вала найдена лепная и киевского времени керамика). Наиболее интенсивна жизнь на городище была в XIV—XVI вв. На городище в с. Родогощь найдена лепная керамика, на близлежащем поселении — в основном керамика XI—XIII вв.

Курская и Белгородская области. В 1957—1958 гг. велись исследования северодонецким отрядом Южнорусской экспедиции³⁰ и курским отрядом Лесостепной экспедиции³¹.

В 1957 г. Ю. А. Липкинг (Курский областной краеведческий музей) обследовал Березуцкое городище в Иванинском районе Курской области (IV—III вв. до н. э.).

В 1958 г. на территории этих областей и частично в УССР Б. А. Шрамко (Харьковский государственный университет) осуществлены разведки в бассейнах рек Северного Донца, Псла и Сейма. Основная задача состояла в выяснении распространения памятников раннего железного века на территории, где скифские племена соприкасались с юхновскими. Осмотрено более 20 памятников, на которых обнаружены материалы эпохи бронзы, скифской и юхновской культур, эпохи полей погребений (черняховская культура), роменской и древнерусской эпох. На Гочевском городище вскрыто погребение XIII в.

Воронежская область. Продолжались исследования Палеолитической экспедиции и воронежского отряда Лесостепной экспедиции³².

А. Н. Москаленко (Воронежский государственный университет и Воронежский областной краеведческий музей) раскапывала городища у хутора Титчиха. За 2 года открыто более 10 полуземлянок и хозяйственных ям, прорезан вал. В 1958 г. встречен новый тип печей, впервые прослежено устройство входа в жилище в виде вырубленных в мелу ступенек. Из находок того же года следует упомянуть костяной гребень, цилиндрический замок, обломок серпа, дирхемы, остатки злаков. В 1957 г. проводились разведки на Волошинском городище V—IV вв. до н. э.

Рязанская область. В 1957 г. продолжались археологические исследования в Переяславле-Рязанском (г. Рязань)³³.

Кировская область. Оба года велись работы кировским отрядом Среднерусской экспедиции, причем исследования были в основном сосредоточены на территории г. Кирова (руководитель — Л. П. Гуссаковский)³⁴.

Пензенская область. А. Е. Алихова в 1957 г. изучала памятники в районе с. Наровчата³⁵.

³⁰ С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 287.

³¹ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 333; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 286.

³² Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 330 и 333; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 282 и 285.

³³ «Работы Среднерусской экспедиции в 1957 г.». КСИИМК, вып. 79, 1960.

³⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 337; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 289.

³⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 334.

М. Р. Полесских (Пензенский областной краеведческий музей) в 1957 г. продолжал раскопки Старшего (II—IV вв. н. э.) и Младшего (VI—VII вв.) Селиксенских могильников. Вскрыто 20 погребений, причем обнаружены ранее не встречавшиеся здесь вещи — удила с большими кольцами, кольцевые застёжки с завернутыми концами и т. п. Находок, как и ранее, много, главным образом — украшений. На Ражкинском могильнике раскопано 13 погребений переходного типа от селиксенских к армиевским (IV—V вв. н. э.). В том же году обследованы селище XIII—XV вв. в местности Дворики и Золотаревское городище XIII—XIV вв. В 1958 г. раскапывался ряд могильников — Беднодемьяновский (вскрыто 20 погребений XIV в., принадлежащих мордве-мокше), Тезиковский (вскрыто 15 погребений промежуточного между селиксенским и армиевским типами), Шемышейский (при земляных работах вскрыто 2 погребения II—IV вв. н. э.). У дер. Самодуровки открыто мордовское селище IX—XI вв. Небольшие работы были предприняты на городище Прумзай (XII—XIV вв.) в окрестностях с. Большое Кирдяшево. Студентом Б. Пензиным раскопано погребение IX—XI вв., принадлежащее мордве-мокше, на месте могильника Казбек.

Тамбовская область. В 1958 г. проводились исследования Мордовской экспедицией³⁶ (также и на территории Мордовской АССР).

В 1957 г. Т. Б. Попова (ГИМ и Тамбовский областной краеведческий музей) выполнила небольшие работы в районе г. Тамбова — на стоянке срубной культуры у Шлихтинских озер, а также на поселении у с. Перика-Пригородная, где вскрыты часть жилого сооружения, датируемого ранним этапом срубной культуры, и четырехугольная землянка конца срубной культуры. Оба года предпринимались исследования на поселении срубной культуры у озера Красного. Обнаружены остатки землянки, хозяйственные ямы. В 1958 г. проведена разведка на стоянке этого же времени у с. Бокрино и осмотрено место находки костяных стрел у дер. Первые Левые Ламки (Сосновский район).

Пермская область. Продолжались работы многочисленных отрядов Камской археологической экспедиции³⁷.

В 1957 г. И. А. Лунегов (Чердынский краеведческий музей) при обследовании места находки бронзового сосуда обнаружил клад предметов пьяноборско-гляденовской культуры на окраине поселка Курган. Клад состоит из четырех прорезных бронзовых пластинок, изображающих человеческие фигурки, из которых одна стоит на ящере, вторая — на лошади; две остальные фигурки идентичны. По бокам основной фигурки и на ее груди воспроизведены человеческие лица.

Свердловская область. В 1958 г. здесь велись разведки Западносибирской экспедицией³⁸.

Е. М. Берс в 1957 г. (Уральский государственный университет и Невьянский краеведческий музей) раскапывала Аятские поселения и могильники на правом берегу р. Аяти, у ее истока из Аятского озера (Невьянский район). Аятское поселение — многослойный памятник; здесь вскрыты слои эпохи неолита, медно-бронзового века, эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Найдены землянки и наземные жилища. На территории поселения в культурном слое обнаружены погребения IV—VIII вв. н. э. В 1958 г. (Уральский государственный университет и Свердловский областной краеведческий музей) предприняты раскопки остатков металлургического производства на горе Петрогром (между поселками Палкино и Исетское, в районе г. Первоуральска). Открыты зольник с большим

³⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 286.

³⁷ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1957 году. КСИМК, вып. 78, 1960; его же Камская археологическая экспедиция в 1958 году. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961.

³⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283.

количеством костей животных и остатки оснований 18 плавильных печей различного времени. Нижние горизонты по керамике датируются IV—II вв. до н. э., промежуточный — концом I тысячелетия до н. э. — III в. н. э., верхний — IV—VI вв. н. э. При разведках на Исетском озере осмотрены места стоянок Коптяки I—VI; из них некоторые уже фактически не существуют. На р. Черной обнаружена Ковригинская стоянка (первая половина II тысячелетия до н. э.), в урочище Шаманиха — селище X—VIII вв. до н. э.; обследовано поселение у дер. Коневой.

В 1957 г. В. С. Стоколос (Серовский краеведческий музей) произвел разведки в Серовском районе по рекам Какве, Сосве и Красноярке. Открыты 2 стоянки на р. Какве и обследованы два ранее известных памятника на р. Сосве. В насыпи кургана у дер. Махтали обнаружены изделия из кремня и керамика эпохи неолита. Керамика со стоянок у деревень Филькино и Вятчино и из могильника у с. Махтали сходна с керамикой 2-й стадии усть-полуйской культуры.

А. И. Россадович (Нижнетагильский краеведческий музей) в 1957 г. провела работы на стоянке и кургане у дер. Кокшарово (Салдинский район). В насыпи частично раскопанного кургана встречено много неолитической керамики. На поселении обнаружены материалы эпохи неолита и бронзы. На берегу Кокшаровского торфяника обследованы 3 стоянки.

В 1958 г. В. П. Викторов во главе ирбитского отряда археологической экспедиции Свердловского педагогического института вел раскопки Ирбитского городища (у дер. Мельниково, Ирбитского района). Вскрыта часть жилища эпохи железа (II в. до н. э.). Установлено, что жизнь на городище была в эпоху поздней бронзы, раннего железа и в X—XIII вв. н. э.

В том же году В. Д. Викторова во главе разведочного отряда Среднеуральской археологической экспедиции Свердловского областного краеведческого музея обследовала оба берега р. Реж — от Бородинской мельницы до дер. Арамашево и бассейны некоторых других рек в пределах Режевского, Егоршинского, Коптеловского, Ирбитского и Верхнетагильского районов. В результате открыты стоянка под скальным навесом, 27 селищ (эпохи бронзы и железа, некоторые из них двуслойные), 2 городища, жертвенное место (?), 2 места поздних поселений. Кроме этого, зарегистрированы около 10 памятников и места отдельных находок.

Челябинская область. Ф. М. Фомин (Челябинский областной краеведческий музей) в 1957 г. обследовал берега р. Уфы в пределах Уфалейского и Нязепетровского районов. Обнаружены башкирское поселение, 2 селища (эпохи бронзы и железа), Табускинская стоянка (эпохи неолита и раннего железа).

А. И. Александров в 1957 г. (школа № 10 г. Челябинска и Челябинский дворец пионеров) с группой преподавателей и школьников провел разведку по берегам озер Большой и Малый Сунукуль и Иткуль (Чебаркульский и Каслинский районы). На озере Иткуль осмотрены 3 городища, 2 стоянки, 2 группы курганов, одиночный курган и пещера.

В 1958 г. В. С. Стоколос (Челябинский областной краеведческий музей) раскопал у с. Степного 6 курганов (в двух группах) с погребениями алакульского этапа андроновской культуры. У дер. Малковой вскрыты 3 кургана, не содержащих погребений, и один — с погребением II—IV вв. н. э. и более поздним — в насыпи.

Курганская область. К. В. Сальников (Уральский государственный университет и Курганский областной краеведческий музей — в 1958 г.) в течение 2 лет исследовал памятники по среднему течению р. Исети (Шадринский район). На поселении Бабарыкино II обнаружены материалы эпохи неолита, энеолита, бронзы, сарматского времени и второй половины I тысячелетия н. э. (бакальская культура). Вскрыты остатки землянок и различные ямы. Обследованы также другие памятники у с. Бабарыкино: поселения андроновского времени — Бабарыкино III и VI, сар-

матские — Бабарыкино IV и V³⁹. По р. Исети охвачено разведками около 30 разновременных памятников — городища, селища, курганы, стоянки.

Оренбургская область. Кроме основных работ Оренбургской экспедиции⁴⁰ на Илеке, в 1957 г. исследования вели несколько небольших отрядов. М. Г. Мошкова раскопала производственный комплекс XI—XII вв. у с. Ново-Белогорка. Обнаружены остатки больших печей — горнов, шлаки, куски глиняной обмазки, большие крышки. Здесь, очевидно, сосредоточены остатки железоделательного и керамического производств, выжиг древесного угля и др. Отряд, возглавляемый Э. А. Федоровой-Давыдовой (ИИМК и ГИМ), обследовал левый берег р. Илек от поселка Томар-Уткуль до границ с Казахской ССР и осмотрел 2 курганных группы, одно поселение и одиночные курганы. Отряд И. И. Лобовой (ИИМК и ГИМ) раскопал один курган с савроматским и двумя сарматскими погребениями в группе Кара-Бутак (Соль-Илецкий район).

В 1958 г. Э. А. Федорова-Давыдова (ГИМ и Оренбургский областной краеведческий музей) предприняла раскопки курганов у с. Ново-Белогорка (Сорочинский район). Доследован курган, в котором в 1957 г. К. Ф. Смирновым было вскрыто 12 погребений. Дополнительно расчищены еще 29 погребений, из которых одно относится к сарматскому времени, а остальные — к эпохе бронзы. Кроме того, исследованы 2 кургана; в каждом вскрыто по 3 погребения, датирующихся серединой II тысячелетия до н. э. При разведках по р. Кара-Бутак обнаружены 3 кургана и Кара-Бутакское поселение алакульского этапа андроновской культуры.

Коми АССР. Г. М. Буровым в 1957 г. (Коми филиал АН СССР) начаты и в 1958 г. продолжены исследования бассейна р. Вычегды. В первый год обнаружено 15 стоянок; на семи из них встречен микролитический инвентарь, 4 стоянки относятся к концу II тысячелетия до н. э. и пять — к эпохе распространения металла. Наиболее интересна стоянка в урочище Кузьмовын. Эта исследованная оба года стоянка — двуслойная; в верхнем культурном слое вскрыты кострища и очажная яма (эпоха железа), в нижнем — найдены микролиты. В 1958 г. на стоянке X—VIII вв. до н. э. Чуддинты I найдены два «клада скребков», на стоянке того же времени Чуддинты II—4 кострища и ямы. На стоянке Ягкоджты выявлены 3 очажных ямы и остатки кострища. Несколько стоянок, из которых 11 вновь открыто, осмотрено во время разведок в Корткеросском, Усть-Куломском и Помоздинском районах.

Чувашская АССР. Оба года вели работы отряды Чувашской экспедиции⁴¹. В 1957 г. О. Н. Бадер раскапывал Чебаковское селище⁴².

Башкирская АССР. В 1957 и 1958 гг. предпринимались исследования отрядами Башкирской экспедиции⁴³.

В 1958 г. Н. А. Мажитов (ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР) исследовал Ново-Турбаслинский могильник и 2 селища, расположенные в зоне нового строительства в г. Уфе. В могильнике вскрыто 14 погребений IV в.—начала IX в. н. э. Этот памятник аланских племен сходен с памятниками Нижнего Поволжья и Среднего Кавказа того же времени. На II Ново-Турбаслинском селище бахмутинской культуры (IV—VII вв. н. э.) обнаружены остатки 5 жилищ — землянок с очагами посередине и несколькими ямами. При разведках в Бирском и Кушнаренковском районах обследованы 4 городища и могильник. На Бирском могильнике изучены 10 разрушенных погребений.

³⁹ См. статью К. В. Сальникова в КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

⁴⁰ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 333; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 285.

⁴¹ А. П. Смирнов. Чувашская археологическая экспедиция 1958 года. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

⁴² Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 332.

⁴³ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 331; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283.

(В том же году И. Эрдеи (ЛГУ и Государственный Эрмитаж) вскрыл 13 погребений в грунтовом могильнике у с. Кушулево (Дюртюлинский район). Могильник относится к кругу памятников салтово-маяцкой культуры или ранним памятникам волжских болгар (IX в. н., возможно, начало X в.).

Татарская АССР. В 1957 г., как и ранее, велись работы в Болгарах⁴⁴.

В том же году экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством А. Х. Халикова и В. Ф. Генинга обследовала и раскапывала некоторые памятники в бассейне среднего течения р. Свияги. Открыто 120 памятников, из них 33 датируются эпохой бронзы (в том числе фатьяновский могильник из 13 стоянок срубной культуры). При раскопках Козловского могильника вскрыты 2 фатьяновских погребения и 3 болгарских. На Козловском поселении обнаружены срубно-хвалынский и раннеболгарский флюи, причем в первом из них оказались остатки четырехугольной землянки. К I тысячелетию н. э., — ко времени, предшествовавшему болгарскому заселению, — относятся 20 памятников (городище, 4 селища, 15 различных местонахождений). Большинство осмотренных памятников — раннеболгарского и болгарского времени. Самые интересные результаты получены при раскопках Больше-Тарханского могильника второй половины VI в. — начала IX в., на котором вскрыто 80 погребений. Находок в погребениях много — это украшения, предметы вооружения и быта. Сосуды, серьги, поясные накладки и железные наконечники стрел очень сходны с верхнесалтовскими. На Больше-Тарханском селище IV—IX вв. обнаружены несколько ям, на Кадышевском могильнике — 2 погребения болгарского времени; на могильнике у с. Рождествено найдены мусульманское погребение и 23 погребения с обрядом трупосождения на стороне (IV—VI вв. н. э.). На Рождественском селище XII в. раскрыт угол наземного сооружения, рядом с ним — развал печи, несколько ям и 2 зольных скопления.

В том же году Н. Ф. Калинин (ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР) продолжал раскопки Урматского селища (на территории Старой Казани). Вскрыты полностью остатки гончарного горна, обнаруженного в предыдущем году, металлургический горн, сложенный из известняковых и песчаниковых камней, и 2 жилища (полуземлянка с очагом и наземное с глинобитной печью). Второе жилище хорошо датируется двумя медными монетами (золотоордынской и хорезмской) XIV в.

В 1958 г. экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР в составе 3 отрядов провела исследования по левому берегу р. Камы и в приустьевой части рек Белой и Ика. Первый отряд (руководитель — А. Х. Халиков) обследовал стоянки эпохи энеолита, неолита и бронзы, поселения и могильники ананьинского, пьяноборского и послепьяноборского времени в Мензелинском районе. Небольшие раскопки осуществлены на Кырнышской стоянке эпохи бронзы. Территория стоянки в пьяноборское время использовалась под могильник. Вскрыты 3 погребения на Деуковском могильнике (третья четверть II тысячелетия до н. э.) и 3 погребения на Подгорно-Байларовской стоянке раннеананьинского времени. Второй отряд (руководитель — В. Ф. Генинг) вел работы по нижнему течению р. Белой в пределах Актамышского (Татарская АССР) и Илишевского (Башкирская АССР) районов. Осмотрено 80 памятников, относящихся в основном к неолиту, бронзе, пьяноборскому и послепьяноборскому времени, к ананьинской культуре и к I тысячелетию н. э. На могильнике Уяндык раскопано 18 позднепьяноборских погребений (конец II — начало III в. н. э.). Третьим отрядом (руководитель — Т. А. Хлебникова) в Челнинском районе обследованы ранее известные памятники и обнаружено несколько новых поселений эпохи бронзы, болгарское селище и русские поселения XVI—XVIII вв.

⁴⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 333.

Экспедиция Казанского государственного университета в 1958 г. под руководством В. Ф. Генинга продолжала исследование комплекса археологических памятников у с. Рождествено. Вскрыты 2 погребения эпохи бронзы (приказанская культура) и 100 погребений в могильнике IV—VI вв. н. э. с обрядом трупосожжения на стороне; на болгарском могильнике XIV в. раскопано 40 погребений без вещей. На болгарском селище XIII в. обнаружены 2 жилища (полуземлянка и наземное) и большое количество вещей, среди которых выделяются два висячих цилиндрических замка.

Удмуртская АССР. Экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института и Республиканского краеведческого музея во главе с В. Ф. Генингом в 1957 г. (при участии В. А. Семенова, В. Е. Стоянова и Л. М. Еговкиной) исследовала памятники бассейна р. Чепцы в Глазовском, Карсовайском, Балезинском и Кезском районах. В результате работ 3 отрядов выявлено 22 новых памятника (городище, 10 могильников, 11 селищ), датирующихся от IV до XVIII вв. (поломская, чепецкая культуры и XVI—XVIII вв.). Раскопки были сосредоточены на 4 памятниках: городище Карвалес и могильнике Мыдлань-шай полемской культуры и на городище Весья-кар и могильнике Бигер-шай чепецкой культуры. На городище Карвалес (V в. — начало VI в. н. э.) изучены остатки наземного жилища с очагом и ямой-кладовой в центре. На городище Весья-кар (IX—XII вв.) также выявлены остатки наземного жилища. В 1957 г. был раскопан случайно открытый в г. Ижевске могильник мазунинской культуры (III—V вв.); в южных районах республики исследовались некоторые ананьинские и пьяноборские памятники. Совместно с Кировским областным краеведческим музеем проведены обследования памятников ананьинской культуры и русских поселений XIV—XVI вв. в Кировской области. В 1957—1958 гг. В. Ф. Генингом полностью раскопан могильник середины VIII в. — середины IX в. Мыдлань-шай (у с. Адам, Глазовского района), принадлежавший древним удмуртам. Вскрыто 62 погребения, из которых в 57 найдены сосуды, а в десяти — 19 арабских монет, употреблявшихся как украшения. Кроме того, собрано много орудий труда, оружия, украшений, игрушек.

В 1958 г. М. С. Акимовой (Институт и музей антропологии МГУ) раскопывался могильник XVI—XVIII вв. в дер. Бурино (Балезинский район). Из вскрытых 97 погребений 39 — детские. Погребения взрослых обычно сопровождались вещами; много монет, некоторые из них использовались как украшения; интересны находки костяных игольников.

Мордовская АССР. В 1957 г. экспедиция во главе с М. Ф. Жигановым (Мордовский научно-исследовательский институт и Республиканский краеведческий музей) провела исследование археологических памятников в долине р. Вад (приток р. Мокши) в пределах Zubovo-Полянского района республики и Сасовского района Рязанской области. Обнаружено 10 новых и осмотрены 4 ранее известных памятника. Интересны неолитическая стоянка Иморка 1, близкая по керамике древнеокским стоянкам типа Малоокуловской, и древнемордовский могильник у поселка Заря (Zubovo-Полянский район). В могильнике за 2 года работ (1957—1958) вскрыто более 80 погребений с обрядом трупоположения и трупосожжения на стороне. Близ некоторых погребений встречены круглые ямы ритуального назначения и площадки из обожженной глины. По найденным вещам (бусам, скульгамам, пряжкам) погребения делятся на ранние — VII—VIII вв. и поздние — IX в. Выделяются по богатству инвентаря могилы воинов, где найдено много предметов вооружения.

Марийская АССР. Основные работы экспедиции Марийского научно-исследовательского института и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (под руководством А. Х. Халикова, при участии В. Ф. Генинга и Т. А. Хлебниковой) в 1957 г. были сосредоточены в слабоизученных районах Вятско-Ветлужского междуречья (сюда входят также южные районы Кировской области и Ветлужский район Горьковской области). Обследовано 96 археологических памятников, из которых более 70 обнаружено впервые.

Из ранних наиболее интересна Курманаевская стоянка (позднемезолитическое или раннеолитическое время). Раскопан Синцовский курган с остатками крупных кострищ и двумя балановскими сосудами, но без следов погребения. Исследовалось двуслойное Кубашевское городище (верхний слой — IV—VI вв. н. э., нижний — балановское время, в нем обнаружены 3 жилища и ямы).

Обследованы 17 могильников абашевской культуры, и на восьми из них вскрыто более 40 курганов. В основных чертах абашевские памятники этого района сходны с аналогичными памятниками Чувашии. Изучались также памятники фатьяновской культуры. Небольшие раскопки были осуществлены на Чирковской стоянке (верхний слой — своеобразная культура эпохи бронзы, нижний — неолит). Открыто 5 новых и обследовано шесть ранее известных городищ I тысячелетия н. э. (раскопки проводились Т. А. Хлебниковой на Верхне-Режежском и Кунцевском городищах). Исследовано 12 марийских могильников и кладбищ XVI—XVIII вв. В. Ф. Геннинг вел раскопки и разведки памятников эпохи железа в бассейне рек Пижмы и Иж. Раскапывались Кочергинский могильник (выяснено, что памятник весь исчерпан раскопками М. В. Талицкого), Юмский могильник (вскрыто 9 погребений IX—XI вв.), Сарапульское жертвенное место (не ранее IX—X вв.). В Ветлужском районе Горьковской области по рекам Ветлуге и Какше А. Х. Халиковым обнаружено 6 новых памятников, относящихся в большинстве к I тысячелетию н. э. Раскопки были поставлены на известном Чертовом городище (рубеж нашей эры — V в.), где вскрыты 3 погребения существовавшего здесь в V в. — начале VI в. могильника. Девять погребений (и несколько разрушенных) вскрыто на Веселовском могильнике X—XI вв., 13 погребений IX—XI вв. — на могильнике «Черемисское кладбище» (здесь следует отметить находки саманидских дирхемов X в.).

В 1958 г. экспедиция под руководством А. Х. Халикова (при участии Горьковского государственного университета, Горьковского областного краеведческого музея и Марийского музея) проводила работы 5 отрядами (начальник одного из них — А. Х. Халиков, начальники других отрядов — В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, Г. А. Архипов, Е. А. Безухова) в юго-западных районах республики и на северо-востоке Горьковской области в пределах бассейна р. Ветлуги. Обнаружено свыше 100 археологических памятников от эпохи верхнего палеолита до XVI—XVII вв. Получены новые, существенные данные о неолитических памятниках Среднего Поволжья, относящихся главным образом к балахнинской культуре. Из памятников эпохи бронзы изучались поселения волосовской, балановской, сейминско-чирковской культуры. Завершены раскопки Акозинского могильника эпохи раннего железа, где вскрыто 127 погребений. Дополнительно обследованы поселения ананьинского времени на реках Волге и Ветлуге. Новыми для Поволжья оказались курганные могильники III в. н. э., обследованные в Горно-Марийском районе. Интересные данные получены также о средневековых памятниках (XII—XIV вв.) Марийского Поволжья.

М. С. Акимова в 1958 г. (Институт и музей антропологии МГУ и Марийский научно-исследовательский институт) раскапывала могильник XVII в. около дер. Нижний Лоп — Солинск (Оршанский район). Вскрыто 16 погребений с небольшим количеством вещей.

Ульяновская и Куйбышевская области. В 1957 г. работы велись отрядами Куйбышевско-Чувашской экспедиции⁴⁵.

Саратовская область. Отряд Волгоградской экспедиции проводил раскопки курганов (1957 г.)⁴⁶. В том же году Е. К. Максимов (Саратовский областной краеведческий музей) обнаружил ряд курганов по течению р. Карамыш в б. Ширококарамышском и Красноармейском районах.

⁴⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 333.

⁴⁶ И. В. Силицын. Ровненский курганный могильник. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961.

Кроме того, обследованы Чардымское (б. Воскресенский район) и Танавское (Саратовский район) городища. В 1958 г. И. В. Сисицын продолжал исследования курганов.

Волгоградская и Астраханская области. В 1957 г. велись исследования Волгоградской⁴⁷ экспедицией, оба года работала Астраханская экспедиция⁴⁸.

В 1958 г. В. А. Фисенко (железнодорожная школа № 31, станция Петров Вал, Камышинского района, Волгоградской области) раскопаны 2 разрушающихся кургана у станции Петров Вал; в одном из них вскрыто погребение эпохи бронзы.

Ростовская область. Оба года велись исследования Нижнедонской⁴⁹ и Кобьяковской⁵⁰ экспедициями. В 1957 г., кроме этого, работал 1-й палеолитический отряд Северокавказской экспедиции⁵¹, а в 1958 г. — Донская экспедиция ИИМК и Донская экспедиция Государственного Эрмитажа⁵².

В 1958 г. экспедиция под руководством М. Д. Гвоздовер (Институт и музей антропологии МГУ и Ростовский областной краеведческий музей) обнаружила на палеолитической стоянке Каменная Балка (хутор Недвиговка, Мясниковского района) скопления изделий из кремня и ракушек. Распределение находок позволяет предполагать остатки жилища в западной части поселения. Близ этой стоянки открыта еще одна верхнепалеолитическая стоянка — Каменная Балка II и обследовано мустьерское местонахождение в пойме Дона на территории Рогожинского рыбхоза. Осмотрен ряд местонахождений в долине Донского Чулека.

Чечено-Ингушская и Северо-Осетинская АССР. В пределах обеих республик оба года работали несколько отрядов Северокавказской экспедиции⁵³.

Дагестанская АССР. Как и в предыдущие годы, исследования вели отряды археологической экспедиции ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР. Отряд, руководимый М. И. Пикуль, в 1957 г. на Бавтугайском могильнике VII—VIII вв. н. э. вскрыл 4 погребения и 6 кострищ. Инвентаря немного, но среди украшений есть золотые изделия (серьги и проволочное височное кольцо). За 2 года на Бавтугайском городище открыты многочисленные жилища, характеризующие жизнь на нем в течение нескольких столетий — с IV в. по IX—X вв. н. э. Сначала здесь были саманные жилища, затем глинобитные постройки турлунного типа и в последующий период — многокомнатные дома с каменными основаниями и глинобитными стенами. В 1957 г. на Хабединском могильнике (близ с. Ругуджа) вскрыто 12 грунтовых погребений, расположенных тремя горизонтами (VI—I вв. до н. э. — I—III вв. н. э.). Почти все погребения сопровождалось украшениями, предметами вооружения и конской сбруи. В 1958 г. при разведках по правому берегу р. Сулак обнаружены 4 могильника. На многослойном поселении

⁴⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 332, 333.

⁴⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 333; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 285.

⁴⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 334; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 286.

⁵⁰ «Экспедиция ИИМК по античной археологии». КСИИМК, вып. 78, 1959; Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 285.

⁵¹ А. А. Формозов. Исследование памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. КСИИМК, вып. 78, 1959.

⁵² Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 285, 290, 291.

⁵³ Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1959; е го же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 97—110; В. И. Марковин. Археологические работы в Артунском ущелье в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961; Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961; В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961 и в настоящем выпуске.

(от эпохи энеолита до II—III вв. н. э.) близ Аркаса раскопано прямоугольное жилище VI—V вв. до н. э.

Первый горный отряд экспедиции (руководитель — В. Г. Котович) в течение 2 лет проводил разведки в нескольких районах республики и обнаружил разновременные памятники — от эпохи позднего палеолита до средневековых. В 1957 г. продолжены исследования двух позднеэнеолитических и одной мезолитической стоянок близ с. Ругуджа. Стационарные работы были поставлены и на Чохской стоянке, где выявлено 6 слоев — от раннего этапа верхнего палеолита до конца эпохи мезолита. В 1958 г. у селения Мекеги (Левашинский район) исследовались позднепалеолитическая стоянка (в верхнем слое ее обнаружен могильник эпохи железа), энеолитическое поселение, селище эпохи бронзы, 2 пещеры, а также башня сарматского времени. Несколько местонахождений каменного века обследовано в Акушинском районе. Новые памятники (главным образом могильники различного времени) обнаружены в Дахадаевском районе (у селений Кубачи, Дибгачи). Раскопки проводились на Верхнегунибском поселении, существовавшем в течение тысячелетия — от конца эпохи энеолита до поздней бронзы. Обнаружены остатки двух прямоугольных каменных построек и исследованы 2 оборонительных стены.

Вторым горным отрядом (руководитель — Д. М. Атаев) за 2 года проведены раскопки нескольких разновременных могильников: в урочище Гала (V—XIV вв. н. э.), Баитлинского (VII—X вв.), Бежтинского (VIII—X вв.), в долине р. Аварское Койсу (середина II тысячелетия до н. э.), у хутора Урала (V—VII вв.). Близ некоторых из них исследовались одновременные поселения — у Бежтинского могильника и около могильника в долине р. Аварское Койсу.

В 1957 г. отрядом экспедиции (руководитель — Н. Д. Путинцева) продолжались исследования Верхнечирюртовского могильника, где вскрыто 10 катакомб и 11 грунтовых могил V—VII вв. н. э., и поселения, на котором раскопаны остатки дома, состоявшего из ряда помещений. В 1958 г. на Бавтугайском поселении IV—IX вв. обнаружены стена помещения и многочисленные ямы. В кургане у селения Н. Чиркей раскрыта гробница эпохи поздней бронзы, а в близлежащем могильнике этого же времени — каменный ящик. На поселении, расположенном около Н. Чиркея, найдены остатки фундаментов трех построек из мергелевых плит (эпоха поздней бронзы). В могильнике в местности Узун-тала доследован обнаруженный в 1952 г. склеп VIII—IX вв. н. э. Отряд К. А. Бредэ оба года исследовал Нижнее Сигитминское поселение (начало I тысячелетия н. э.). Вскрыты большое многокамерное жилище с очагами, сооружение производственного или культового назначения, площадки из обожженной глины. На Сигитминском городище в 1957 г. открыты караульное помещение башни и остатки жилища. В 1958 г. на правом берегу р. Сулак осмотрены несколько поселений эпохи бронзы и железа и средневековых. На Чиркейском поселении на горе Таб-Шоб зачищено жилище эпохи бронзы, а также обследованы 4 стены, представляющие, очевидно, заставы на средневековых караванных путях.

В 1957 г. отряд экспедиции (руководитель — В. И. Канивец) продолжал исследования на Миатлинском курганном поле и в урочище Сигитма. Из трех вскрытых курганов выделяется Большой Миатлинский курган, в насыпи которого обнаружены два каменных сооружения, а на древней поверхности — кромлех. Под насыпью вскрыты 4 погребения и каменная ритуальная оградка; 3 погребения и оградка относятся к раннему этапу эпохи бронзы. Кроме этого, раскопано по одному кургану с погребениями XVIII—XIV вв. до н. э. в группах III и V. На Сигитминском поселении № 1 раскрыты 3 жилища, печь, 2 площадки, служившие основанием для каменных строений или навеса. Верхний слой поселения относится к каякентско-хорочоевскому времени, нижний — к рубежу III и II тысячелетий до н. э. или к самому началу II тысячелетия до н. э.

Краснодарский край. На территории края работали отряды Пантикапейской экспедиции (в 1957 г.—2 отряда⁵⁴, в 1958 г.—один⁵⁵) и Северокавказской экспедиции (в 1957 г.—один⁵⁶ и в 1958 г.—2 отряда⁵⁷).

В 1957 г. экспедиция Сочинского краеведческого музея (руководитель — Н. В. Анфимов) вела разведки в Адлерском и Лазаревском районах. Выявлен ряд ранее не известных памятников, обследованы средневековые крепости XIV—XV вв. и раскопано несколько курганов (в ущелье Капабье — 4 адыгейских кургана XV—XVI вв., у с. Абазинка — 4 кургана с погребениями в каменных гробницах XV—XVI вв.). В долине р. Восточной Хосты обследовано адыгейское селище XII—XV вв.

В том же году Н. И. Соколов (Лаборатория гидрогеологических проблем АН СССР) обследовал 10 пещер в Сочинском и Адлерском районах. В некоторых пещерах найдены кости животных, кремневые отщепы и керамика.

Л. Н. Соловьев (Лаборатория гидрогеологических проблем АН СССР) продолжал исследование гротов Большой Воронцовской пещеры. Обнаружено несколько разновременных стоянок (начиная с эпохи неолита). Большинство стоянок — многослойные.

В 1958 г. И. Д. Марченко (ГМИИ) провела разведочные раскопки на Майской горе в окрестностях Фанагории. Обнаружен культурный слой конца III в.—начала II в. до н. э.

В том же году П. А. Дитлер (Адыгейский научно-исследовательский институт) вскрыл 4 погребения в могильнике Колосовка I (Ярославский район). Это коллективные захоронения в неглубокой яме, засыпанной слоем уплотненной и сильно обожженной глины. Инвентарь одного из погребений находит сходство с материалом Борисовского и Верхне-Салтовского могильников. В могильнике Ясеновая Поляна найдено 13 погребений — раннесарматских (VII—VI вв. до н. э.), позднесарматских (II—IV вв. н. э.) и средневековых (XII—XVI вв.). В могильнике Махонивский I раскопаны 9 курганов с погребениями XV—XVI вв. В могильнике Колосовка II обнаружены 2 погребения, одно из которых датируется V—VI вв. На территории могильника открыто селище VI—VII вв., обследована раннесредневековая печь близ поселка Колосовка на р. Фаре. При разведках в Ярославском и Тульском районах выявлено 6 палеолитических и неолитических местонахождений. В разрушенном кургане на территории хутора Привольного (Кавказский район) вскрыты разрушенные впускные погребения и два сарматских I в. до н. э.—I в. н. э.

Экспедиция под руководством Ю. С. Крушкол (МОПИ) провела разведки на территории совхоза Джемете (Анапский район); обнаружены поселения III—I вв. до н. э. и более позднего времени. У хутора Благовещенского открыто поселение IV—III вв. до н. э., в станице Благовещенской — позднеэллинистическое поселение; у хутора «Рассвет» вскрыта каменная гробница второй половины V в. до н. э., в которой был погребен воин, вероятно, — синд.

Ставропольский край. В 1957 г. археологические исследования на территории края вел один из отрядов Северокавказской экспедиции⁵⁸.

А. П. Рунич (Пятигорский краеведческий музей) в 1957—1958 гг. проводил наблюдения за земляными работами в районе Кавказских минеральных вод. В карьере около Кисловодского искусственного озера вскрыто 18 разновременных погребений, большей частью разрушенных, — в катакомбах, ка-

⁵⁴ Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 годах. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961; И. Б. Зеест. Архаические слои Гермонассы. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.

⁵⁵ Н. И. Соколовский. Работы в Кечах в 1958 году. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961; в 1959 г. см. в настоящем выпуске.

⁵⁶ А. А. Формозов. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. КСИИМК, вып. 78, 1959.

⁵⁷ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 282, 283.

⁵⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 330.

менных ящиках и грунтовых. В 1958 г. исследовались три Березовских могильника, в которых осмотрены погребения в катакомбах и каменных ящиках. В могильнике № 1 (г. Кисловодск) исследованы 5 погребений в каменных ящиках (скорченные, одно — двойное); погребение без каменного ящика (с остатками двух мечей с крестообразными рукоятками); погребение в катакомбе (скорченное, с большим количеством вещей). В могильнике № 2 исследованы 5 катакомб и кострища между каменными ящиками.

Е. П. Алексеева (Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт) в 1957 г. работала в окрестностях аулов Бесленей и Инжичукун (Хабезский район Карачаево-Черкесской автономной области). У аула Бесленей вскрыто 9 адыгейских курганов XIV—XV вв. На месте могильника в эпоху бронзы существовало поселение. В самом ауле, в полуразрушенном кургане, обнаружено погребение эпохи бронзы (начало II тысячелетия до н. э.). У аула Инжичукун найдено 9 могил с каменными ящиками (прикубанской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.)). В 1958 г. в могильнике на южной окраине аула Карт-Джурт (Карачаевский район Карачаево-Черкесской автономной области) вскрыты 8 могил, большей частью относящихся к рубежу XVI—XVII и XVIII вв. и принадлежавших карачаевцам. При раскопках поселения на восточной окраине аула обнаружены очаг и несколько ям. На поселении у аула Уччулан открыты 4 постройки (одна состояла из двух помещений). Судя по керамике, жизнь здесь была в кобанское, сарматское и аланское время.

Кабардино-Балкарская АССР. В 1958 г. В. И. Горемыкина (Кабардино-Балкарский государственный университет) вела разведки в Баксанском, Терском и Зольском районах. Обследован грунтовый могильник близ с. Терек, существовавший длительное время — от эпохи неолита или медно-бронзового века до раннескифского периода. Осмотрены 2 разрушенных скифских погребения близ того же селения на правом берегу р. Дея. У с. Светловодского собран материал конца III — начала I тысячелетия до н. э. и VI—IV вв. до н. э.

Томская область. В. И. Матюшенко (Музей истории материальной культуры Томского государственного университета) в течение двух сезонов продолжал исследование поселения эпохи бронзы у поселка Самусь. Вскрыты землянки, очаги, каменная выкладка, скопления костей животных и камней. Среди находок обращают на себя внимание рельефные каменные изображения лица человека и головы медведя и антропоморфные изображения (фигура или лицо) на некоторых сосудах. В 1957 г. Г. В. Трухин (Томский государственный университет) вел археологическую разведку в пределах Бачкарского, Чаинского и Колпашевского районов по берегам рек Иксы и Чая. Обследованы остатки поселения с тагарской керамикой у дер. Федосеевка, культурное место эпохи бронзы и железа на горе Кулайка, могильники у дер. Прорва (и селище), у сел Чаинского и Чежемто.

Кемеровская область. М. Г. Елькин (Краеведческий музей г. Прокопьевска) продолжал раскопки курганов VIII—XI вв. в окрестностях с. Бедари (Гурьевский район). В 1957 г. вскрыты два, а в 1958 г. — 5 курганов. В некоторых из них оказались погребения лошадей. Из находок следует упомянуть меч VIII—IX вв., найденный в погребении воина-кочевника. В этом же кургане обнаружено хорошо сохранившееся погребальное сооружение (1958 г.). В одном из курганов, относящемся к сrostкинской культуре (IX—X вв.), вскрыто 5 погребений (3 погребения — взрослых и два — детских). При разведках от станции Польшаево до станции Промышленная зафиксировано несколько курганных групп.

А. И. Мартынов (Кемеровский областной краеведческий музей, Кемеровский государственный педагогический институт, Детская экскурсионно-туристическая станция) в 1957 г. вел исследования в Северном Кузбассе. Осмотрено 11 курганных групп и курганы, описанные Оссовским. Раскопано 9 курганов с погребениями, относящимися к андроновскому и тагарскому вре-

мени в группе с. Б. Пичугино. У с. Тисуль вскрыты 3 кургана тагарского времени, у с. Тамбар — курган раннетащтыкского времени. В 1958 г. обследованы бассейны р. Ини и ее притоков — рек Кии, Урюпа (левый берег) и Серты. Осмотрено 37 курганных групп, причем памятники по рекам Урюпу, Кии и Серте в большинстве относятся к тагарскому времени, по р. Ине — близки по типу памятникам Верхнего Приобья.

Новосибирская область. В 1957 г. Т. Н. Троицкая (Новосибирский областной краеведческий музей и Новосибирский педагогический институт) раскопала в с. Камень ограбленный курган, в котором обнаружена карасукская керамика. При разведках близ с. Ново-Бибиво осмотрены 2 городища. В 1958 г. изучалось поселение карасукского времени у Каменного озера и обнаружены следы очага.

Красноярский край. В 1957 г. вел исследования урюпский отряд Красноярской экспедиции, а в 1958 г. здесь были сосредоточены работы всей экспедиции⁵⁹.

Р. В. Николаев (Красноярский краевой краеведческий музей) в 1957 г. продолжал работы в зоне строительства Красноярского алюминиевого комбината. Раскопан курган второй стадии тагарской культуры — Коркино II, в котором обнаружены остатки около 50 погребений. На стоянке в устье лога «Большой глубокий» найден материал, относящийся к тагарской культуре; в окрестностях с. Ильинского осмотрены крайний западный участок Шалоболинской писаницы (с изображением животных, лодки с гребцами и т. д.) и стоянка карасукского времени. В 1958 г. проводились исследования в Туруханском районе (Красноярский краевой краеведческий музей, Институт этнографии АН СССР, Енисейский районный музей). Обследованы самая северная неолитическая стоянка на территории края — Серковская, окрестности поселка Серково, поселение у станка Сургутихи (с конца эпохи неолита до эпохи железа), неолитическая стоянка у станка Подкаменная Тунгуска.

В 1957 г. А. Н. Липский (Хакасский областной краеведческий музей) исследовал афанасьевский могильник Тас-хаза у улуса Чаптыкова (Хакасская автономная область). В пределах оградки обнаружены 15 могил, из которых лучше сохранились шесть. Одно из погребений, возможно, принадлежало главе родовой общины. Интересны рисунки, найденные на плитах некоторых погребений, — изображения человеческих фигур и личин, фигуры с каплевидным расширением, ястребовидной головой и т. д. В погребениях встречены разнообразные сосуды, зернотерка, ножи, игольники, каменная колотушка, кремневые наконечники стрел, украшения (бусы, колечки) и т. п.

В 1958 г. И. Б. Николаева (Красноярский краевой краеведческий музей) вела раскопки на территории деревянного укрепления — острога, на месте первоначального г. Красноярска (XVII в.). Обнаружены венцы 3 срубов, находящихся один в другом. Сооружение, очевидно, представляет собой остатки южной башни, использовавшейся для хозяйственных надобностей после того, как острог перестал играть свою основную роль. Вскрыта часть подобного же деревянного сооружения и найдено несколько захоронений в гробах и склепах. Небольшие работы проводились на Перевозинской стоянке, где собрана керамика с крестообразным орнаментом, очевидно, принадлежавшая предкам ненцов.

Г. А. Максименков (Канский краеведческий музей и ЛОИИМК) выполнил небольшие работы на дюне берега Долгого озера (западная окраина г. Канска). Обнаружены 3 неолитические могилы (исаковско-серовский период), одна из которых — двойная. На дюне собран подъемный материал, показывающий, что она была обитаема с эпохи неолита до эпохи железа.

В 1958 г. Л. Р. Кызласов (Хакасский ИЯЛИ и МГУ) проводил разведки и раскопки в Аскизском и Усть-Абаканском районах Хакасской автономной

⁵⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 332; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283, 284.

области. Открыты фатьяновский, карасукский и тагарские могильники, памятники таштыкской эпохи и ранее не известные чаатасы VI—VIII вв. На некоторых чаатасах обнаружены карасукские стелы. Отмечены также поздние (II тысячелетие н. э.) кладбища из округлых каменных курганов. Наиболее интересные результаты получены при исследовании могильников XI—XII вв. под скалой Хара-хая и на сопке Кизек-тигей (на правом берегу р. Аскиз). Под насыпями на горизонте найдены остатки погребальных кострищ и кучки пережженных человеческих костей. В этих курганах погребены воины-дружишники с большим количеством предметов вооружения и конской сбруи. Обследовалась линия укреплений (из рвов и каменных стен с бастионами), охватывающая дугой горы Оглахты на протяжении около 15 км (XVII в.). Это, очевидно, «каменные городки» енисейских кыргызов. На реках Уйбат и Бюрь в двух могильниках вскрыты 3 афанасьевских кургана; раскопано 7 каменных ящиков на карасукском могильнике у скалы Хара-хая.

В том же году В. Г. Карцов (Абаканский педагогический институт) исследовал 4 кургана с погребениями ранней стадии тагарской культуры в группе у с. Аскиз. В районе улуса Маткочик осмотрено 9 различных по характеру и времени памятников (курганы, могильники, писаница и т. п.) и раскопаны 3 карасукских площадки из валунов. Вскрыты 2 карасукских кургана в долине под склоном Ортын-Сораха; на камне одного из них выбита фигура шамана. Раскопаны 3 каменных кольца, раннетагарское погребение на центральной улице улуса Маткочик и хакасская могила XIX в. у подножия горы Ортын-Сораха.

Иркутская область. Оба года велись работы Ангарской экспедиции⁶⁰. Исследовалась стоянка Мальта⁶¹.

В 1957 г. П. П. Хороших (Иркутский государственный университет) раскопал ниже устья р. Китоя, в местности Ярки, 2 погребения китойского этапа и на правом берегу г. Ангары, в пади Огневка, погребение серовского этапа. Кроме того, исследовались неолитические стоянки в местности Курганиха, в падах Волчья, Огневка, близ поселка Буреть. Осмотрено несколько пещер на побережье рек Ангары и Белой. В 1958 г. проводились изыскания в зоне строительства Братской ГЭС на участке Иркутск — Усть-Уда и на Байкале. Обследованы палеолитические стоянки (в окрестностях с. Каменки, у устья р. Уды, возле с. Тельми) и неолитические стоянки (у Малышовского ручья, в распаде Угольном, вблизи с. Усть-Уда, у дер. Милославки). Открыто еще одно неолитическое погребение в г. Иркутске. На дюнной стоянке Балагаевские Пески собран материал, относящийся к эпохе неолита, бронзы и железа. При обследовании наскальных рисунков на острове Марактуй выяснено, что древнейшие из них относятся к поздней поре неолита или к началу эпохи бронзы; остальные, вероятно, датируются эпохой раннего железа. На озере Байкал обнаружены стоянка эпохи неолита и железа у Чаячьего утеса и стоянка китойского времени около пади Малой Сенной. В пещере на горе Скрипер найдены материалы, которые датируются эпохой неолита и веком железа (в это время здесь было место захоронений).

В. В. Свиинин (Иркутский областной краеведческий музей) в 1958 г. обследовал исток р. Ангары на участке Лиственичное — Патроны. Осмотрены стоянки Никола I, «у Ангарских хуторов» и на острове Сосновом.

Читинская область. На территории области оба года работала Монгольская экспедиция⁶².

Тувинская автономная область. В 1957 г. Л. Р. Кызла-

⁶⁰ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 330, 331; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283; А. В. Никитин. Раскопки Братской крепости. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961.

⁶¹ М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта. (Раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, 1958, № 3, стр. 28—52.

⁶² Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 330, 331; е е же. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 284.

сов (МГУ) раскапывал поселение и курганы⁶³. В 1958 г. велась раскопки городища XII в. Оймак (близ г. Шагонара, Улуг-Хемского района). Вскрыто помещение большой фанзы со столбовыми стенами, кухонной печью посередине и каном по всей северной стене. Обнаружены богатый набор орудий для переработки зерен в муку и крупу, различная керамика, фрагменты импортных (из Сунского Китая) сосудов из белого фарфора или фаянса с синей двусторонней глазурью. Найдена джурчженьская монета 1188 г. Кроме фанзы, раскопано здание из двух помещений, очевидно, — административное. На принадлежащем городищу могильнике в урочище Чурумал открыт кенотаф (судя по вещам, — женский). В урочище Чаланныг найдена тюркская каменная фигура VI—VIII вв. В могильнике № 1 на речке Чааты (который раскапывался в 1927 г. С. А. Теплоуховым) вскрыто 6 курганов (три — ограбленные). По антропологическому типу погребенные сходны с современными узбеками и уйгурами. Этот могильник, очевидно, — кладбище уйгуров, обитавших на III Шагонарском городище.

А. Д. Грач (Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР) в 1957—1958 гг. основные работы проводил в Монгун-Тайге. В 1957 г. в высокогорной долине р. Каргы раскапывались курганы с каменной наброской и впускными захоронениями XVIII в., кенотафы, ритуальные выкладки, оградки со стенами внутри ограждения, херексурсы и много других памятников, в основном принадлежавших древнетюркскому населению VI—VIII вв., а также относящихся и к более позднему периоду. В погребениях встречено много предметов, находящих аналогии среди древнетюркских памятников Южной Сибири и Монголии, и изделия китайского производства (остатки шелка и зеркало с надписью танского времени). Обследованы также древнетюркские каменные изваяния, орхонские надписи около поселка Чаа-Холь, древние горные выработки и древняя рудовозная дорога (Чаа-Хольский и Улуг-Хемский районы). В 1958 г. в одном из кенотафов обнаружена танская монета. При разведках в бассейне озера Кара-Холь в 1958 г. зафиксированы курганы с каменными насыпями, древнетюркские ритуальные оградки, изваяния, херексурсы и т. д. Здесь раскопано 27 памятников, среди них — каменный курган V—III в. до н. э. в могильнике в долине Кожээлиг-Хову, курган с 4 погребениями первых веков нашей эры, древнетюркские ритуальные оградки, каменный курган гунно-сарматского времени (в могильнике на плато Карасуглук-Шоль-аксы). Осмотрены 6 каменных изваяний; в долине р. Тапсы обнаружены петроглифы (у вершины горы Кожаагар близ Тапсы-аксы). В Байтайге, в могильнике у Тээли, раскопаны каменный курган и каменная выкладка древнетюркского времени.

В 1957—1958 гг. продолжал исследования С. И. Вайнштейн⁶⁴ (Тувинский ИЯЛИ). В 1958 г. раскапывались курганы в урочище Даш-тыг-хову, в урочище Хербис-Баары (в последнем вскрыто 2 тюркских кургана VI—VII вв.; обследованы расположенные рядом с курганами стелы, на одной из которых обнаружена руническая древнетюркская надпись) и в урочище Борбак-Даш. Осмотрены каменные изваяния и оградки в урочище Кожээ-Шолу и близ поселка Арыскан, каменные кладки в урочище Борбак-Даш. Обследованы городища Молгаш-Бажин у поселка Баян-Тала и у поселка Ийме. Продолжались раскопки уйгурского городища Бажин-Алак. Почти полностью вскрыты большое наземное жилище и остатки 7 землянок. Исследовались стены и башни городища. В результате работ экспедиции выяснено, что так называемая «дорога Чингиз-хана» является средневековым оборонительным валом, тянувшимся на большое расстояние. Вал был прорезан в двух местах и изучена его конструкция. Открыт ров; в одном разрезе вала обнаружены следы сгоревшего сооружения, возможно, — башни.

⁶³ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 339.

⁶⁴ С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 217—237.

Бурятская АССР. А. В. Давыдова в 1958 г. (Бурятский научно-исследовательский институт, ЛГУ) продолжала работы на гуннском Иволгинском городище. Полностью исследованы 8 жилищ и одно — частично. Выяснено, что они располагались рядами параллельно южным валам городища. Внутри жилищ обнаружены ямы и очаги. Находки — изделия из металла (бронзы и железа), кости, камня, предметы вооружения, украшения. Вскрыты 53 хозяйственных постройки, углубленных в материк. Время существования городища — II в. до н. э. — начало I в. н. э. Жилища разновременные.

Приморский край. Оба года продолжали археологические исследования отряды Дальневосточной экспедиции⁶⁵.

В 1958 г. Э. В. Шавкунов (Дальневосточный филиал АН СССР) исследовал остатки сооружения, — возможно, буддийской кумирни, — бохайского времени (VIII—X вв. н. э.) близ с. Кроуповки в долине р. Чапигоу (Славянский район). Найдено большое количество фрагментов кровельной черепицы, облицовочные плиты, обнаружен пол почти квадратного здания. Четырехскатная крыша состояла из 3 или 4 ярусов, причем ее верхний ярус имел пирамидальную конструкцию. Карнизы коньков крыши были украшены черепицей с концевыми дисками (их оказалось 16 экземпляров — целых и во фрагментах). Против крыльца помещались 2 базальтовые плиты, — очевидно, базы от подъездной арки. На склоне близлежащих сопок обнаружены захоронения.

Сахалинская область. В 1957 г. продолжались работы сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции⁶⁶.

Магаданская область. В 1957 г. Н. Н. Диковым (Чукотский краеведческий музей) проведены разведки и раскопки⁶⁷. В 1958 г. изучались неолитические стоянки Вакерная, Чикаево, Усть-Бельский и Уэленский могильники. На стоянках найден материал, давший возможность по-новому осветить неизвестную ранее континентальную культуру, несколько более позднюю, чем культура на озере Чировом, Амгуэме и Усть-Белой. В Усть-Бельском могильнике раскопаны еще 2 каменных кургана и обнаружены изделия, позволяющие говорить об употреблении бронзы на Чукотке. В этом же могильнике собран исключительно интересный палеоантропологический материал; один из черепов сочетает черты арктической расы и в меньшей мере — байкальского типа североазиатской расы. Вскрыто 22 погребения в Уэленском могильнике. При разведках по рекам Майн и Анадырь найдены керамика, орудия из кости оленя. Чукотский отряд Северной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством М. Г. Левина в 1958 г. также раскапывал Уэленский могильник. Вскрыты 23 погребения, 3 полуразрушенные могилы и обнаружены отдельные черепа и кости. Инвентарь — в основном каменный и костяной. Выявлено 19 основных типов наконечников гарпунов. Погребения относятся к разным культурам. Р. В. Васильевский (Магаданский областной краеведческий музей) вел разведки на Охотском побережье (Ольский район) и нашел остатки жилищ XVII—XVIII вв. на р. Яме и на мысе Травяном. Осмотрено место корякских жертвоприношений на острове Буяне. Обнаружено древнее поселение. Раскопано большое жилище на поселении на полуострове Пьягина; аналогичные жилища раскрыты также на поселении в бухте Иткилан и на косе Варганчик. Хронологически пьягинские памятники датируются рубежом нашей эры и принадлежат древним корякам.

⁶⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч. СА, 1958, № 2, стр. 332; е е ж е. Указ. соч. СА, 1959, № 2, стр. 283.

⁶⁶ Р. В. Чубарова. Неолитическое поселение Ноглики I (по работам 1957 года). КСИА АН СССР, вып. 85, 1961.

⁶⁷ Н. Н. Диков. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 г. Записки Чукотского краеведческого музея, вып. 1, Магадан, 1958, стр. 45—57.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Археологическая комиссия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВАН — Вестник Академии наук
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАН — Известия Академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МОПИ — Московский областной педагогический институт
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ФАН — Филиал Академии наук СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BMFEA — Bulletin. Museum of far Eastern antiquities (Stockholm)
Söomen Muinaismuist. Aikakauskirya
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. А. Семенов. Происхождение абразивной техники и ее значение в древнем хозяйстве	3
П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Торопца	11
Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Бронзовая пластинка из Карабулакского могильника	21

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка под Одессой. (Раскопки 1959 года)	28
А. П. Окладников и Н. И. Леонов. Первые находки каменного века в Фергане	36
Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское поселение. (Раскопки 1959 года)	43
Н. И. Соколовский. Раскопки в Кепях в 1959 году	55
Т. М. Арсеньева. Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 году	66
И. П. Русанова. Разведка по реке Уж	70
В. В. Седов. Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине	73
Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году	78
И. Г. Хынку. Раскопки на селище XII—XV веков Лукашевка V	86
В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году	92
В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечня)	101

III. ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

О. Н. Бадер. Второй Турбинский могильник	108
С. М. Абрамзон. О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов	113

IV. ХРОНИКА

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1957—1958 годах	117
Список сокращений	139

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии»

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Н. Д. Новичкова, О. М. Гуськова
Корректор А. Г. Короткова

РИСО АН СССР № 106-87В Сдано в набор 17/VII 1961 г. Подписано к печати 28/XI 1961 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. 8³/₄ печ. л. 11,99 усл. печ. л. 11,6 уч.-издат. л. Тираж 1400 экз. Т-12638
Изд. № 5494 Тип. зак. № 2228

Цена 70 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10